

Просуществует ли Запад до 2084 года?

**О проблемах и перспективах
семьи, частной собственности и
государства**

Карней Шомрон

2011

Просуществует ли Запад до 2084 года?

О проблемах и перспективах семьи, частной собственности и государства

А. Энтова, М. Яновский, Й. Сокол, В. Ротенберг,
В. Фультмахт, И. Добрускина, М. Бронштейн

Составитель: Й. Сокол
Редактор: Х. Юдин

Web-site: <http://YanovskiyMoshe.com>

האם המערב ישרוד עד 2084?
על בעיותיהן ועתידן של המשפחה, זכויות הקניין והמדינה
קובץ מאמרים
קרני שומרון תשע"א

Содержание

От составителя: Восток и Запад – война цивилизаций	4
I. Грядущая катастрофа и как с ней бороться	
<i>А. Энтова.</i> Проблемы массового общества	12
<i>М. Яновский, Й. Сокол.</i> Социальное или демократическое?	33
<i>М. Яновский, Й. Сокол.</i> Кризис семьи в современном обществе	66
II. Формирование ответственной личности	
<i>В. Ротенберг.</i> Феномен Лицея	88
<i>В. Ротенберг.</i> Преодоление “обученной беспомощности”	96
III. Люди и политика: Израильский опыт	
<i>В. Фультмахт.</i> Территории в обмен на власть	108
<i>В. Ротенберг.</i> Ариэль Шарон – простая и скучная история	115
<i>А. Энтова.</i> Прощание с сионизмом	122
IV. Исторические параллели	
<i>И. Добрускина.</i> Израиль глазами репатрианта из СССР	134
<i>М. Бронштейн.</i> Заманиваем арабов и ждем морозов	151

От составителя: Восток и Запад – война цивилизаций

Что общего между мультикультурализмом и глобальным потеплением? Наш сборник ставит своей целью дать ответ на этот кажущийся бессмысленным вопрос.

Высокие и продолжающие расти налоги, поощрение социального паразитизма, государственное вмешательство в дела семьи – все это звенья одной цепи. Звенком в этой цепи является и растиражированный средствами массовой информации мультикультурализм, понимаемый как полное отсутствие абсолютных ценностей – а посему облегчающий (за отсутствием четких критериев) бюрократу перераспределение средств налогоплательщика. И глобальное потепление – эта глобальная бездонная бочка для общественных средств, изобретенная бюрократами от науки с игнорированием научного подхода – является звеном в той же цепи.

Основное отличие нашей работы от предыдущих работ на данную тему заключается в том, что различные процессы современной жизни рассматриваются в наших статьях как проявления интегральной тенденции, угрожающей самому существованию свободного общества. При этом мы считаем – в отличие от большинства предшественников – что эта тенденция является реально обратимой.

“...мир... стал более обустроенным и населённым. Теперь можно добраться до каждой из дальних земель, все они исследованы и доступны для торговли. Дивные поместья сменили пустоши, пашни заменили лес, домашний скот вытеснил диких животных, бесплодная земля стала давать плоды, камни превратились в почву, болота осушены, число городов сегодня превышает число хижин старых времён, острова больше не внушают страха, а скалы – ужаса: везде люди, везде основаны поселения, всюду – человеческая жизнь...”

Трудно поверить, что данная цитата взята из работ раннехристианского философа Тертуллиана (III в. н.э.)¹... Несмотря на распространённое заблуждение, научно-технический прогресс всегда сопутствовал человечеству. Многоэтажные дома, ирригационные каналы, компас и кругосветные путешествия, порох, книгопечатание – вот внушительный и далеко не полный список эпохальных научно-технических достижений, предшествовавших т.н. промышленной революции. Но при этом бесспорен факт, что несмотря на все эти достижения широкие массы населения жили ещё в XVI в. примерно так же, как во времена Тертуллиана (да и за пару тысяч лет до него): детская смертность выше 50%, продолжительность жизни 40 лет (хотя отдельные долгожители были всегда), периодический голод, хроническая неуверенность в завтрашнем дне. Производительность труда росла, но неизменно съедалась ростом населения и вторжениями соседей, умевших разрушать и грабить лучше, чем строить и пахать. Ситуация начала изменяться в XVI-XVII вв. То, что действительно привело к промышленной революции, снизило к концу XX века детскую смертность до 0.1% и увеличило продолжительность жизни до 80 лет, было связано с идеей свободы и защиты прав личности. Идеей, что нельзя отбирать у человека ему принадлежащее, даже на столь веском основании, что у тебя большие кулаки (а также правильное происхождение или прогрессивная идеология). Идеей, издревле известной Человечеству из Книги Книг. Именно распространение этой идеи в Западном мире совершило революцию. И не принявший идей свободы Китай – у которого Запад научился изготовлению бумаги, пороха, ракет, а также системе профессиональной подготовки чиновников – остался (по крайней мере, на несколько столетий) на задворках Истории.

Считается, что история цивилизаций есть история противостояния Востока и Запада. Понятия “Восток” и “Запад” чисто условные. “Восток” означает рабство, человек ради системы. “Запад” означает свободу, система ради человека. Но вот парадокс: именно тогда, когда Запад окончательно опередил Восток с технико-экономической точки зрения, а нарезное оружие и авиация лишили кочевых бандитов каких-либо шансов,

¹ Цитируется по: Р. Нисбет, Прогресс. История идеи. (History of the Idea of Progress) М.: ИРИСЭН, 2007 ISBN 978-5-91066-012-4

Восток стал проникать на Запад через демократические институты. Об этой опасности писали ещё более ста лет назад французский философ-публицист Фредерик Бастиа, английский экономист Герберт Спенсер и многие другие.² Абсолютная свобода, проповедуемая “новыми либералами”, является лишь своеобразной, новейшей формой диктатуры. Например, свобода секса и гомосексуализма (с государственным поощрением разврата через пособия и налоговую политику) сочетается с жестким преследованием нормальных семей (через непропорциональное раздувание темы семейного насилия и поощрение доноительства). В последние 50 лет Восток успешно оттесняет Запад гео-политически. Расцвело новым цветом морское пиратство, полностью искорененное в начале XIX века. Но так или иначе, технико-экономический прогресс продолжался. 11 сентября 2001 г. следует считать переломным моментом.

Мир преобразился после 11 сентября. Например, сейчас невозможно сказать, какое долговременное воздействие на наше поколение окажет тот факт, что унизительный обыск с частичным раздеванием стал будничной рутинной перед посадкой на самолёт. (Заметим в скобках, что “окончательное решение” начиналось с унизительных, но вполне переносимых требований.) Теперь вопрос стоит так: быть Западу или не быть.

Некоторым читателям последнее предложение безусловно покажется чересчур драматичным. Они с усмешкой припомнят и вышедшую в 1918 г. книгу Освальда Шпенглера “Закат Европы”, и рефераты о скором конце капитализма, написанные ими самими в рамках курса научного коммунизма. Но напомним им, что спустя всего четверть века после выхода книги Шпенглера цивилизация на европейском континенте была спасена исключительно благодаря вмешательству из-за океана. И вообще для Истории не новинка – разрушение как будто незыблемых цивилизаций народами, не сопоставимыми с этими цивилизациями по технико-экономическому и военному уровню. Вот что писал более ста лет назад Гюстав Лебон, считающийся основоположником социальной психологии:

² Ф. Бастиа. Грабёж по закону. Челябинск: Социум, 2006
Г. Спенсер. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007

*“После того, как какой-нибудь народ достиг той степени цивилизации и могущества, когда он, уверенный в своей безопасности, начинает наслаждаться благами мира и благосостояния, доставляемые ему богатством, его военные доблести постепенно теряются, излишество цивилизации развивает в нем новые потребности, растет эгоизм. Гонимая только за лихорадочным наслаждением быстро приобретенными благами, граждане предоставляют ведение общественных дел государству и скоро теряют все качества, некогда создавшие их величие. Тогда соседние варвары и полуварвары, имеющие очень малые потребности и очень интенсивный идеал, совершают нашествие на слишком цивилизованный народ, уничтожают его и на развалинах старой цивилизации образуют новую.”*³

А какое отношение ко всему этому имеем мы, евреи? Какова роль крошечного народа в определении судеб Мира? По-видимому, немалая. Израильский общественный деятель и публицист Моше Фейглин справедливо подметил:

“Маленькая война между израильтянами и палестинцами почему-то привлекает пристальное международное внимание, выходящее за рамки любой логики. Львиная доля совещаний Совета безопасности ООН посвящена этой узенькой полоске побережья на восточной границе Средиземного моря. Международные телекомпании и радиоканалы непрерывно содержат здесь целые офисы с многочисленным персоналом. Государственные службы Соединенных Штатов, их конгресс и правительство без устали занимаются тем, что здесь происходит. И государства Европейского Союза, и Россия, и, естественно, страны ислама никак не могут оторваться от происходящего в Израиле. Количество убитых в войнах между Израилем и арабами мизерно по сравнению с потерями рода человеческого в различных войнах и неурядицах, произошедших с момента создания нашего государства. Может это и дико звучит для нас, но с объективной точки зрения Израиль – одно из достаточно тихих и безопасных мест на глобусе. Что же

³ Г. Лебон. Психология народов (Les lois psychologiques de l'evolution des peuples) 1894. Цитируется по: Психология народов и масс, Челябинск: Социум 2010, стр. 154.

означает всемирная озабоченность происходящим в нашем маленьком божьем уголке?

Здесь, на Земле Израиля, идет Мировая Война".⁴

Война между Западом и Востоком, между свободой и рабством, между жизнью и смертью. Мы не считаем предлагаемые в статьях сборника экономические рецепты – достаточно простые и далеко не новые – панацеей от всех бед. Но, говоря сухо и прагматично, следует вспомнить следующие слова Джона Милля:

“Согласно некоторым мнениям, правление является практическим ремеслом, ассоциирующееся с вопросами исключительно цели и средств... Найти наилучшую форму правления; убедить других в том, что она наилучшая; настоять на её принятии – такова идея приверженцев этой политической философии. Конституция рассматривается ими примерно так же, как и паровой молот или молотилка.

Сторонники противоположной концепции настолько далеки от ассоциации формы правления машине, что считают её естественно возникающей, а политические науки – разделом естествознания. Согласно этой концепции формы правления не являются предметом выбора. Мы должны принимать их такими, какие они есть...

Трудно сказать, какая из двух доктрин более абсурдна, если рассматривать её как всеобъемлющую теорию...”⁵

В 1969 году Андрей Амальрик написал пророческое эссе под названием *“Просуществовет ли Советский Союз до 1984 года?”*, в котором предсказал крах советской тоталитарной системы.⁶ Мы же, анализируя слабости свободного общества и угрожающие ему опасности, тем не менее уверены в его жизнеспособности. Наша глубокая уверенность в обратимости угрожающей тоталитарной тенденции зиждется в конечном счете на нашей “твердой

⁴ М. Фейглин. *Мировая война* (2000). В кн. М. Фейглин, *Война Идеалов* (The War of Dreams), Еврейское Руководство, Иерусалим 2007; стр. 362.

⁵ Дж. Миль. *Размышления о представительном правлении* (Considerations on Representative Government), 1861.

⁶ См. напр. <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html>

уверенности в покровительстве Божественного Провидения”,⁷ как и у отцов-основателей США. Мы верим в то, что Владыка Мира не даст разрушить то, что создано на основе его Слова (в отличие, например, от Римской Империи *Pax Romano*). Но экономические стимулы безусловно влияют на общественные институты, и мы руководствуемся старым советом наших мудрецов: “Вы делайте то, что должны – а Он сделает своё.”

В сборник включены статьи, написанные авторами в течение последних пятнадцати лет. Основу составляют три статьи, написанные или существенно переработанные специально для этого издания.

Статья Аси Энтовой “Проблемы массового общества” даёт критический обзор состояния современного общества с философско-культурологической точки зрения.

Статьи Моше Яновского и Йеошуа Сокола посвящены рационально-экономическому анализу основ демократического общества и экономических стимулов современных антидемократических тенденций, включая социально-экономические предпосылки современного кризиса института семьи. Предлагаемое нами решение предполагает взятие гражданами полной ответственности за себя, свои семьи и всё общество путём отстранения государственных служб от вмешательства в экономическую деятельность и во внутрисемейные дела.

*Йеошуа Сокол
Карней Шомрон 5771 (2011)*

⁷ Декларация независимости США
<http://www.archives.gov/national-archives-experience/charters/declaration.html>

I. Грядущая катастрофа и как с ней бороться

Проблемы массового общества

К началу 20-го века западноевропейские и североамериканские страны принимают тот современный вид, который они в большой мере сохранили до сих пор. Это общество с развитой индустрией и массовым производством, провозглашающее власть народа и права человека и оформленное, как правило, в национальное государство. Здесь мы будем рассматривать именно аспект массовости, а не национального объединения. Вот как описывал немецкий философ К. Ясперс особенности массы:

“Массу следует отличать от народа. Народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях.

Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна, лишена традиций – она пуста. Масса является объектом пропаганды и внушения, она не ведает ответственности и живет на самом низком уровне сознания...

*Отдельный человек олицетворяет собой одновременно народ и массу... В качестве массы я стремлюсь к универсальному, к сегодняшнему дню; в качестве народа я хочу быть незаменимой личностью, в качестве массы я мыслю числами, нивелирую; в качестве народа – применяю шкалу ценностей”.*¹

Такое общество получило название массового, общества массового потребления и массовой культуры. Такое общество имеет множество достоинств по сравнению с неразвитыми странами, где обеспеченное потребление, культура и свобода – удел немногих. Но несмотря на то что проблему всеобщего обеспечения такое общество решает вполне успешно, оно оказалось далеко не так устойчиво и благополучно как хотелось бы. Многие вопросы не разрешены до сих пор, хотя и отходят в тень на фоне новых затруднений и кризисов, связанных с глобализацией и

¹ Карл Ясперс. Духовная ситуация времени, в кн. Смысл и назначение истории, Москва: Республика, 1994.

http://thelibrary.ru/books/yaspers_karl/duhovnaya_situaciya_vremeni-read.html

другими явлениями, чье название начинается на *пост*-: постмодернизм, постиндустриализмом, и т.п. И хотя сегодня акцент делается не на массовости, а на дифференциации, само массовое общество в том или ином виде распространилось уже далеко за пределы Западной Европы и Северной Америки.

Еще в начале расцвета современного массового общества с 30-х годов 20 века философы и социологи, в частности Франкфуртской школы,² подвергали его жёсткой критике. В этой статье, составленной на основе классических критических работ начала и середины 20-в., сделана попытка перечислить основные проблемы массового общества, не забывая однако о том, что недостатки зачастую являются органическим продолжением имеющихся достоинств.

Предпосылки возникновения современного индустриального общества: гуманизм, технологии, демократия

Гуманистическая философия

Западноевропейская и североамериканская культура – это культура в первую очередь христианская. Христианство унаследовало от иудаизма идею ценности каждого человека. Раннее христианство унаследовало еврейскую идею построения царства божьего на земле, поставив акцент на его божественности. Распространение христианства сопровождалось распространением идеи о ценности каждой человеческой души, потому что душа есть собственность Бога. Права каждого человека были непосредственно связаны с его обязанностями перед Богом. Поздние вер-

² Франкфуртская школа – одно из течений в социологии и социальной философии 20 в., названное так по месту нахождения Института социальных исследований, деятельность которого, начиная с 1930-х, положила начало оформлению основных идей этого интеллектуального направления. Из цитируемых в этой статье авторов к Франкфуртской школе принадлежали Г. Маркузе и Э. Фромм. Большинство представителей этой школы использовали идеи К. Ясперса, З. Фрейда и К. Маркса, хотя ни Ясперс, ни Фрейд к Франкфуртской школе не принадлежали.

сии западного христианства – и особенно протестантизм – так или иначе впитали из иудаизма идею о необходимости преобразования нашего физического мира.

Гуманистическая философия произвела революцию, противоположную по направленности революции Коперника в астрономии. В центр мироздания был поставлен человек, вокруг которого на различных орбитах могли крутиться боги различных конфессий. Человеческая душа и человеческое тело стали самоценны. Человеку уже вне зависимости от небесного покровительства были приданы "естественные" или природные права. То есть каждый человек, давший себе труд родиться, наделялся неотъемлемыми правами вне зависимости от его происхождения, образования и способностей, а позднее, независимо и от возраста, пола и национальной или социальной принадлежности. Обеспечением этих прав должен был служить уже не "божественный авторитет", а общественный договор. И хотя само по себе признание "естественных прав" не гарантировало, что владелец этих прав не умрет от голода и болезней, оно положило начало идее социальной справедливости и демократических свобод.

Промышленная революция

Возможность не умирать от голода и болезней появилась в результате промышленной революции. С изменением роли христианской церкви творческий и познавательный инстинкт человека в построении царства Божьего был перенесен на землю. Разделение мысли на мораль, искусство и науку способствовало бурному развитию последней. Разделение производства на отдельные операции и их специализация дали возможность непрерывно увеличивать производительность и, что важно в контексте данной темы, наладить массовое производство. Так появилось индустриальное или массовое общество. При этом процесс производства отчуждался от производителя, и из гордого члена промышленной гильдии он превращался в придаток к конвейеру. Массы людей были вырваны из привычной среды и собраны в больших городах. К негативным последствиям промышленной революции мы еще вернемся. Из позитивных

последствий подчеркнем, что впервые в истории человечества была поставлена и успешно решена задача обеспечения КАЖДОГО человека ВСЕМ жизненно необходимым. Это привело к непрерывному естественному росту населения. За последние двести лет население Земли выросло более чем в 6 раз, причем за последние 100 лет – более чем в 4 раза.

Массовое производство предполагает и массовое потребление, иначе производство становится нерентабельным. В Иерусалиме, недалеко от Храмовой горы, находятся раскопки древнего жилища. На видное место там помещен каменный унитаз. Этот унитаз в период Первого Храма принадлежал какому-то знатному и богатому человеку. Должно было пройти две с половиной тысячи лет и совершиться промышленная революция, чтобы таким предметом смог пользоваться каждый.

В современном обществе товары и услуги для богатых составляют только вершину айсберга. Массовое производство вполне допускает различные модификации одного и того же продукта: на одном заводе изготавливают и "народные машины", и лимузины для миллиардеров. Если бы промышленность производила только роскошные машины, то она бы обанкротилась. Любое новое изобретение совершенствуется до тех пор, пока оно не начинает удовлетворять массовый и разнообразный спрос. У человека, живущего на пособие, телевизор с маленьким экраном, у миллионера экран во всю стену, но смотрят они одни и те же фильмы.

Демократия

Политическим обеспечением свободного предпринимательства и социального обеспечения служит либерально-демократическая форма правления, охраняющая основные права и свободы граждан.

В древнегреческих полисах демократия обеспечивалась тем, что на площади собирались все свободные и совершеннолетние граждане города. Они хорошо знали друг друга, у них были общие интересы и общие традиции. Древнегреческое общество было традиционным, то есть традиции там менялись настолько

медленно, что идеалом считалось отсутствие изменения и развития. Выбор граждан был прост и ответственным, так как они сами обеспечивали военную и финансовую поддержку своих решений.

Сегодня демократия уже не прямая, а представительная, когда граждане делегируют свои полномочия путем выборов законодательной и исполнительной власти разного уровня. При этом большинство демократических стран – это “государства всеобщего благосостояния”, где существенная часть населения перераспределяет или потребляет чужие (бюджетные) деньги и может оказывать влияние на их перераспределение. Поэтому сегодня, в мирное время, связь прав и обязанностей человека и гражданина вовсе не является очевидной.

Становление демократии сопровождалось строительством национальных государств, в которых коренное население в большей или меньшей степени связано общей исторической и культурной традицией и общей целью, что служило препятствием для “массовизации общества”, т.е. отрыва от традиций и превращения народа в массу. В последнее время, в связи с провозглашением мультикультурализма и релятивизма ценностей, национальные общества с одной стороны распадаются на более мелкие общины, с другой утрачивают свою самостоятельность и уникальность под напором глобальной интеграции. Параллельно с устойчивыми либеральными демократиями признаются различные “развивающиеся”, “ограниченные”, “народные”, и нелиберальные демократии, причем некоторые из них демонстрируют экономические достижения, сравнимые со свободными странами.

Отличительные характеристики современного общества

Всеобщий высокий стандарт жизни

Первое, что бросается в глаза – это всеобщий высокий и постоянно растущий стандарт жизни. Современное общество в силах обеспечить выживание каждого своего члена, то есть обеспечить его жильем, едой, лечением, развлечением, образованием для детей и т.д. Как правило, важную роль в таком обеспечении играет государство, получившее название “государства всеобщего благосостояния”. Жилье может быть в дорогом районе или в дешевом, но у всех с канализацией и электричеством. Еда может быть из дорогого ресторана или по талончикам от службы социального страхования, но всегда достаточно калорийная и качественная. Развлечением может служить "мыльная" опера или настоящая. Уровень жизни включает также политическую стабильность, правовую обеспеченность, приемлемую экологическую обстановку, возможность получить приличное образование и медицинское обслуживание и многое другое, что нельзя купить в отсталой стране и за большие деньги. Таким образом, абсолютный уровень жизни безработного развитой страны выше, чем у состоятельного правителя банановой республики. Прежде чем речь пойдет о недостатках современного общества, хочу еще раз отметить, что такие достижения, как низкая детская смертность и высокая продолжительность жизни, всеобщее среднее образование и уменьшение агрессивности и прямого насилия, заслуживают самой высокой оценки.

Абсолютная свобода.

Отсутствие ориентиров и приоритетов

Современное общество имеет еще синоним "Свободное общество", чем противопоставляется не только диктатуре, а скорее традиционному сословно-иерархическому устройству. Человек в нем предельно свободен: он не зависит ни от Бога, ни от царя, ни от природы. Не существует никакой жестко навязыва-

емой роли, абсолютной системы ценностей и традиционных авторитетов. Единственным ограничением для каждого служит свобода его соседа, поэтому поведение ограничено только уголовным кодексом. Религия, обычаи, мораль и идентичность (включая гендерную) все меньше наследуются по традиции и все больше становятся предметом выбора. Считается, что любая человеческая потребность, не вступающая в противоречие с уголовным кодексом, заслуживает удовлетворения, особенно если она поддается коммерциализации или политическому использованию.

Если ранее цивилизация занималась тем, что в явном виде силой навязывала человеку свою систему ценностей, то нынешнее общество скорее покупает каждого, обещая ему райское блаженство на земле. Хотя ограничения поведения в современном обществе достаточно жесткие и сложные (необходимость вовремя и интенсивно работать, общаться со множеством людей, соблюдая правила общежития и политкорректности, выполнять обязательный минимум бюрократических процедур и др.), но власть или угнетающая сила не персонифицирована – это “система” или “общество”. Теоретически все одинаково подчиняются тем самым законам, за которые сами проголосовали. Считается, что каждый может сам выбирать свой образ жизни и социальное положение в открытом динамическом плюральном сообществе.

Тех, кто в принципе не хочет интегрироваться, ничтожно мало.³ К антисоциальным случаям относятся, например, излюбленные антикапиталистической критикой бездомные. Они могли бы получать социальное жилье и пособие, но не хотят. Остальные, и автор в их числе, находят современное общество достаточно привлекательным.

³ Имеется в виду среди “коренных” граждан, мы не рассматриваем здесь проблему инокультурных мигрантов.

Отсутствие абсолютных ценностей и абсолютизация потребления

Чтобы потреблять необходимо производить. Чтобы уровень жизни рос, необходимо производить в расширенном масштабе, а для бесперебойного функционирования производства совершенно необходимо потреблять. Современное общество объявляет главным принцип: "я потребляю, следовательно, я существую". Средства массовой информации, реклама, общественное мнение – все активно навязывают человеку роль потребителя. (В юмористическом заголовке: "Потребляй и властвуй!" содержится только доля шутки.) Общество успешно воспитывает в своих членах это основное правило. Философы, вслед за Сартром, объявляют, что не существует абсолютных ценностей и основная проблема человека – это проблема выбора, игнорируя провозглашаемую Сартром ответственность. Психологи, вслед за Фрейдом, объявляют основным жизненным принципом принцип удовольствия, игнорируя принцип подавления инстинктов культурой. Экономисты, вслед за Вебером, пытаются заставить человека больше зарабатывать и больше тратить, игнорируя протестантскую этику праведной бережливости. При отсутствии общих для всех ценностей общество настаивает на единственной, являющейся скорее средством, а не целью: на толерантности. "Живи сам и дай жить другим". Признанной ценностью является компромисс, то есть умение поступиться любыми идеалами ради возможности сосуществования. Во время первой и второй мировых войн человечество убедилось, что без этой ценности оно не выживет, но оно убедилось также и в том, что человек, не имеющий других ценностей, тоже не жилец.

Главенство простых потребностей. Неудовлетворенные потребности

Когда все доступно, то главной проблемой становится проблема выбора. Эта проблема, например, очень тяжело переживалась людьми, внезапно попадавшими из общества дефицита (напр. бывшего Советского Союза) в общество изобилия.

В первую очередь предлагается то, что пользуется массовым спросом. Таким образом, провоцируются простые потребности в ущерб сложным. Иудаизм утверждает: "нет муки – нет Торы", то есть, когда нет необходимого хлеба, не может быть и учения. К сожалению, наличие удобств не порождает учения автоматически, для этого учение должно быть признано как безусловная **ценность**.

Умных книг издается ровно столько, сколько есть желающих за них заплатить. Но эти книги, в отличие, например, от йогуртов, бесполезно рекламировать по телевизору. Реклама ныне добилась таких успехов, что теоретически можно заставить каждого потребителя иметь дома томик Спинозы – но пока не стоит задача научить каждого его прочесть и понять. "Потребление" знания и умения мыслить рассматривается в чисто практических, сиюминутных целях: студент готов дорого заплатить за образование, которое обеспечит его завтра высокооплачиваемой работой.

Создаются искусственные потребности, например, такие как потребление "престижных" товаров. Не на каждой потребности можно заработать. Некоторые потребности, например, в дружеском общении, находятся в загоне или подменяются рыночными суррогатами.

Не каждую потребность можно удовлетворить потребляя. Это относится в первую очередь к душевным потребностям. Нельзя сказать, что рынок не пытается всячески их удовлетворять. Потребность, к примеру, в любви не удовлетворена потому, что здесь нельзя продать результат, а важен сам процесс. Психологи и сексологи не устают объяснять, что сосредоточенность на результате обеспечивает и их, и изготовителей различных стимуляторов хорошим заработком, но не приносит страждущим удовлетворения.

Социальный психолог Эрих Фромм писал об этом явлении: *"Ни один беспристрастный наблюдатель нашей западной жизни не усомнится в том, что любовь – братская, материнская, эротическая – стала у нас довольно редким явлением. А ее место заняли многочисленные формы псевдолюбви"*.⁴

⁴ Эрих Фромм. Душа человека, М.: Республика, 1992.
<http://marsexxx.com/lit/fromm.htm#link1>

Человек, у которого вроде бы все есть, не может объяснить себе свое чувство неудовлетворенности. Оно загоняется вглубь и порождает многочисленные психические отклонения. Отсутствие системы ценностей и смысла жизни порождает многочисленные депрессии и самоубийства. Можно с гордостью отметить, что человечество и в особенности западная культура весьма преуспели в создании рая на земле. Однако пока в этом раю человек не всегда ощущает себя так комфортно, как ему бы хотелось. Причины этого мы попробуем выяснить, изучая культуру современного общества.

Массовая культура

Культура в массовом обществе подчиняется тем же законам, что и другие товары, и ориентирована на массовое потребление. Не стоит сводить массовую культуру к мьльным операм. Современное общество вырабатывает новую культуру, которая в свою очередь влияет на потребителя. Отметим ее важнейшие отличия от культуры прежней.

Потребитель – король и даже бог

Некоторое время назад по Израилю распространялась реклама министерства промышленности: "Покупатель – король!" Эта реклама реально отражает самочувствие потребителя в современном обществе.

*"Тот мир, что окружает нового человека с колыбели, не только не понуждает его к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но, напротив, непрестанно берedit его аппетиты, которые в принципе могут расти бесконечно", – сетовал философ Хосе Ортега-и-Гассет.*⁵

⁵ Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс, в кн. Избранные труды, М.: Весь мир, 1997.
<http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Engl/O/Ortega/VostMass/index.html>

Свобода потребителя не ограничивается, а рынок спешит выполнить любую его прихоть. Бесконечные статистические опросы только и желают знать, чего ему хочется, а производитель придумывает, что он еще мог бы захотеть.

Когда дело касается потребителя культуры, то он может почувствовать себя не только королем, но и самим господом богом. Гуманисты поместили человека в центр мироздания и ограничили его только "общественным договором". В обществе, где на человека не давят традиции, не сковывает система приоритетов, его свобода абсолютна.

СМИ дают зрителю возможность чувствовать себя вездесущим и всеведущим, политики уверяют избирателя, что от его голосования зависят судьбы всего мира, успехи науки позволяют вывести в пробирке человека и взорвать всю Землю несколько раз. Все это дает потребителю ощущение самодовольства и божественной власти.

Непонимание сложности и хрупкости цивилизации

К хорошему привыкаешь быстро, поэтому современное изобилие воспринимается как должное, внимание привлекают только недостатки.

Раньше, чтобы водить машину, нужно было быть шофером, чтобы работать на компьютере – программистом, чтобы влиять на политику – лидером. Сегодня компьютер, автомобиль и избирательные права есть у всех. Обращаться с ними стало исключительно просто – нужно нажать на кнопку с соответствующей картинкой. Эта обманчивая простота вселяет в потребителя излишнюю самоуверенность.

Сегодня человек уже не ждет милости от природы, – он осознал, что она ждет милости от него. Забота об экологии преуспела, в частности, потому, что очистные сооружения и чистый воздух – тоже товары, которые можно выгодно продать многим. Человек существует в ноосфере – сфере его жизнедеятельности, в цивилизации. Человеку сложнее пойти и сорвать яблоко с дерева, чем купить его в магазине. При этом покупатель не задумывается, что получение яблока стало возможным благодаря взаимодейст-

вию множества систем: сельского хозяйства, торговли, банков, коммуникаций, и, наконец, государства. И эта ноосфера постоянно развивается и усложняется, включая тесные международные связи современной “глобальной деревни”.⁶

Чем сложнее устроена система, тем она уязвимее и тем более нуждается в “защите от дурака”. Ранее функцию защиты осуществляли культура, религия, традиции. Ставшие сегодня товаром, они уже не могут осуществлять свою защитную функцию, но защита ноосферы еще не осознана как массовая потребность.

Рассмотрим, кто может защитить цивилизацию.

Специализация и специалисты

Если в системе вследствие неосторожного обращения произошел сбой, то потребитель обращается к специалисту.

Научные и технические достижения привели к повсеместной и узкой специализации. Каждый занимается только своей областью и некому взглянуть на предмет в целом. *“Прежде люди делились на сведущих и невежественных... Но специалиста нельзя причислить ни к тем, ни к другим. Нельзя считать его знающим, поскольку вне своей специальности он полный невежда; нельзя считать его невеждой, поскольку свою порцию мироздания он знает на зубок”* – писал о специалистах Ортега-и-Гассет.⁷

Техник меняет запасные части и не понимает принцип работы всего механизма. Ученый утрачивает научное мировоззрение и уже не понимает что происходит в другом разделе его науки. Врач лечит не человека, а отдельную болезнь, и вместо пациента видит результаты его анализов. Политик озабочен тем, чтобы понравиться избирателям, а не решением долгосрочных задач.

⁶ Термин, введенный канадским философом Маклюэном в 60-годы 20-го века:

“Благодаря телевидению мир стал большой деревней, а изрядная часть передач возрождает деревенские сплетни”.

⁷ Хосе Ортега-и-Гассет. Восстание масс.

От этого страдают соответственно механизм, наука, больные и общество в целом. Общество уподобляется шизофреническому больному, который, сосредотачиваясь на деталях, не в силах осознать ни связь между ними, ни их место в общей картине мира.

Интеллектуальная элита

Прежде управление обществом как целым брала на себя интеллектуальная элита. Общество, где каждый доволен собой и чувствует себя богом, не предполагает существования элиты. Место интеллектуалов занял обыватель от науки, от культуры и от политики.

*“Европейская история впервые оказалась отданной на откуп заурядности. Тирания интеллектуальной пошлости в общественной жизни может быть самобытнейшей черта современности”.*⁸

В науке заурядность стала править вследствие утраты наукой взгляда на предмет науки в целом. С утратой научного мировоззрения утратился и интерес к науке как таковой. Все желают потреблять результаты науки, ничего не зная о методах, которыми они были достигнуты. Результаты науки зачастую воспринимают как абсолютную истину в последней инстанции. На смену вере в Бога пришло преклонение перед наукой, понятой как набор догм. Вместо научного мировоззрения возник новый идол. Приметы этого нового идола: *“Утопическая компетентность во всем, умение создавать и технически преодолевать любую трудность, благосостояние в качестве возможности общего существования, (понимание) демократии как справедливого пути для всех к свободе посредством решения большинства”.*⁹

Ученые, невзирая на их научную компетентность, зачастую уже не в силах оценить деятельность своих коллег. В точных науках, где критерии более-менее объективны, дело еще обстоит терпимо. В гуманитарных науках правят те, кто громче кричит и

⁸ Ibid.

⁹ Карл Ясперс "Духовная ситуация времени".

кто готов обслуживать заказчиков идеологии. Ясперс пишет о том, что духовная деятельность признается только как форма обслуживания какой-либо массы людей. *“Тишина в человеческой деятельности в качестве формы жизни по-видимому исчезла. Необходимо показываться, читать доклады, произносить речи, вызывать сенсацию”*.¹⁰

В культуре утрата элиты явилась следствием утраты системы ценностей.

Прежняя культура, по определению Маркузе, была системой запретов, порождавших и воспроизводивших господствующие ценности и институты. Новая культура не ставит задачи подчинения. Современное общество просто "подкупает" человека счастьем.

“Координирование индивида с целым осуществляется настолько успешно, что индивид чувствует себя скорее счастливым, чем несчастным... Индивид не знает, что происходит в действительности; сверхмощная машина образования и развлечения объединяет его вместе с другими в состоянии амнезии. И поскольку знание всей истины вряд ли способствует счастью, именно такая общая амнезия делает индивида счастливым”.¹¹

Хана Арендт отмечала, что в массовой культуре элитой становятся те кто, внутренне не отличаясь от массы, готовы выделиться любой ценой. Элиту увлекал радикализм как таковой.¹² Поступать вызывающе самому стало довольно трудно: если это разрешено – то это не интересно, если нет – то могут возникнуть проблемы с полицией. Решением служит поиск все новых групп с отклоняющимся поведением и борьба за расширение существующих норм.

В первую очередь внимание привлекает Эрос и Танатос, то есть сексуальные меньшинства и несущие смерть террористы. В запале борьбы палка перегибается в другую сторону, и радикалы

¹⁰ Ibid.

¹¹ Герберт Маркузе "Эрос и цивилизация", Киев, "ИСА", 1995.
http://socialistica.lenin.ru/txt/m/marcuse_2.htm

¹² Ханна Арендт " Происхождение тоталитаризма", М.: ЦентрКом, 1996.

из сексуальных меньшинств пытаются навязать свои стереотипы большинству.

Еще сильнее перегибается палка по отношению к террору, отрицая право большинства на жизнь. *“Терроризм стал чем-то вроде философии, родом политического экспрессионизма... Представители элиты не возражали заплатить ценой разрушения цивилизации ради забавы видеть, как те, кто в прошлом был исключен из нее, силой прокладывают свой путь в это общество... Все это обнаруживает у элиты недостаток чувства реальности вкупе с извращенным самоотречением”*, – писала Ханна Арендт в 1950 году о леворадикальной интеллигенции, поддерживавшей тоталитарные режимы.¹³ Предостережение не подействовало, и леворадикальные постмодернистские философы (например, Деррида) вновь демонстрируют свою приверженность террористическим организациям. Левые радикалы (в частности, израильские ультра-левые), поддерживая террор, как “средство освобождения”, сливаются с самыми одиозными из ультраправых тиранических режимов и становятся их рупором.

Средства массовой информации – главный поставщик массовой культуры

Настоящей элитой в обществе, которое не терпит никакой элитарности, служат СМИ. Из поставщиков новостей и развлечений они превратились во властителей умов и сердец. Они заменяют общение и родственные связи, образование и мыслительный процесс.

Электронные СМИ, транслирующие в режиме реального времени, образуют параллельную виртуальную реальность. Радио, газеты, телевидение и интернет обладают тем преимуществом перед реальностью, что готовы заполнить любое количество вашего времени и предоставить вам информацию любого качества и в любом количестве: от красочной рекламы до серьезного научного фильма, скажем, о нейтрино или народах Крайнего Се-

¹³ Ibid.

вера. Информация мозаична и никак не ранжирована по важности, она, как правило, рассчитана на абсолютно неподготовленного зрителя. Максимум информации требуется втиснуть в ограниченные временные рамки. Выше упоминалось, что благодаря СМИ потребитель чувствует себя вездесущим и всеведущим богом. Проблема в том, что в отличие от Всевышнего, у потребителя силы и время ограничены. Если в конечное время пытаться втиснуть как можно больше, то на каждое сообщение придется минимум времени. Из-за этого СМИ не утруждают себя длинными рассуждениями и доказательствами. “Короче!”, – требует зритель (слушатель, читатель), и его забрасывают лозунгами и стереотипами.

Известна старая притча про царя, который собрал лучших мудрецов и попросил изложить мировую историю. Мудрецы писали тома, но царь требовал короткий отчет, который он в силах прочесть. В конце концов главный мудрец положил перед царем листочек со словами: “Люди рождались, жили и умирали”.

Массовая культура становится такой, как она есть, не от недостатка профессионалов (она может пригласить самых лучших), а по требованию своего господина – потребителя. И за это потребитель возносит ее на место исчезнувшей элиты, платит ей нежной любовью и соглашается исправно функционировать в качестве “покупателя счастья”.

Объединенные такими СМИ люди автоматически превращаются в массу: *“Электронная сеть индивидуальных подключений превращает в анахронизм массы, скучившиеся на улицах и площадях”*.¹⁴

Манипуляция общественным мнением

Многочисленные зрители американского фильма “Хвост, который виляет собакой” были поражены тем, как произошедший через несколько лет политический скандал вокруг Билла

¹⁴ “Учиться на опыте катастроф”, в книге Юрген Хабермас “Политические работы”, М., Праксис 2005, стр 211.

Клинтон и Моника (“Моникагейт”) практически повторил сценарий этого фильма.

В фильме подробно показывается, как для отвлечения внимания от интрижки президента инсценируют виртуальную войну при помощи Голливуда. Война происходит только в съемочном павильоне, но миллионы телезрителей свято верят в происходящее. (В жизни “Моникагейт” породил настоящую войну Америки против Югославии, но с таким же эфемерным результатом).

Мы уже описывали, что происходит в науке. Серьезнейший научный трактат, усеченный до размеров газетной заметки, становится образцом китча. Тем не менее, читатель будет преисполнен уверенности, что понял проблему адекватно. Зритель привыкает мыслить готовыми клише. Наука превращается в идола, и под соусом “специалисты утверждают, что...” Читатель проглотит любую чушь.

О специалистах мы уже писали выше. Подберите для СМИ тех специалистов, которые вам по душе, и ваше мнение завтра же будет признано абсолютной истиной.

К сожалению, образование тоже стало товаром, которому нужно обеспечить массовый спрос. Семья больше не воспитывает. Семейное общение сегодня происходит у телевизора. Распространение принятых ценностей возложено на СМИ, которые обучают стереотипам, как деловым, так и романтическим.

В отсутствии приоритетов задача образования свелась к тому, чтобы обучить человека конкретным навыкам, которые он в будущем сможет выгодно продать. Думать нынче некогда, нужно производить и потреблять. Потреблять же даже самые умные книги недостаточно. В умении думать, как и в любви, нужна еще заинтересованность в самом процессе, а не только в результате. Всеобщее среднее и специальное образование не ставит перед собой задачу воспитания думающей и ответственной личности, потому что современное общество не нуждается в людях, умеющих широко мыслить. *“В обществе с обязательным народным образованием, всеобщей и немедленной гласностью событий повседневной жизни и широко проведенным разделением труда средний индивидуум все реже и реже оказывается в условиях, где от него требуются собственное мышление и самопрояв-*

ление”, – пишет нидерландский историк и культуролог Йохан Хейзинга.¹⁵

Человека, не умеющего думать, обмануть проще простого. “Но ведь есть же факты”, – возразит мне читатель.

“Есть ложь, наглая ложь и статистика” (выражение, приписываемое Марку Твену). СМИ не лгут. Когда статистический опрос, проведенный в модном торговом центре в 12 часов буднего дня, установил, что 90% женщин тратят 90% своей зарплаты на косметику и украшения, то это факт. Если этот факт проанализировать, то можно сделать вывод, что в ТАКОМ месте и в ТАКОЕ время находятся только женщины с ТАКОЙ структурой расходов. Но кто будет утруждать себя анализом?

Для того чтобы осмыслить факты, тоже требуется думать. Каждая новость сопровождается комментариями, и в этом супермаркете можно купить мнение на любой вкус. Идея о том, что кто-то хочет составить собственное мнение, не рассматривается вообще. Это не запрещено, но проще выбрать готовый товар.

Приход к власти актеров

Из-за отсутствия в массовом обществе общей системы приоритетов политики утратили необходимое им прежде качество лидера: определять цель и вести к ней за собой людей. Сегодня чтобы преуспеть в политике, нужно быть прежде всего хорошим актером.

Каждый изолированный и самодостаточный человек массы, которому никто не открыл секрет, что можно думать самому, а не получать перевернутые факты и пережеванные истины из рук СМИ, должен выбрать своего лидера. В политике действует тот же принцип потребления: платежеспособность потребителя – один голос, и он его заплатит за того, кто ему больше понравится. Если СМИ симпатизируют какому-то кандидату, то результат выборов предрешен. В нейтральном случае избиратель предпочтет хорошего актера разумному человеку. Разумный человек не

¹⁵ Йохан Хейзинга "В тени завтрашнего дня", Москва, "Прогресс", 1992.
<http://www.mirkavkaza.ru/faq/actual%20classic/Heiz/>

будет обещать всем, всё и сразу. Он попытается обосновать свою точку зрения, а если он еще и честный, то упомянет возможные недостатки. Актер же прекрасно прочтет набор лозунгов, составленный ему имиджмейкерами.

Но это только видимая сторона медали. Подсознание современного человека не регулируется сегодня ни религией, ни общественной традицией. По мнению известного психоаналитика Юнга это сильно увеличивает угрозу массового психоза:

*“Цивилизованный человек неизбежно вовлекается в конфликт между сознанием и бессознательным, духом и природой, знанием и верой, ...который становится патологическим с того момента, когда сознание уже не может больше игнорировать или подавлять веления инстинкта. Скопление индивидов, оказавшихся в этом критическом положении, создает массовое движение, выдающее себя за ходатая угнетенных... И вскоре найдется лидер среди тех, у кого наименьшая сопротивляемость, наименьшее чувство ответственности и ...наибольшая воля к власти”.*¹⁶

Силы коллективного бессознательного придают такому лидеру огромную власть. Именно это произошло с Гитлером, когда поражения и социальные бедствия привели немцев к массовому психозу, хотя со стороны казалось, что Гитлер – это фигляр и истерик, которого не стоит воспринимать всерьез.

Утрата ответственности

Выбранным таким образом лидерам избиратель передоверяет ответственность. Лидер оправдывает свои действия волей избирателей, исполнители – командой сверху, и в результате ответственность не лежит ни на ком. На Нюрнбергском процессе палачи ссылались на приказы, Гитлер правил от имени народа, а обыватель оправдывался тем, что не знал, не хотел, ничего не мог сделать.

“Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы не придержи-

¹⁶ Карл Юнг. "Современность и будущее", "Очерки о современных событиях", в книге: Психология политики, Санкт-Петербург: Ювента, 1996.

ваться никакой. И если кто-то заговорил о "новой" – значит замыслил новую пакость и ищет контрабандных путей", – предостерегал Ортега-и-Гассет.¹⁷

Освобожденный от каких бы то ни было ограничений и потребности думать, избиратель-потребитель не в силах даже представить себе все последствия того или иного поведения своих лидеров. Магическая сила поддержки большинства вселяет в него уверенность, что лидер знает, что делает: "начальству – видней!"

Это напоминает "девичью логику" из анекдотов: "Я его выбрала, потому что он красивый, а раз я его выбрала, то значит он умный и хороший, и я могу ему доверять". Поскольку массовое общество напоминает глупую, избалованную и истеричную девицу, то его выбор может привести к одной из двух крайностей:

1. Лидер забирает всю власть в свои руки и государство становится тоталитарным. Массовая пропаганда и массовый террор способны лишить массы воли к сопротивлению.

2. Лидер пускает все дела на самотек, решает только сиюминутные проблемы и государство разваливается. *"Не знают куда идут, потому что не идут никуда, не выбирая и не прокладывая дорог... Само правление сводится к тому, чтобы постоянно выпутываться, не решая проблем, а всеми способами увиливая от них и тем самым рискуя сделать их неразрешимыми"*.¹⁸

Заключение

Итак, в современном обществе, где утрачена большая часть традиционных ограничений, а массовая культура провозглашает принцип свободы и удовольствия, создан новый тип человека. На фоне стремительно возросших за последние столетия технических возможностей духовное развитие современного человека не слишком отличается от его предков, живших сто или двести лет назад. Они жили в статичном мире и имели немногие и ясные заповеди поведения, обладающие метафизическим авторитетом

¹⁷ Хосе Ортега-и-Гассет. "Восстание масс".

¹⁸ Ibid.

Всевышнего или Природы и Разума, подкрепленные внешней силой и твердо усвоенные. Эти жесткие принципы сегодня сменяются обязанностью соблюдать внешние правила игры в динамически меняющемся мире. Человек напоминает взрослого ребенка, от которого не ждут сознательного и ответственного поведения, а просто приводят в новое место и говорят: “веди себя хорошо”. Проблема состоит в том, что этот ребенок обладает смертоносным оружием и представляет опасность для цивилизации. Причем атомная бомба не более опасна, чем, к примеру, эксперименты с наследственностью или попытки переустройства общества.

Человек чувствует это и пытается избавиться от страха, требуя все новые технические игрушки, которые еще более опасны. Освободившись от всех ограничений, человек почувствовал пустоту, которую он пытается заполнить эрзацем того, что он утратил. Вера, честь, любовь и жажда знаний, приспособленные к современным требованиям свободы и удовольствия, превратились в свою противоположность.

История показывает, что человека невозможно ограничить в чем-либо против его воли. Невозможно призывать человека назад к природе – такое количество людей она уже не прокормит. Бесполезно и безнравственно насильно ограничивать свободу или потребление, навязывать традиции или идеологию. Единственный путь – это осознание опасности и восстановление ответственности через добровольную самоорганизацию и самоограничение. Возвращение ответственности устранил диспропорцию, когда технический прогресс сильно обгоняет постепенное духовно-нравственное развитие индивидуумов и общества. Трудно воздержаться и не привести здесь широко известное высказывание психиатра Виктора Франкла:

“Здоровый дух демократии будет выглядеть однобоко, если понимать его как свободу без ответственности. Свобода, если ее реализация не сопряжена с ответственностью, угрожает вырождаться в простой произвол. Я люблю говорить, что статую Свободы на восточном побережье должна быть дополнена статуей ответственности”.¹⁹

¹⁹ Виктор Франкл. "Человек в поисках смысла", М.: "Прогресс", 1990.
<http://lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt>

Моше Яновский, Йеошуа Сокол

Социальное или демократическое?

О происхождении и успехах правовой демократии, а также о некоторых социально-экономических стимулах, толкающих современные демократии в сторону олигархического произвола.

1. Немного Истории

Когда-то испанский король Филипп II попытался убедить голландцев в том, что они обязаны платить ему налоги – без всяких условий. Сам же “помазанник божий” не может быть обязан никому и ничем. Ведь на него возложена высочайшая миссия: защита католической веры – даже ценой жизни непросвещенных, заблудших во мраке суеверий и пуританской морали подданных. Гром пушек голландских кораблей, ведомых Вильгельмом Оранским, внятно довел до сведения монарха определенные сомнения подданных в таком его праве.

После победы голландцы не оставили в стране ни одного католического монастыря.

Английский король Карл I Стюарт решил пополнить казну без согласия на то английских граждан. Во имя идеалов просвещенной монархии он сажал богатых скупердяев в тюрьму “за налоговые преступления” и отнимал их имущество. Когда несознательные граждане возмутились, он решил защитить закон силой (закон в своем понимании – как право на реализацию высочайшей миссии). Его армию разбили, его самого поймали и отрубили голову.

Абсолютистско-католическая оппозиция ни разу не была потом представлена в парламенте Великобритании.

Британский король Георг III мирился с такими ограничениями для Англии, но подумал было, что хотя бы в колониях он не должен вести себя как нанятый простолюди-

нами-колонистами ночной стражник. Простолюдины самым грубым образом растоптали надежды и Георга, и своих английских братьев. Англичане ответили на мирное требование колонистов дать им представительство в парламенте метрополии карательной экспедицией. Кроме того, английские власти стали подстрекать против колонистов “безжалостных дикарей-индейцев”, вместо того, чтобы защищать их от этих “благородных” дикарей. Тогда американцы чеканными фразами знаменитой Декларации независимости объявили всему миру об “увольнении” такой власти.¹ Король Георг получил вполне понятное послание и вынужден был признать весомость аргументов армии Вашингтона.

Лояльные королю американцы бежали в Канаду и никогда не были представлены потом в Конгрессе США.

Так закладывался фундамент первых правовых демократий.

2. Правовая демократия как естественное право

У слова “демократия” множество определений – на сегодня их известно как минимум 550.² Чаще всего среди формальных признаков упоминаются всеобщее и равное избирательное право, а также разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Но формальные требования не могут охватить самую суть. Так, приведенным формальным требованиям не удовлетворяет очевидно-демократическая Англия второй половины XIX века, зато вполне соответствуют современные Россия или Нигерия. И когда мы говорим о демократии, то возникает образ общества с не поддающимся формальному определению ощущением свободы, отсутствием голода и эпидемий, высокой (и растущей) продолжительностью жизни, а также уверенностью в том, что вас завтра не ограбят и не посадят в тюрьму (если вы не совершили преступления).

¹ Декларация независимости США

<http://www.archives.gov/national-archives-experience/charters/declaration.html>

² A. Schedler. What is Democratic Consolidation? / J. Democracy **9:2** (1998), 91-107.

Демократия в том виде, в каком она успела зарекомендовать себя, была лишь практической реализацией понятия Власти Закона (Rule of Law), основанной на концепции естественного права. В теории права принято выделять два подхода: позитивное право и естественное право. Согласно концепции позитивного права (“общественного договора” по терминологии Ж. Ж. Руссо) закон действителен (конституционен) и обязателен для исполнения в силу самого факта того, что он является законом. В соответствии с этой концепцией любой закон, принятый в соответствии с заранее определённой процедурой, является конституционным. Именно такое понимание является основой современного леволиберального подхода: любое решение “просвещённого” законодателя или судьи является конституционным. Этот подход (с той лишь поправкой, что на месте законодателя или судьи фигурировали бы монарх, диктатор или тоталитарная партия) развивали враги свободы от Платона до современных апологетов тоталитаризма всех мастей. Если понимать демократию в узко-процедуральном смысле этого слова, то в рамках концепции позитивного права конституционным будет и закон, позволяющий двоим по результатам голосования съесть третьего.

В отличие от предыдущего подхода концепция естественного права (или Власти Закона) предполагает, что люди (общество, законодатель) могут устанавливать законы только в соответствии с определёнными правилами. Правила эти даны свыше (или заложены в природе человека и общества) и не могут быть нарушены. В рамках концепции естественного права признаётся только такой закон, который не покушается на неотъемлемые права индивида – даже во имя государственного интереса (как его понимает законодатель). И если вдруг будет принят закон, нарушающий эти права, то, несмотря на формальную процедуру, он будет неконституционным. Действия, совершённые на основании такого закона, являются тем не менее преступными, и исполнитель несёт за них полную ответственность (см. прецедент Нюрнбергского трибунала). Депортация граждан для решения политических задач (например, депортация евреев из Гуш Катифа в 2005 г.) является примером такого антиконституционного закона.

Власть Закона подразумевает, что у государства и правительства нет прав, а есть лишь обязанности и соответствующие им полномочия. Такое государство обязано применять заранее опубликованные законы, основанные на универсальной морали, включающей приоритет базовых индивидуальных прав и свобод. Власть обеспечивает необходимые гарантии таких прав и осуществление указанных норм на практике. Индивиду разрешено всё, что не запрещено. Государству запрещено всё, что не разрешено.

Отметим, что концепции естественного и позитивного права не связаны, строго говоря, с религиозностью или атеизмом их приверженцев. С одной стороны, и те и другие были среди сторонников естественного права: основоположники концепции Власти Закона в XVII-XVIII вв. были людьми глубоко религиозными,³ позже в XIX-XX вв. сторонники этой концепции были, в основном, атеистами.⁴ С другой стороны, концепция, утверждающая богоданность решения некоего религиозного органа, является концепцией позитивного права.

Надо отметить, что идея ограничения любой власти правами и свободами индивида впервые была сформулирована именно в Книге Книг. В Библии есть немало рассказов о том, что происходило в случае превышения царями своих полномочий. Например, Рехавам – наследник царя Соломона – захотел сохранить налоги периода строительства Храма и после окончания строительства. Он получил столь решительный отпор десяти (из двенадцати) колен, что даже не попытался навязать свою волю силой. А много лет спустя царь северного (Израильского) царства Ахав долго с вожделием взирал на земельный участок своего подданного, но не смел на него покуситься. А когда всё-таки посмел, был наказан насильственным прекращением династии, несмотря на своё раскаяние.

³ Основные философские и государственно-правовые основы были разработаны философом Джоном Локком (John Locke 1632–1704) и юристом Уильямом Блэкстоуном (William Blackstone 1723–1780).

⁴ Дж. Милль, Г. Спенсер, Л. фон Мизес и др.

3. Успехи демократии налогоплательщика

Простой здравый смысл подсказывает (а сравнительные исследования подтверждают), что материальные достижения демократий следуют из их достижений в области защиты свободы и собственности индивида.⁵ Основатели новых государств, возможно, этого не знали и не это двигало ими. Они были людьми глубоко религиозными и черпали в Священном писании уверенность в праве человека на жизнь, свободу и собственность. Сама идея индивидуальной свободы и индивидуальной ответственности была укоренена для них в вере в волю Творца: дать своим созданиям свободу выбора, без которой не может быть ни награды за заслуги, ни наказания за грехи.

Отцы-основатели Америки считали, что государство необходимо для обеспечения обороны, безопасности и правосудия. Эти три требования соответствовали основным правам человека – на жизнь, свободу и собственность. То есть государство защищало гражданина от насилия и от обмана. Не больше, но и не меньше.

Требования к качеству решения этих задач были весьма высокими. Был сформулирован основной принцип: ограничение власти государства посредством политической и информационной конкуренции. И система, основанная на индивидуальной ответственности и на ограничении власти, оказалась чрезвычайно эффективной. Именно эта система оказалась, по едкому замечанию У. Черчилля, “наихудшей формой правления, если не считать всех тех, которые когда-либо были опробованы”.⁶

⁵ См. напр., М. Olson, *Power and Prosperity*, NY: Basic Books, 2000; J. Gwartney, R. Holcombe, R. Lawson, "The Scope of Government and the Wealth of the Nations" // *Cato Journal*, **18:2** (1998) 163-190; В.Май, К.Яновский, С.Жаворонков, Д.Маслов “Институциональные предпосылки современного экономического роста”, М.: ИЭПП, Научные труды №106Р, 2007.

<http://www.iet.ru/ru/institucionalnye-predposylki-sovremennogo-ekonomicheskogo-rosta-nauchnye-trudy-106r.html>

⁶ “Many forms of Government have been tried and will be tried in this world of sin and woe. No one pretends that democracy is perfect or all-wise. Indeed, it has been said that democracy is the worst form of government except all those other forms that have been tried from time to time”. W.Churchill, Speech in the House of Commons The Official Report, House of Commons (5th Series), 11 November 1947, vol. 444, cc. 206–07.

Правовые демократии возникли и долго оставались (в США до 1964 г.) демократиями налогоплательщиков. Избирательное право было напрямую связано с несением бремени общественных расходов. В эпоху классического либерализма связь уплаты налогов и права быть представленным в парламенте выглядела самоочевидной. Так, Адам Смит предлагал для разрешения конфликта с колониями предоставить им квоту – представительство в парламенте Англии на базе их участия в общих налогах.⁷ Попытка нарушить эту связь привела к войне за независимость. Она же стала основным мотивом реформ избирательного права в Великобритании (1832 и 1867 гг.).

Свобода слова обеспечивалась в правовых демократиях конкуренцией предпринимателей на медиа-рынке. Тот, у кого были деньги, мог издавать свою газету. Тот, у кого денег не было, но был талант журналиста, мог выбрать газету, соответствующую его взглядам, и предлагать ей свои услуги.

Естественная разница в интересах разных групп свободных людей и их гражданская активность обеспечивала острую партийно-политическую конкуренцию и сменяемость власти в результате выборов. Сменяемость власти и реальная возможность изменить политику своим волеизъявлением в процессе голосования создали новую политическую культуру и новые возможности разрешения споров и конфликтов – без насилия, без кровопролития и без огромных материальных потерь. Самоограничения, вытекающие из моральных норм, “останавливали свободу у кончика носа соседа”, как говорится в американской пословице.⁸

Понимание связи любых государственных расходов с налогом, уплаченным из своего кармана, сдерживала избирателя от безудержной эскалации расходов. Для депутата предьявление избирателю списка затратных законопроектов

⁷ “Если число американских представителей будет соответствовать доходу от обложения Америки, то количество населения, подлежащего управлению, возрастет в точном соответствии со средствами управления им, а средства управления – с численностью управляемого населения”. – А.Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо 2007; с. 592-593.

⁸ “Your freedom ends where my nose begins.”

отвергнутых стараниями депутата было лучшей предвыборной тактикой. Неудивительно, что при демократии налогоплательщика стабильность цен (кроме периодов войн) и сбалансированный бюджет были нормой.⁹ Укорененные в религиозной морали и глубоко уважаемые принципы Власти Закона предотвращали завистливое перераспределение подавляющим большинством имущества богатого меньшинства в свою пользу. Тем самым сохранялись и усиливались стимулы к труду и к инвестициям, что вызвало беспрецедентный в человеческой истории рост благосостояния. Только в странах с правовой демократией в последние века экономический рост стал стабильным, а уровень жизни стал неуклонно расти. До этого такой рост имел место только как временное явление и быстро “съедался” ростом населения, войнами с завистливыми соседями и т.п. – в результате XVI-м веке почти все страны и народы жили примерно на том же уровне потребления, что и тысячи лет тому назад.¹⁰

Трудно предположить, что авторы Декларации независимости предвидели, что воплощение их идеалов приведет к операциям по пересадке сердца, спутниковой связи и посадке на Луну. Но все это – прямое следствие того, что государство обеспечило всем своим гражданам охрану жизни, свободы и собственности и не вмешивалось во все остальное.

⁹ Сейчас ситуация коренным образом изменилась – см. следующие разделы. Предъявление списка новых и новых “трофеев”, выбитых из бюджета, доказывает “верную службу” депутата и является залогом переизбрания. Также как сегодня нормой является бюджетный дефицит, растущий государственный долг и хроническая (хорошо, если не слишком высокая) инфляция.

¹⁰ A. Maddison, “The World Economy: Historical Statistics”, Paris OECD 2003. <http://www.theworldeconomy.org/statistics.htm>

4. Социал-либерализм против закона и морали. “Всё во имя человека, всё для блага человека”

Власть Закона ограждала жизнь, свободу и собственность, как естественные и неотчуждаемые права человека, от покушений, как со стороны других людей, так и со стороны самого государства. Когда в старых правовых демократиях появилась тенденция заменять данную свыше мораль и естественный закон “улучшенными” человеческими законами (разумеется, только на благо всего общества и каждого отдельного человека), это привело к манипуляции законом.

Европейские либералы XIX века были захвачены идеей “отделения церкви от государства и школы от церкви”. По-видимому, в пылу борьбы с церковью либералы переключились на Творца. В США, где религия изначально не была связана с государством и религиозные деятели подчеркнуто дистанцировались от политики, ситуация была обратной. А. Токвиль отмечал уже в начале XIX в. связь между приверженностью американцев к свободе и их религиозностью. В Европе же приверженность к свободе ассоциировалась обычно с атеизмом. Токвиль объяснял это различие как раз изначальной вовлеченностью европейской церкви в политику.¹¹ Заметим, что в США до сих пор приверженность к индивидуальной свободе и гарантиям прав собственности позитивно коррелируется с религиозностью.

Если Бога нет, то кто будет определять право и мораль? Как мы уже отмечали, концепция естественного права, казалось бы, может обойтись и без веры в Бога, если будет опираться на многовековой человеческий опыт. Практически же этого не случилось. Началось контрнаступление позитивного права на естественное – своеобразная реконкиста. “Социалисты претендуют на роль Бога”, – подметил французский публицист Ф. Бастиа в середине XIX в.¹² Когда кабинетным профессорам и избранным президентам показалось, что можно лучше самого собственника распорядиться его деньгами и лучше Творца позаботиться о справедливости, они не колеблясь стали нарушать права частной

¹¹ А. де Токвиль. Демократия в Америке. М.: “Весь Мир”, 2000; стр. 225.
<http://www.inliberty.ru/library/classic/511>

¹² Ф. Бастиа. Грабёж по закону. Челябинск: Социум, 2006; стр. 34.

собственности. Г. Спенсер – один из последних классических либералов – называл перерождение либеральных идей в концепцию большого “заботливого государства” решающего за всех все проблемы, “новым торизмом”.¹³ Новая мораль, введённая так называемыми новыми либералами, стала “политически корректной”, гибкой и относительной. Эта мораль предполагает, что жизнь, свобода и собственность человека вполне “морально” приносить в жертву таким общечеловеческим ценностям, как, например, “мирный процесс” и “социальная справедливость”. На связь самодетальной псевдоморали с перераспределительными идеями обращали внимание многие ученые и писатели – от Ф. Хайека, развенчавшего попытки интеллектуалов сочинять такие нормы в противовес апробированным веками,¹⁴ до П. Рубина и А. Колаковской, писавшими про “политическую корректность” как современный левый протез морали.¹⁵

В последние сто лет государство всё больше берёт на себя заботу обо всех и обо всем. То есть всё больше и больше складывается ситуация, когда “просвещенные” из своих рук “окоормляют” толпу малоимущих отнятым (на законных основаниях) у богатых. При этом у активных людей с одной стороны слабеют гарантии собственности, а с другой – появляется возможность (а затем и желание – люди есть люди) получить незаработанное. Они становятся зависимыми. Но что ещё хуже – некоторые богатые (которых пресса называет “прогрессивными” или “патриотическими”), благодаря “правильным” отношениям

¹³ "Тори" – пришедшее из политического жаргона прозвище британских консерваторов. Будучи по преимуществу партией аристократии, они были склонны чаще поддерживать требования землевладельцев (например, защищали хлебные пошлины и выступали против универсального налогового ценза в пользу имущественного). Часть из них была склонна "проявлять заботу" о фабричных рабочих, нищих и т.п. Термин "торизм" ассоциировался в XIX в. с роялизмом, патернализмом и реакцией.

¹⁴ Ф. Хайек, *The Fatal Conceit* (1988). Перевод: Ф. Хайек, “Пагубная самонадеянность”, М.: “Новости”, 1992.

¹⁵ Paul H. Rubin “The Assault on the First Amendment: Public Choice and Political Correctness” // *Cato Journal* **14:1**, (1994);

А. Колаковская, *Imagine... Интеллектуальные истоки политкорректности // Новая Польша*. Варшава, 2004. - № 3. - С. 3-12.

<http://www.novopol.ru/index.php?id=200>

с власть имущими, сами активно участвуют в дележе чужой собственности. Таким образом размывается граница между властью и собственностью. И это размывание имеет характер порочного круга – в него легко войти, но выйти оттуда трудно. Когда богатство перестаёт быть следствием трудолюбия и успеха, а становится синонимом близости к властям (или коррупции), общественное отношение к гарантиям прав собственности меняется в худшую сторону. И требования передела имущества – как нечестно, так и честно нажитого – усиливаются. Разрушается одно из основных условий не только благоприятного делового климата и долгосрочного экономического роста, но и вообще нормального человеческого общежития. Ведь никогда в истории зависимые не могли поддерживать и защищать мораль. Обратите внимание: в русском языке само слово “подлость” происходит от “подлого сословия” (т.е. подлежащего, зависимого), а слово “благородство” ассоциируется с благородным происхождением, гарантирующим (в древности) независимость.

В этом контексте не случайно, что тоталитарные социалистические режимы провалились к концу XX века не только и не столько экономически (подробнее об этом мы поговорим в следующем разделе). Последовательная реализация тоталитарных социалистических моделей привела к давно забытому европейцами одичанию. Например, в период Голодомора на Украине (1932-33) прохожие равнодушно спотыкались о трупы или о лежащих в голодном обмороке людей, а борьба с бандами людоедов была поручена армии. В период сталинских репрессий одичание выразилось в распространении в обществе всеобщего доноительства – не только среди коллег по работе, соучеников и соседей, но даже среди членов одной семьи.¹⁶

¹⁶ А в Израиле хорошо помнят атмосферу если и не всеобщего, то массового и поощряемого властями доноительства 1995-96 гг. после убийства Рабина. Израильскую политическую систему можно назвать (хотя и с некоторой натяжкой) "социализмом с человеческим лицом". Период 1992-95 гг. был периодом грубого игнорирования властями воли большинства населения и наступления на гражданские свободы. Отлич-

Да и в относительно спокойные периоды своей истории социалистические режимы отнюдь не являлись образцом человечности. Так, автор классического описания советской системы М. Восленский писал о первом поколении “нового человека”, выращенного в СССР (в относительно либеральные годы НЭПа):

*“Из советских библиотек давно уже были изъяты исследования советских социологов 20-х годов. Изъяты они неспроста: в исследованиях констатировалось быстрое возрастание среди населения черствости, жестокости, циничного эгоизма и карьеризма. Особенно четко проявилась эта тенденция среди молодежи. Таким образом, речь явно шла не о "пережитках капитализма", а о новом явлении. Дальнейшие исследования были запрещены”.*¹⁷

Ни о каком всеобщем счастье в СССР речи, конечно, быть не могло – всеобщее ощущение было, что “мы живем как собаки”.¹⁸

Но и претензии сторонников других разновидностей социализма на будто бы большую человечность, духовность и справедливость их моделей по сравнению с капиталистической – приходится также отбросить. Например, говоря о деградации личности под влиянием самой мягкой формы социализма – западноевропейской, можно сослаться на последнюю трагедию в Норвегии, где один террорист смог беспрепятственно перестрелять в молодёжном лагере 68 человек. В контексте нашего анализа, дело здесь не в террористе – идеологически мотивированный маньяк может появиться в любом народе и в любое время. Для нас существенно то, что сотни физически полноценных молодых людей призывного или допризывного возраста повели себя как утки на охоте (чтобы не сказать – как скот на бойне) вместо того, чтобы защищать себя и товарищей.¹⁹ Если

ное описание событий и атмосферы тех лет можно найти в книге Моше Фейглина (М. Фейглин. Там, где нет людей. Кирьят-Арба (Хеврон), "Ахаз" 1999). Прорыв создавшегося в обществе напряжения сопровождался эпидемией доносительства.

¹⁷ М. Восленский. Номенклатура. М., Захаров, 2005 с. 511

¹⁸ Р. Пайпс. Я жил: мемуары непримкнувшего. Московская Школа Политических Исследований, М. 2005, с.146

¹⁹ N. Poller, Mayhem in Norway, *American Thinker* July 28, 2011. http://www.americanthinker.com/2011/07/mayhem_in_norway.html

бы они повели себя иначе, число погибших было бы в несколько раз меньше, и убийца не ушёл бы с места преступления живым.²⁰ Напомним, что в этом молодёжном лагере (правящей партии!) собрались люди, претендующие на политическое лидерство. Основой лидерства, основной задачей руководителей государства является забота о защите своих сограждан. Вряд ли столь вопиющая неспособность защитить самих себя является хорошим обоснованием претензий нового поколения левых лидеров на власть.

Современный левый “либерализм” обвиняет успешный капитализм в будто бы свойственной ему аморальности. Левые “либералы” клеймят самых успешных предпринимателей (т.е. наилучшим образом удовлетворяющих интересы потребителя) как монополистов, едва ли не узурпаторов. И различными окологосударственными или противозаконными способами душат самый успешный бизнес. Бессовестный грабёж оправдывается при этом кампанией по демонизации “жадных до прибыли” предпринимателей. Это означает, что все общество – руками государственной машины – грубо попирает мораль, меняя правила по ходу игры.²¹

В левoliberalном “прекрасном новом мире” капитализму отводится определенное и важное место. Предприниматели, т.е. организаторы производства, должны тяжело работать. Они же должны нести на себе груз прогрессивного (то есть непропорционального, несоразмерного и, скажем прямо, бесчестного) налогообложения. Ну а чтобы ни у кого не возникало сомнений в правомерности такого положения, предприниматели должны смириться с положением париев, регулярно каяться и “разору-

²⁰ Например, безоружные участники семейного торжества в Израиле (Хадера, 17 января 2002 г.) набросились на нападавшего и обезоружили его, нанося удары стульями и другими подручными предметами. См. <http://www.7kanal.com/news.php3?id=15329>

²¹ Свежий пример – принятые правительством Израиля рекомендации комиссии Шешинского о резком повышении налогов на прибыль от разработки шельфового газа. <http://www.haaretz.com/opinion/ahead-of-the-battle-over-power-itself-why-fischer-came-out-batting-for-sheshinski-1.338458>

жаться перед партией”. Иными словами, принять статус, напоминающий статус “зимми” (иноверца) в исламском обществе. Последний облагается дополнительным налогом, имеет пониженный общественный статус и эпизодически подвергается погромам. Совершенно не очевидно, что такой вариант можно будет реально воплотить по отношению к капитализму.

Игра в “социальную справедливость” выхолащивает из самого понятия *справедливость* его суть. Эта суть – равное отношение и к богатому, и к бедному.²² Вместо справедливости, “просвещенными” подсовывается идея о необходимости такого передела (“просвещенными” же) имущества богатых в пользу бедных, которое является справедливым и как бы компромиссным между интересами бедных и богатых.

Вопрос о пресловутой справедливости и о государственной заботе о человеке тесно связан с вопросом о сущности Человека. Подобен ли человек откармливаемой скотине, которая ни о чём не думает и требует непрерывного ухода, а своё удовлетворение выражает одобрительным хрюканьем, когда находит достаточное – с её точки зрения – количество отрубей в своём корыте? Скотине, которая начинает лягаться, бодаться и кусаться, если отрубей недостаточно, или (даже!) если в соседском корыте их просто больше? Или же Человек, созданный по образу и подобию самого Создателя и являющийся самым совершенным творением (Бога или Природы, в зависимости от Вашей веры), развивает свои индивидуальные способности и заботится о своём завтрашнем дне, ставит перед собой задачи и контролирует свои эмоции, сам принимает решения и сам несёт ответственность за их последствия, сам ошибается и сам же свои ошибки исправляет, борется с объективными трудностями и находит высочайшее наслаждение в их преодолении? По сути, искренние сторонники государственной социальной политики

²² “Не совершай несправедливости на суде, не будь снисходительным к нищему и не угождай знатному...” Левит 19:15.

при всей их красивой фразеологии в духе Сатина (см. М. Горький, "На дне") исходят из концепции человека-скотины, в то время как сторонники "свинского капитализма" (как их называют вышеупомянутые борцы за всеобщее благо) без громких фраз видят в человеке – Человека.

Из того, что государство не должно заниматься социальными проблемами, вовсе не следует, что ими не должен заниматься никто. Все наши возражения относятся к *насильственному* перераспределению средств, а не к перераспределению их вообще. Во-первых, не следует пренебрегать социальным аспектом коммерческой деятельности. Ведь каждый преуспевающий бизнесмен не только повышает общий уровень жизни в обществе, удовлетворяя его потребности, но и дает заработок многим людям. Т.е. успехом своим делится, и делится самым лучшим образом: давая почетный заработок вместо подаяния. Во-вторых, добровольное некоммерческое перераспределение является неотъемлемым атрибутом цивилизованной жизни – оно существовало всегда, особенно в еврейском народе. Взрослые дети поддерживали престарелых родителей, зажиточные соседи помогали бедным, здоровые – больным. Избежавшие набегов еврейские общины выкупали попавших в плен собратьев, которых чаще всего и в глаза не видели (например, после погромов Богдана Хмельницкого 1648-49). Главная детская больница Израиля "Шнайдер" названа по имени человека, построившего её на свои деньги, а город Нетания – в честь Натана Штрауса, на средства которого были приобретены в 1928 г. земли для создания нового поселения. Поэтому есть все основания предполагать, что при существенном снижении бремени государственных налогов уровень взаимопомощи и взаимовыручки в обществе резко возрастёт. В выигрыше окажется всё общество.

5. Как государство всеобщего благосостояния подталкивает общество в направлении обнищания

Одному — бублик, другому дырка от бублика.

Это и есть демократическая республика.

В. Маяковский

Формальная демократия, не ограниченная правом человека на собственность и приоритетом этого права над волей большинства, естественно ведет к переделу завистливым большинством имущества богатого меньшинства (пусть даже богатство это весьма относительно). От такой опасности предупреждал еще Дж. Адамс²³ в конце XVIII в. на основании уже тогда обширного исторического опыта.²⁴ Ведь избирателю, по сути, предоставляется возможность проголосовать за ограбление других сограждан, с тем, чтобы государство осуществило этот “грабеж по закону”²⁵ и принесло ему долю от добычи. Перед таким искушением устоять трудно. Исторические результаты хорошо известны. Приведём один характерный пример из истории США, взятый из речи президента Кальвина Кулиджа в 1924 г.:

“Когда налог на доходы свыше 300 тыс. долларов был только 10%, налоговые поступления были примерно такими же, как и при налоге в 65% [300 тыс. долларов в 1924 эквивалентны примерно 3,8 миллионам в 2010]... Когда налог на доходы становится чрезмерным, такие доходы попросту исчезают.

*В 1916 г. было 206 предприятий с доходом выше 1 миллиона долларов. Тогда был введен высокий налог. В следующем году таких предприятий было только 141, а в 1918 – только 67... В 1921 г. таких предприятий осталось 21”.*²⁶

²³ См. Adams J. Defence of the Constitutions of the United States Vol.1

²⁴ См. напр. Ю. Латынина, Партия трёх оболдов. *Ежедневный Журнал*, 4 июля 2011.

<http://ej.ru/?a=note&id=11154>

²⁵ Термин, введенный французским философом-публицистом Фредериком Бастиа в середине XIX в. См. Ф. Бастиа. Грабёж по закону. Челябинск: Социум, 2006

²⁶ См., напр. A. W. Mellon. Taxation: The People's Business. The Macmillan Company, 1924; pp. 216-227

Ситуация, когда многие грабят немногих (богачей), может продолжаться очень недолго. Вскоре неизбежно складывается ситуация, метко охарактеризованная Ф. Бастиа как “все грабят всех”. При этом с одной стороны стимулируется завистливый паразитизм. С другой, разрушаются стимулы к честному труду, разрушаются стимулы богатеть самому и давать богатеть окружающим (см. конец предыдущего раздела). По образному выражению Г. Спенсера, подобная политика имеет тенденцию “увеличивать страдания лиц, наиболее заслуживающих участия, чтобы помочь тем, кто не стоит ровно никакой жалости”.²⁷

Забота государства о человеке за пределами простой и естественной защиты от грабежа и явного обмана никогда не была эффективной. Уже в 1776 году А. Смит описал в своём фундаментальном труде “О богатстве народов” многочисленные примеры того, как попытки просвещённых правителей вмешиваться в экономику с целью улучшения благосостояния подданных имели обратные последствия.²⁸ Хорошо известно, например, что попытки заставить собственников жилья сдавать его внаем по фиксированной цене ведут к нехватке жилья на съём и к ухудшению качества предлагаемого жилья (одно из первых детальных описаний искусственно вызванного кризиса квартирного рынка мы находим у Г. Спенсера²⁹). Это естественно – кому охота инвестировать в недвижимость, с которой всё равно нельзя получить прибыль? Попытки регулировать цены на продукты первой необходимости ведут к вымыванию их из торговли – кому охота производить неприбыльный товар?³⁰ Ещё хуже то,

²⁷ Н. Spenser. *Man vs. the State* (1884). Г. Спенсер. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007; с. 130.

²⁸ А. Smith. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, 1776. А. Смит Исследование о природе и причинах богатства народов.

²⁹ Н. Spenser. *Man vs. the State* (1884). Г. Спенсер. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007.

³⁰ Мы здесь не рассматриваем практику регулирования цен с компенсацией из бюджета потерь производителю. Такие практики предотвращают вымывание товара с рынка, но провоцируют бюджетный дефицит

что под предлогом защиты интересов потребителя “правильным” предпринимателям зачастую обеспечивают не только доступ к государственным заказам, но и защиту от конкуренции на рынке. Такая защита нередко проводится под флагом антимонопольной борьбы: на наиболее успешные и сильные фирмы наклеивается ярлык “монополия”. Об использовании антимонопольного законодательства для создания государственных монополий писали, например, Д. Арментано и Х. Де Сото³¹ (заметим, что по мнению многих экономистов устойчивость монополий, не связанных с государством, невозможна). В известном в Израиле случае затыкания рта оппозиции – отменой Верховным Судом закона, легализовавшего радиостанцию “Седьмой Канал” – судьи ссылались, в частности, на требование равных условий конкуренции. По их логике, заимствованной у зарубежных коллег, любое облегчение доступа конкурентов на рынок является “нечестной конкуренцией”.³² Оно, дескать, попирает права тех компаний, которые преодолели ранее существовавшие высокие барьеры (даже если эти барьеры перед ними превращались в проезд с открытым шлагбаумом благодаря связям с властьюпридержащими). Таким образом в бизнесе происходит “противоестественный” отбор: наиболее эффективные производства – умеющие удовлетворять интересы потребителя, а не бюрократа – отсеиваются.

Говоря о результатах государственной социальной политики в старых правовых демократиях, мы не можем не заметить и долгосрочного, глубокого кризиса таких структур как пенсионные программы, система образования и здравоохранение.³³ Причины этого кризиса частично не связаны (точнее, связаны не напрямую) с государственным регулированием: например, замедление темпов экономического роста и старение населения. Но всё-таки основная причина – бюрократическое управление, которое не в состоянии эффективно повышать качество услуг

³¹ Д. Арментано, Антитраст против конкуренции. М.: Ирисен, 2006; Х. Де Сото, Иной путь. Челябинск: Социум, 2008.

³² Решение от 26 марта 2002 года. Текст (на иврите): <http://elyon1.court.gov.il/files/99/310/010/E14/99010310.e14.pdf>

³³ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. М.: Фонд “Либеральная миссия”, 2007. Оригинал: M. & R. Friedman. Free to Choose, 1980.

или даже поддерживать его на должном уровне. А при взгляде на систему образования выявляется дополнительная интересная черта: всё больше и больше средств вкладывается в умственно отсталых и всё меньше – в одарённых. Такая тенденция легко объяснима с точки зрения интересов бюрократа, стремящегося расширить сферу своего влияния и оградить себя от ответственности за последствия своих действий.³⁴ Ведь за любые средства, потраченные на одарённых детей, надо будет отчитываться призами на международных олимпиадах, результатами объективных тестов и т.д. А вот за средства, потраченные на “альтернативно одарённых” вне зависимости от объёма расходов, можно будет отчитаться альбомом фотографий с милыми улыбками. Тот же фактор – возможность перераспределения значительных ресурсов без ответственности за результат – способствует в медицине бессмысленной и беспощадной практике продления страданий безнадежно больных и их близких, когда многие люди годами метаболируют (ибо трудно назвать этот процесс жизнью), не приходя в сознание.

Тяжелый мировой экономический кризис 1970-х положил конец наиболее одиозным формам государственной экспансии в экономику стран Запада. Национализация доказала свою полную неэффективность. Запас доверия к национальным валютам оказался подорванным многолетним (десятилетия!) “подпечатыванием” денег (для стимулирования экономического роста согласно принятым в то время экономическим теориям). Реформы 1980-х (Тэтчер–Рейгана), при всей своей непоследовательности и половинчатости, дали неожиданно значительный эффект. Расстроенные финансы стабилизировались. Экономический рост снова ускорился. Капитализм получил как бы второе дыхание. Позорный крах социалистической системы вкупе с отказом китайского руководства от большинства экономических

³⁴ В экономике такое описание интересов бюрократа носит название “модели Нисканена” по имени американского экономиста Уильяма Нисканена. Отметим, что эта модель всего лишь сохраняет за бюрократом свойства обычного человека.

догм коммунизма, казалось бы, должен был закрепить тенденцию продвижения к экономической свободе. Однако вместо этого под аккомпанемент псевдолиберальных заявлений начался реванш сторонников “большого заботливого государства”. Снижение нагрузки, обусловленной гонкой вооружений с СССР, а также ощущение вновь обретенного прочного доверия к финансовым институтам, вновь пробудили у интересантов и чиновников аппетит к переделу пирога.³⁵

Говоря о перспективах мягких форм западного социализма, следует заметить следующее. Предпринимательство существует с незапамятных времен, однако лишь в течение нескольких последних веков капитализм преобразует планету волшебным образом. Кроме гарантий личной безопасности и защиты собственности, есть еще одно важное объяснение этого расцвета предпринимательства, а именно – вознаграждение престижем.³⁶ Престиж богатства и успеха – явление сравнительно новое. До этого господствующие на Западе христианство и ислам клеймили материальное преуспевание и богатство как несправедливую “наживу” и препятствие к достижению богатства духовного. Конечно, не существует строгих доказательств того, что дискредитация успеха и богатства обратит ситуацию вспять. Однако исключать такое развитие событий было бы, по меньшей мере, неосмотрительно.

Тем, кто забыл свой советский опыт, забыл, как влияет на жизнь обывателя доведённый до логического конца реальный социализм, достаточно взглянуть на Кубу, Северную Корею или голодную Зимбабве (ещё 20-25 лет назад процветающую трудом белых фермеров). Но и частичная перераспределительная политика, как было только что показано, подтачивает демократичес-

³⁵ М. Friedman, Cooperation between Capital-Rich and Labor-Rich Countries. “Liberty in the Americas: Free Trade and Beyond” conference keynote speech, 19 May 1992, Mexico.
<http://www.fff.org/freedom/0494d.asp>

³⁶ См. напр. Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма, 1905.
<http://kara-murza.ru/books/Veber/index.html>

кие страны – медленно, постепенно, но неуклонно. Увы, этот обширный исторический опыт не мешает каждому следующему поколению гордо наступать на те же грабли.

6. Деградация демократических институтов

*И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой
Народ, не уважающий святень.*

Зинаида Гиппиус

Как уже отмечалось, в последние сто лет нарастает тенденция передачи функций и полномочий от индивида к государству. Эта тенденция весьма опасна для базовых прав личности. Всё больше рассчитывая на государство в решении всех своих проблем, граждане ставят под угрозу свою свободу. Выдающийся английский экономист Джон Милль писал уже в середине XIX века:

“Люди, которые более склонны укрыть преступника, чем задержать его; которые, как индийцы, будут лжесвидетельствовать, покрывая ограбившего их, вместо того чтобы рисковать навлечь на себя месть, свидетельствуя против него; которые ... переходят на другую сторону улицы, видя как один человек убивает другого, ибо это дело полиции и безопаснее не вмешиваться в то, что тебе непосредственно не угрожает; люди, которые возмущены казнью, но не потрясены убийством – создают ситуацию, в которой власти должны быть облечены гораздо более репрессивными полномочиями, ибо самым базисным основам цивилизованной жизни [в таком обществе] больше не на чем держаться.”³⁷

Эта тенденция угрожает не только базовым правам личности, но и самому существованию демократического строя. В качестве определения демократии воспользуемся здесь формулировкой А. Пжеворского, указавшего в качестве ключевого

³⁷ J.S. Mill. Considerations on Representative Government, 1864. Милль Дж. С. Размышления о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006; Гл. 1.

признака наличие эффективной политической конкуренции: “при демократии власть может проиграть выборы, а проиграв – спокойно уходит в оппозицию”.³⁸ Как показывает сравнительный анализ, для эффективного механизма реальной смены власти недостаточно формального права граждан влиять своим голосованием на состав парламента и на правительство.³⁹ Необходимо еще, как минимум:

1. суд, независимый от любого правительства (а не только, к примеру, от “неправильного” правого);
2. независимые и остро конкурирующие друг с другом средства массовой информации (СМИ).

Новые ценности “государства всеобщего благосостояния” приводят ко все более заметной деградации этих ключевых институтов правовой демократии.

6.1 Деградация независимого суда

Если государство само решает за граждан, что им нужно, то у судей появляется искушение не связывать трактовку закона с принятыми в обществе ценностями. В частности, как отметила английская журналистка М. Филлипс, “судьи раз за разом ставят права подозреваемых в терроре, нелегальных иммигрантов и обычных уголовников выше прав законопослушных “туземцев”.⁴⁰ У судей даже появляется желание перевоспитывать население. Такой взгляд не стесняясь озвучил бывший председатель Израильского Верховного Суда Аарон Барак. По его словам, интерпретация законов должна происходить в соответствии с представлениями “просвещённой” части населения. Именно к

³⁸ Przeworski A., Alvarez M.E, Cheibub J.A., Limongi F. “Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World 1950-2000” Cambridge University Press, 2000; pp. 15-18

³⁹ В.Мау, К.Яновский, С.Жаворонков, Е.Рева, Ф.А.Кинг, Д.Черный и др. “Институты закрытых демократий: попытка сравнительного анализа” М.: ИЭПП, Научные труды №107Р, 2007
<http://www.iet.ru/ru/instituty-zakryty-demokratii-popytka-sravnitel'nogo-analiza-nauchnye-trudy-107r.html>

⁴⁰ М. Phillips. *The Daily Mail*, March 2 2009
<http://www.dailymail.co.uk/debate/article-1158337/MELANIE-PHILLIPS-Yes-Big-Brother-Britain-menace-The-irony-civil-liberties-lobby-blame.html>

этому сводится идея права судьи на произвольное толкование текста закона в соответствии со своим пониманием смыслов и неявных “подразумеваемых” значений текста.⁴¹ При этом намерения законодателя играют роль, однако у судьи есть право истолковывать текст в соответствии с потребностями и понятиями “текущего момента” по своему усмотрению.

Получается, что одни должны подчиняться законам, а другие – “просвещенные” – эти законы трактуют по своему усмотрению. Этот подход Барака резко критикует выдающийся американский исследователь права Ричард Познер,⁴² а также известный американский судья и правовед Роберт Борк.⁴³

При таком отношении к закону и при таком понятии о справедливости появляется соответствующая судебная система. Прежняя судебная система подчинялась не элите, а Высшему Закону. Каждый судья был независим и подчинен не председателю Верховного Суда, а всё тому же Высшему Закону. Понятно, что такой суд не мог “колебаться вместе с линией партии”. Новый суд должен охранять интересы новой “просвещенной” элиты и быть предельно гибким.

В Израиле судьям удалось построить собственную олигархию, освободившись от любого контроля избранного народом политиков благодаря своеобразной системе назначений (по сути – самоназначений).⁴⁴ При этом члены Верховного Суда, находящиеся на вершине олигархической пирамиды, абсолютно независимы и не подотчётны никому. В отличие от Израиля, в других демократических странах сочетаются разные формы

⁴¹ A. Barak. *Purposive interpretation Law*. Princeton: Princeton University Press, 2005, глава 9.

До этого аналогичный подход был предложен в книге Барака "Судья в демократическом обществе" (в английском переводе: A. Barak. *Judge in a Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2006.

⁴² R. A. Posner, *Enlightened Despot* ("Просвещенный деспот"), *The New Republic*, April 23, 2007

⁴³ R.A. Bork. *Barak's Rule Azure* 27 (2007)
<http://www.azure.org.il/article.php?id=34>

Название статьи можно смело перевести как "Власть Барака" – в противовес "Власти Закона" (Rule of Law)

⁴⁴ M. Haller. *The Court That Packed Itself Azure* 8 (1999).
<http://www.azure.org.il/article.php?id=300>

участия законодательной и исполнительной властей в назначении судей.

Отстранение судьи во всех странах прецедентного права осуществляется квалифицированным большинством парламента по сложной процедуре *импичмента*, что гарантирует судье уровень защиты, которой обладает президент США. А вот в Израиле судьи мировых и окружных судов лишены элементарной независимости и могут быть вышвырнуты из своего кресла старшими коллегами с минимальными для последних издержками. Действует этот механизм так. По закону, уголовное расследование против судьи начинается по решению генерального прокурора. Далее всё фактически зависит от председателя Верховного Суда. Последний назначает членов дисциплинарного суда для рассмотрения соответствующих обвинений против судьи, он же готовит материалы о прекращении полномочий судьи для комиссии по выборам судей. Это означает, что для лишения судьи полномочий председателю Верховного Суда достаточно просто договориться с генеральным прокурором. На практике обычно бывает достаточно беседы с председателем Верховного Суда, после которой судья сам пишет прошение об отставке.

Таким образом, судебная система, как олигархия, независима, а вот независимых судей в ней почти нет. Соответственно, нет и независимого суда – ибо судьи подчиняются не только и не столько Закону, сколько председателю Верховного Суда. Нетрудно догадаться, как это сказывается на поддержании законности и порядка в нашей стране.

6.2 Деградация независимой прессы

Забота государства о “духовных нуждах” граждан приводит к созданию государственных медиа-империй. Работающие на государственных каналах ведущие и комментаторы не зависят от спроса и рынка, от интересов слушателя или зрителя. Всё равно все их расходы оплатит налогоплательщик. Их интерес, как и любого бюрократа – получить побольше денег из бюджета и при этом избавиться от любой ответственности (включая и уголов-

ную ответственность за разглашение государственных секретов). Обычно частные вещатели не в состоянии конкурировать с государственными на ключевом направлении – в освещении политических процессов и новостей – даже если само вещание не пресекается насильственным образом. Как это было, например, в случае с закрытием радиостанции “Седьмой Канал” в нашей стране. Дело в том, что большинство населения обычно мало интересуется политикой, а потому окупать рекламой политическое вещание удастся лишь в периоды резкого обострения такого интереса (например, в период предвыборных кампаний). А если на рынке уже есть конкурент, для которого все издержки политического вещания и новостей оплачиваются налогоплательщиком, переиграть его в этой сфере практически невозможно.

Не имея возможности конкурировать с государственными каналами в освещении политики, коммерческие каналы, как правило, предлагают легкомысленные шоу, фильмы и музыку, максимально нагруженные рекламой. Именно таков медиарынок большинства западных стран. В Израиле, где интерес к политике значительно выше, чем в большинстве демократических стран, для подавления независимой радиостанции “Седьмой Канал” её руководителей “пришлось” отдать под суд.

Описанные процессы приводят к постепенной трансформации демократической системы власти в олигархическую. Суд и пресса – две неизбираемые ветви власти – уже не являются противовесом друг для друга, а вступают в союз, поскольку вместе им проще защищать олигархическую структуру от контроля избирателя. Например, в Израиле исторически сложившийся союз прессы и правовой системы может поставить на колени любого избранного политика. Стимулы выборных политиков служить интересам избирателя слабеют, реальная власть избирателя тает.

7. Деградация военных институтов

Логика перераспределения и борьба чиновников за ресурсы приводит к тому, что государство начинает уклоняться от эффективного выполнения своих функций по охране граждан от посягательств внутренних и внешних врагов. Ведь государство в состоянии войны тратит и перераспределяет намного больше, чем в мирное время. С точки зрения увеличения доли перераспределяемых ресурсов чиновники должны были бы быть заинтересованы в перманентной эскалации любого конфликта. На самом же деле ситуация куда сложнее. Ведь крупномасштабная война связана с ощутимыми человеческими жертвами и материальными лишениями. Кроме того, в условиях серьёзной войны перед всеми звеньями государственной системы ставятся конкретные задачи и требуется их строгое выполнение. Не говоря уже о том, что в серьёзной войне есть опасность потерять государство, т.е. всё. Но до тех пор, пока серьёзной угрозы государству и личной безопасности нет (или кажется, что нет – скажем, количество погибших от террора существенно меньше количества погибших в автокатастрофах), чиновничьему аппарату объективно выгодно продолжение такого состояния. О том, что ситуация может выйти из-под контроля, такой чиновник не думает. Хотим мы этого или не хотим, чиновник объективно заинтересован в поддержании террора на малом огне. Немногие идут на прямой саботаж и тем более на предательство (см. статью В. Фульмахта),⁴⁵ но большинство подсознательно ищут повода уклониться от радикального решения проблемы. И леволиберальная мораль такие поводы предоставляет в избытке.

Во-первых, если нет абсолютных ценностей, за что солдату рисковать жизнью? Эту идею озвучила левацкая активистка Синди Шеан (Cindy Sheehan), мать погибшего в Ираке американского солдата, выступающая сейчас – правда без доверенности – как бы от его имени: “Эта страна не стоит того, чтобы за нее умирать”.⁴⁶ Во-вторых, крайне полезным для поддержания конфликта оказывается принцип “Слабый всегда прав”, связыва-

⁴⁵ См. ниже: В. Фульмахт. Территории в обмен на власть.

⁴⁶ “This country is not worth dying for”

ющий руки в борьбе с террором.⁴⁷ В результате формируется столь полезная для бюрократии идея о том, что победить в войне нельзя. Для её обоснования удобно предположить, что жизнь гражданина является благом относительным и ею можно спокойно пожертвовать во имя “высших целей” (например, мира во всем мире, социального прогресса, торжества мультикультурализма и терпимости и т.д.). Врага надо не уничтожать, а договариваться с ним; цель войны – не победа, а удержание нарушения безопасности граждан “в допустимых границах” (в современных левых американских СМИ само понятие война с террором неизменно закавычивают). Понятно, что когда такой подход распространяется на всё общество, победа становится невозможной.

Идея о невозможности победы в войне пришлась по душе не только гражданским бюрократам, но и военным. Раз победить в войне нельзя, то и главный экзамен таким образом отменен. Бюрократы от армии пользуются вместе со своими гражданскими коллегами такими благами “нового порядка” и социального государства, как пожизненный найм, ослабление прозрачности и подотчетности, а главное – уменьшением ответственности за результат (это проявилось в частности в безнаказанности и безответственности чиновников Израильского министерства обороны по итогам Второй Ливанской войны). В качестве иллюстрации приведем историю (кажущуюся анекдотом) в изложении Р. Пайпса, занимавшего высокий пост в администрации Р. Рейгана. Офицер делал доклад в штабе авиации США, начальник штаба перебил его: “Перестаньте называть СССР нашим врагом. Он – наш противник. Наш враг – это наш военноморской флот”.⁴⁸

И этот процесс неудержим. После того, как смерть за родину перестала считаться доблестью, преступлением начинают считать смерть врага – как “избыточное” или “непропорциональное” применение силы. Армия всё больше вынуждена действовать полицейскими методами: термины “уголовная идентифика-

⁴⁷ См. напр. Ю. Латынина. Защита прав людоеда *Новая Газета* № 31 от 25 марта 2011 <http://www.novayagazeta.ru/data/2011/031/12.html>

⁴⁸ Р. Пайпс. Я жил: мемуары непримкнувшего. Московская Школа Политических Исследований, М. 2005; с. 252

ция” (incrimination) и “сопутствующий ущерб” (collateral damage) становятся центральными. Соответственно и военная бюрократия начинает не поощрять, а наказывать за победу, вплоть до отдачи победителей под суд. Ведь победы – согласно новой морали – нет и быть не может, а может быть только “избыточное применение силы”. На самом же деле в любой войне победитель либо имеет “избыточную силу”, то есть общее превосходство, либо концентрирует превосходящие силы в ключевых местах. Таким образом, “непропорциональное” или “избыточное” применение силы есть, в известном смысле, если не синоним, то единственный известный путь к победе. И именно этот путь левые блокировали. Действительно, представьте, что какой-то офицер ограниченными силами и средствами провёл успешную операцию против террористов. Эта операция, а особенно её повторение, ставит под сомнение столь полезную для бюрократов идею о невозможности победить террор с помощью военной силы. Что важнее для властьпридержащих – полезная идея или эффективность армии? Офицер ставится перед выбором – карьера или победа. Многие выбирают карьеру, остальные отсеиваются.

Армия и полиция также строго следят за тем, чтобы отдельные граждане не применяли успешную гражданскую самооборону: вспомним уголовные преследования, которым подвергались те сознательные граждане (как Илана Подольская, Михаил Эзер, Шай Дроми),⁴⁹ которые с оружием в руках защищали свою жизнь и собственность, а также закон. И это несмотря на то, что в случае террористических действий такая самооборона гораздо более селективна, гуманна и эффективна, чем действия оснащенной мощной техникой армии.⁵⁰

⁴⁹ См. напр. А. Энтова. Бьют - беги?

<http://asya.rjews.net/pravo/990723-ezer.shtml>

а также <http://www.newsru.co.il/israel/06sep2009/dromi8012.html>

Ввиду типичности последнего вопиющего случая Кнессет принял закон “имени Шая Дроми”, защищающий таких людей. Этот закон однако не является даже бледной тенью Второй поправки к Конституции США, защищающей право гражданина на вооруженную самооборону.

⁵⁰ Сошлемся только на характерные теракты в Иерусалиме в 2008 г. (в ешиве “Мерказ а-Рав” и “бульдозерный”), когда террористов обезвредили вооруженные граждане, а не находившиеся при исполнении своих обязанностей полицейские.

Наиболее серьёзным и опасным последствием такой новой политики является деморализация населения и потеря веры в справедливость своей борьбы. Израильский общественный деятель и публицист М. Фейглин очень точно подметил:

“[В начале 1990-х гг.] около 150 тысяч арабских рабочих каждое утро проходили через КПП на территорию Израиля и вечером возвращались обратно. Каким образом армия могла тогда защищать наши границы и обеспечивать безопасность граждан Израиля?”

Ответ – с помощью простой веревки. На КПП скучающий солдат держал один конец веревки, другой конец которой был привязан к столбу на другой стороне дороги; солдат поднимал или опускал веревку по своему желанию. Сейчас мы используем танки “Меркава” и вертолеты “Апачи” – и это не помогает”.⁵¹

Далее М. Фейглин справедливо заключает:

“Солдат-резервист с веревкой нес свою службу без поддержки батальонов танков “Меркава” и эскадрилий вертолетов “Апачи”, потому что правда была на его стороне... Но чем больше арабы получали, тем лучше они понимали, что израильский народ, стоящий перед ними, ничто иное как надутый шарик, из которого выпущен воздух. Как сказал этот убийца Дахлан: “Нам стало ясно, что вы так себе, обычное государство”.

“Свято место пусто не бывает”. Если одна сторона теряет веру в свою правоту, другая сторона эту веру приобретает. ... Сейчас все эти примитивные племена, чья культура всегда строилась на разбое, а не на справедливости, вдруг обнаружили, что их считают правыми и справедливыми, всех и во всем! Сейчас они праведники, святые – шахиды... Как маленький ребенок, оказавшийся за рулем грузовика, становится опасен, так и такие мощные инструменты как правота и справедливость оказались смертельно опасными в руках этой жестокой культуры”.

⁵¹ М. Фейглин. Почему они идут на самоубийство. *Haaretz*, 01.04.2002 (на иврите: בלי דרך זה לא ילך). Перевод: <http://gazeta.rjews.net/feigl25.shtml>

Рыба гниёт с головы, и в неэффективности борьбы с террором виноваты в первую очередь, как было отмечено, правящие круги (см. также интересное историческое исследование Й. Хенкина⁵²). Но снимать ответственность с рядового гражданина было бы неправильно. Вопреки теориям о мягкотелости и военной неэффективности демократии, избиратель-налогоплательщик создал когда-то само понятие “республиканской доблести”. Со времен Марафона и до наших дней доблестные греки, римляне, финны, американцы побеждали даже самого многочисленного, отлично вооруженного и обученного противника. Они сохраняли лояльность и готовность к борьбе в самой отчаянной ситуации. Девиз такого избирателя в войне выразил У. Черчилль:

“Мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах; мы никогда не сдадимся и даже, если так случится, во что я ни на мгновение не верю, что этот Остров или большая его часть будет поработана и будет умирать с голода, тогда наша Империя за морем, вооруженная и под охраной Британского Флота, будет продолжать сражение, до тех пор, пока, в благословенное Богом время, Новый Мир, со всей его силой и мощью, не отправится на спасение и освобождение старого”.⁵³

При излишней же опеке в “государстве всеобщего благосостояния” появляется избиратель нового типа. Такой избиратель считает, что ему принадлежат все права уже в силу самого факта его рождения. Он не связывает получение своих прав с исполнением своих гражданских обязанностей. Такой позабывший о собственной ответственности потребитель ждет от государства помощи в решении всех своих повседневных проблем –

⁵² Y. Henkin. How Great Nations Can Win Small Wars. *Azure* **24** (2006). <http://www.azure.org.il/article.php?id=140>

⁵³ Из речи У. Черчилля в палате общин 4 июня 1940 г. <http://lib.rus.ec/b/10948/read>

вместо того, чтобы решать их самостоятельно. У него появляется иллюзия, что можно поделить с друзьями те средства, которые тратятся на защиту правопорядка и безопасности. Он уже не готов сражаться, “какова бы ни была цена”, чем немедленно пользуются как внутренние, так и внешние враги. Ведь как отметил К. Клаузевиц в своём фундаментальном труде, любая война ведётся в первую очередь против мужества противника.⁵⁴ Разгром Франции в 1940-м году является устрашающим примером того, как разжиревшая и расслабившаяся демократия, несмотря на своё существенное превосходство по всем количественным показателям, становится жертвой энергичного хищника с низким уровнем потребностей и высоким уровнем мотивации.

Говоря о борьбе с террором в современном обществе, нельзя обойти молчанием и тему т.н. асимметричной, или нетринитарной, войны. Ведь уже несколько десятилетий принято говорить о трансформации войны (см., например, одноименную книгу М. Ван-Кревельда⁵⁵). Прошлые войны были симметричными и "тринитарными", т.е. с каждой из сторон было по три отдельные силы: воюющая армия, невоюющее население и правительство. А сейчас воюют не правительства, а организации; стерта грань между воюющей и невоюющей частью населения; нет фронта и нет тыла. Клаузевиц, описывающий тринитарную (конвенциональную, симметричную) войну, безнадежно, дескать, устарел.

На самом же деле партизанские методы применялись издревле, а сам современный термин *guerilla warfare* родился во время Наполеоновских войн в Испании более 200 лет назад. Нисколько не изменились основные отличия войны от всех других видов человеческой деятельности, а именно: предельное напряжение сил (вплоть до гибели) и предельная непредсказуемость развития событий. Нисколько не устарел сформулированный Клаузевицем принцип: целью войны является сокрушение

⁵⁴ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.

Оригинал: Clausewitz K. Vom Krieg. 1832/34.

⁵⁵ M. van Creveld, The Transformation of War (1991). Пер: Мартин Ван Кревельд. Трансформация войны М.: АББ, 2005.

мужества противника. Как сформулировал позже Г. Лебон, в войне побеждает более убеждённый, и лишь при равной степени убеждённости – более организованный (а иногда просто более везучий).⁵⁶ Нетринитарность современной войны – не что-то принципиально новое, а использование противником (террористами) своих преимуществ и наших слабостей. Основная же наша слабость, как только что отмечалось, – нежелание верхов побеждать, нерешительность низов и неуверенность общества в собственной правоте.

В выигрыше – до поры до времени – бюрократ. В проигрыше тот налогоплательщик и гражданин, который тяжело работает и служит в армии, т.е. кормит и защищает. Он обязан бюрократу, но бюрократ не обязан ему. Ведь, как мы уже писали, новая государственная мораль предполагает наличие более высоких целей, нежели жизнь, свобода и собственность гражданина – таких как “мирный процесс” или “социальная справедливость”. А вот его обязанности как налогоплательщика регулярно материализуются в виде налоговых инспекторов и судебных исполнителей.

⁵⁶ Г. Лебон. Психология народов (Les lois psychologiques de l'evolution des peuples) 1894, в кн. Г. Лебон. Психология народов и масс. Челябинск: Социум 2010; стр. 129.

8. Заключение: что делать?

Повторим три основных возражения (развитые в разделах 4-7) против государственной социальной политики, насильственно перераспределяющей собственность одних людей в пользу других.

1) Насильственное перераспределение аморально, ибо противоречит законам, защищающим достоинство, равенство и частную собственность всех граждан (вне зависимости от того, выводятся ли эти законы из воли Творца или из законов природы). Такая политика ведёт к девальвации моральных ценностей и к деградации личности.

2) Даже если бы государственная социальная политика не была аморальной, история уже давно доказала её экономическую неэффективность. Такое насильственное перераспределение ведёт к серьёзным кризисам, а в случае доведения до логического конца, т.е. национализации – к обнищанию общества.

3) Даже если бы такая политика была экономически эффективна, развращенное ею общество оказывается нежизнеспособным, скатываясь к олигархической диктатуре и к самоуничтожению.

Современное социальное государство всё больше и больше претендует на роль нашего хозяина. Но государственная система является нашим слугой, а не хозяином. Слуга же, который не справляется со своими обязанностями, грубит, вымогает все большую оплату (не говоря уже о претензиях на собственность!) может и должен быть *уволен*. Вспоминая об исторических прецедентах, приведенных в начале статьи, описанный выше гражданин и избиратель, как и американский колонист 1776 года, вправе задаться вопросом: не пора ли ему взять на себя ответственность и за себя и за всё общество? Не пора ли “нанять” другое государство – вместо претендующего на всеобщее благо, но заведомо не справляющегося со своими обязанностями?

Такое государство, в котором судебная система будет построена по надежно работающим моделям не для соблюдения интересов кучки юристов, а для защиты жизни, свободы,

достоинства и собственности граждан. В случае судебной системы, работающей по прецедентному праву (common law), назначение судей будет доверено не самой корпорации юристов, как сегодня, а выборным политикам. А отстранение судьи (что не менее важно) будет результатом решения не тесного круга старших коллег, а квалифицированного большинства депутатов Кнессета после сложной и продолжительной процедуры. Процедуры, которая, как показывает практика, способна защитить судью как от гнева толпы, так и от мести коллег.

Государство, в котором никто не сможет быть принужден оплачивать из своего кармана эфирное время тому, с кем он не согласен. В котором ведущему и комментатору придется не только заслужить право на эфирное время, но и защищать свои идеи в свободном споре с коллегами, чей микрофон и эфирное время оплатили оппоненты. Без возможности вызвать послушную полицию и заткнуть рот критику, обвинив его в “подстрекательстве” или в “разжигании ненависти”.

Государство, в котором избирательное право будет напрямую связано с несением бремени общественных расходов. В котором предъявление избирателю-налогоплательщику списка отвергнутых стараниями депутата затратных законопроектов станет лучшей предвыборной тактикой, вместо предъявления списка новых “трофеев”, выбитых из бюджета – т.е. из чужих карманов.

Государство, в котором все политические партии и лидеры, нашедшие себе задачи более важные, чем защита жизни, свободы, достоинства и собственности граждан, будут лишены возможности не только претендовать на власть, но и даже рассматриваться в качестве легитимной оппозиции.

Кризис семьи в современном обществе

1. Проявления кризиса и его последствия

Кризис семьи как общественного института стал очевиден к концу 70-х гг. XX века. Он проявляется в необычайно высоком уровне разводов (до половины от числа заключенных браков, см. Рис. 1), в растущей доле неполных семей и в низком уровне рождаемости – существенно ниже необходимого для воспроизводства населения. Поднимается также возраст вступления в брак. Другими проявлениями кризиса является вытеснение практики официального брака практикой совместного проживания, а также появление т.н. “однополых браков”. О кризисе сигнализирует и популярность политических теорий, исходящих из принципиального отсутствия отличий между полами (при том, что один из равных полов, как ранее угнетенный, должен быть “более равным”).

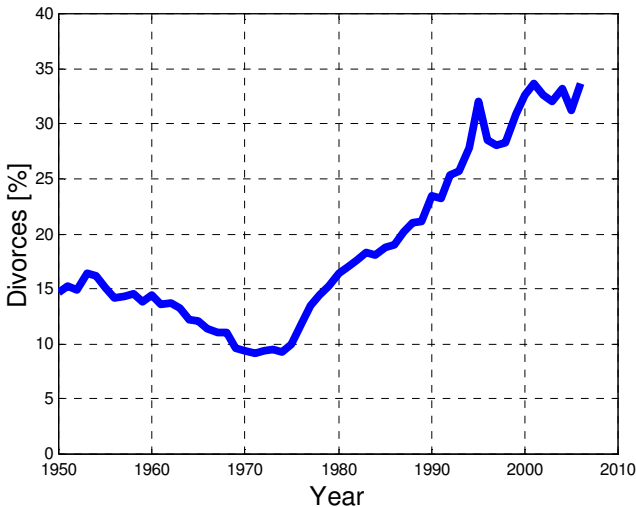

Рис. 1. Количество разводов в Израиле в процентах от новых браков. Видна внушающая озабоченность тенденция к росту, начиная с 1970-х гг. Источник: ЦСУ Израиля, 2006

Ослабление семейных связей и падение рождаемости ведут к ряду важных социально-экономических и политических последствий. С социально-экономической точки зрения, падение рождаемости (прежде всего у среднего класса) создает напряжение на рынке труда и обостряет проблему финансирования нетрудоспособного населения. “Старение” родителей на момент рождения детей ведёт к росту количества детей с врождёнными отклонениями и дефектами (и только часть таких дефектов выявляется на стадии внутриутробного развития и “лечится” прекращением беременности).

С политической точки зрения, важным последствием кризиса института семьи является ослабление демократических институтов, защищающих права собственности и поддерживающих правовой порядок. В обществе, основанном на морали и законе (“Rule of Law”, власти закона), возникают и растут анклавные отсталого общества, власть в котором основана на насилии (“Rule of Force”, права силы). Механизм этого процесса прост: снижение рождаемости ведет к “старению” общества и, соответственно, к жёсткой необходимости привлечения дополнительной рабочей силы. Эта рабочая сила привлекается из стран, имеющих глубокие цивилизационные противоречия с современным Западным обществом. Определенные отличия (культурные, но не цивилизационные) имели место и при иммиграции в США, например, ирландцев, поляков, евреев. Но выходцы из стран Африки, Азии и других центров традиции “права силы” не просто с трудом адаптируются к условиям “власти закона”, но зачастую просто не желают этого делать и не сталкиваются с необходимостью культурной ассимиляции. Они сохраняют свою “мягкую инфраструктуру”, основанную на привычке применять силу в качестве арбитра. Хорошо известно, что анклавные общества “права силы” обеспечивают инфраструктуру для вербовки, подготовки и финансирования террористов. Порядок внутри таких общин основан на насилии, которое иногда выплескивается наружу.

2. О границах применимости экономического анализа

Применение экономического анализа к такой лично-интимной области, как семейные проблемы, вызывает естественные опасения, зачастую переходящие в иронию или даже презрительное отвержение. Но подобное отношение к экономическому анализу этой проблемы необосновано. Конечно, претензия экономиста марксистского типа объяснить всё и вся экономическими причинами бессмысленна, так же как и попытка свести всё многообразие мира к сексуальным мотивам или, скажем, к формально-юридическими правилам. Но как кто-то сказал, из того что не только железные опилки прилипают к магниту, но и мухи к мёду, не следует отсутствие магнетизма. Рассматривая семейную проблему на микроуровне, трудно спорить с тем, что в распаде немалого количества семей экономический фактор (финансовые неурядицы, совместное проживание с родителями по соображениям экономии и т.д.) сыграл немалую роль. Так же и на макроуровне: мы не будем рассуждать, является ли экономический фактор определяющим, но он безусловно присутствует. Ведь экономика – это наука о стимулах,¹ а “люди реагируют на стимулы, всё же остальное – подробности”.²

В этом контексте стоит заметить интересную деталь. Как только что отмечалось, одним из проявлений семейного кризиса является повышение возраста вступления в брак. Но ведь ни для кого не секрет, что у человека с возрастом ослабляется влияние эмоциональных и физиологических факторов, зато усиливается влияние рациональных (т.е. экономических). Т.о. разумно предположить, что по мере углубления семейного кризиса роль экономического фактора растёт.

Как уже отмечалось, попытки заставить собственников жилья сдавать его внаем по фиксированной цене ведет к нехватке жилья и к ухудшению его качества. Попытки регулировать цены на продукты первой необходимости ведут к вымыванию их из

¹ Robert J. Aumann – Nobel Prize Lecture, 29 Jul 2011.

http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2005/aumann-lecture.html

² S.E. Landsburg, The Power of Incentives

<http://freedomkeys.com/pricecontrols2.htm>

торговли. Поэтому есть все основания утверждать, что, несмотря на неизмеримо большую сложность и инерцию семейных отношений, попытки навязать мужьям в отношении жен и родителям в отношении детей заведомо невыгодные условия *объективно способствуют* снижению числа живущих в браке и к падению рождаемости.

Ниже мы рассмотрим попытки воспроизвести в сфере семейных отношений глобальный общественный “эксперимент”, провалившийся в экономике. Эксперимент, основанный на допущении особой информированности и добросовестности государства и, как следствие, на уверенности в его праве вмешиваться в дела граждан – в данном случае в семейные дела. Мы попытаемся показать, что избыточное регулирование государством семейных отношений размывает личную ответственность супругов и родителей, и при этом подрываются как стимулы к созданию устойчивого семейного союза, так и стимулы к деторождению с несением всей полноты ответственности за воспитание детей.

3. Кому это выгодно?

Американские социологические исследования могут дать нам представление о тех, кто голосует за, а кто против сторонников избыточного регулирования. В США Республиканская партия традиционно выступает за сокращение бюджета и ограничение государственных полномочий, а Демократическая ассоциируется с большими бюджетными расходами и более активным вмешательством государства в частную жизнь. Интерес к “раздуванию” бюджетных расходов и государственных полномочий является естественной основой союза бюрократов и левых политиков.³ Результаты опросов, проводимых в США службой Гэллапа,⁴ дают основание предположить, что семейные мужчины, регулярно

³ В Израиле классификация левый-правый ассоциируется в первую очередь с позицией голубь-ястреб в арабо-израильском конфликте, но тем не менее существует сильная корреляция между “левизной” по внутре- и внешнеполитическим вопросам.

⁴ <http://www.gallup.com/poll/112132/Election-Polls-Vote-Groups-2008.aspx>

посещающие церковь, в подавляющем большинстве голосуют против избыточных полномочий государства (в т. ч. против полномочий властей защищать детей от вымышленных злодейств их родителей). А одинокая секулярная дама почти наверняка проголосует наоборот – за такие полномочия, особенно, если эта дама является социальным работником, полицейским, членом левого профсоюза учителей или просто излишне “наблюдательной” соседкой (см. диаграмму на Рис. 2). Подавляющее большинство государственных служащих США, проживающих в федеральном округе Колумбия, голосуют так же, как та самая “наблюдательная” дама.⁵ Это показывает, на чьей стороне аппарат исполнительной власти и в каком направлении он склонен подталкивать ситуацию.

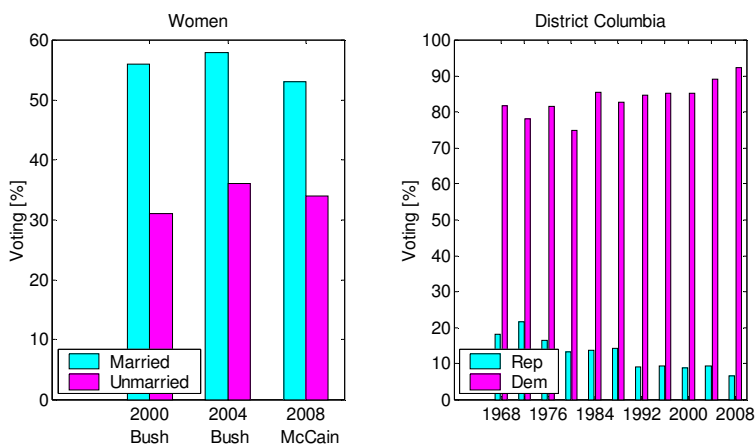

Рис. 2. Слева: результаты голосования женщин за президента США. Республиканский кандидат (Bush и McCain), выступающий за ограничение государственных полномочий, получает большинство голосов от замужних женщин. Справа: результаты голосования на выборах в Сенат в федеральном округе Колумбия, где проживают, в основном, государственные служащие. Не удивительно, что подавляющее большинство стабильно голосует за Демократическую партию, традиционно ассоциирующуюся с большими бюджетными расходами и активным вмешательством государства в частную жизнь.

⁵ http://clerk.house.gov/member_info/electioninfo/index.aspx

В Израиле ни у кого из читателей не возникает вопрос, за кого голосует подавляющее большинство религиозных семейных граждан. В стране, где политическое противостояние острее, соблазн использовать дубину социальных служб и дето- или женозащитного законодательства против правых религиозных евреев очень силен. Во всяком случае, пропагандистские (и явно демагогические) кампании в защиту женщин и детей в религиозных семьях от “насилия и издевательств”, от “использования в политических целях” и т.п. ведутся в нашей стране регулярно.

Чиновник, стремящийся к карьерному росту, объективно заинтересован в увеличении перераспределяемых под его руководством ресурсов.⁶ Для того, чтобы добиться желаемого, необходимо ставить перед государством все новые задачи. Одной из таких новых задач и стала “война” государства в защиту женщин и детей от семейного насилия.

Борьба левых с семьей и моралью в значительной мере связана с общим механизмом передачи ответственности от индивида государству. Последнее заинтересовано в максимизации ресурсов и контроля. Максимизация контроля конфликтует с любыми ограничителями, самым мощным и устойчивым из которых является мораль. Мораль, прививаемая и поддерживаемая семьей, – сама по себе большая проблема для левых. Их самоделка – “политическая корректность” с ее претензией быть новой моралью – не способна конкурировать с привитыми семьей вечными ценностями. И в добавок сторонникам большого “заботливого” государства не нужен опасно эффективный конкурент. Нормальная семья намного лучше современной школы социализирует ребёнка. Она дает человеку определенную опору, никак не связанную с государством: попадая в кризисную ситуацию, нормальный человек из нормальной семьи не звонит штатному психологу в государственный кризисный центр, не бежит к социальному работнику или за пособием. Он находит поддержку (но если потребуется – и встряску) у тех, в чьей лояльности и преданности он уверен. Он быстрее переживает кризис и снова

⁶ В экономике это называется “моделью Нисканена” по имени предложившего её американского экономиста Уильяма Нисканена. Фактически эта модель просто не отказывает чиновнику ни в чём человеческом.

становится на ноги, не нуждаясь в услугах государства. Таким образом, вне зависимости от субъективных предпочтений чиновников (среди них, безусловно, немало хороших семьянинов) – как класс, они объективно заинтересованы в ослаблении института семейных уз.

Конечно, есть и альтернативный вариант, когда лево-тоталитарный режим как бы заинтересован в прочной, любящей семье. Именно, в тоталитарном обществе естественная любовь и забота о супруге и детях становятся в руках режима инструментом давления на человека. Членов семьи рутинно используют в качестве заложников. Детей используют для повседневного контроля над родителями. Но всё это – лишь следующий этап. Для реализации этого варианта требуется такой уровень контроля и такой масштаб репрессий, о которых современные левые пока боятся даже думать (или мечтать). Заметим, что в СССР сталинская “забота” о семье сменила полный беспредел 20-х гг., когда можно было за один день два раза жениться и развестись. В свете использования семьи как инструмента давления и слежки, далеко не случайно совпадение начала этой “заботы” с ликвидацией НЭПа и первыми открытыми репрессиями (Шахтинское дело 1928 г., процесс Промпартии 1930 г.).

4. Традиционная семья и основы конституционного строя

Как мы уже отмечали в статье о правовой демократии, именно из Священного Писания пришли идеи о неотъемлемости права каждого человека на жизнь, свободу и собственность, об ограничении любой власти. Если важность вышеназванных принципов для функционирования конституционного строя не подлежит, по-видимому, сомнению, то относительно заповеди “не прелюбодействуй” и связанных с ней моральных ценностей Синайского откровения это может быть не так очевидно. Тем не менее следует заметить, что традиционная семья – основанная именно на этих моральных ценностях – служила и служит не только воспроизводству трудоспособного населения, но и поддержанию доверия на микроуровне. Так, большинство

бизнесов стартует как семейные. Даже в странах, пораженных кризисом института семьи (напр., в России), практика регистрации активов на жену является общеизвестной и широко распространенной. В этом смысле семья обеспечивает поддержание и передачу следующим поколениям базовых норм морали и простейших навыков личного и экономического взаимодействия. Тем самым она создает и внешний эффект на макроуровне: например, облегчение принятия законодательства, соответствующего основам морали и здравого смысла. Таким образом, именно семья создаёт фундамент для общества, основанного на законе и морали (Rule of Law), поощряет цивилизованное кооперативное поведение, поддерживает рыночную экономику и, соответственно, способствует экономическому росту.

Семья, как свободный союз свободных (т.е. независимых и ответственных) людей – явление исторически новое и до последних веков сравнительно редкое (вспомним хотя бы о праве первой брачной ночи). Для возникновения и существования институту семьи требуется то же, что и для свободной экономической деятельности: гражданская ответственность и защита жизни, свободы, достоинства и собственности граждан (плюс, разумеется, невмешательство государства во внутрисемейные отношения и вообще в отношения между мужчиной и женщиной). Такая семья на протяжении многих веков являлась разительным исключением из общего языческого правила: сильнейший получает все лучшее – землю, скот, золото, самых красивых женщин. Получает просто по праву сильнейшего, в чьей власти жизнь и свобода каждого на всей подконтрольной ему территории. Именно поэтому, например, библейская красавица Сара была объектом притязаний со стороны царей, уверенных в своем праве на нее – в праве сильнейшего мужчины на самую красивую женщину. Лишь прямое вмешательство Того, чьи силовые возможности далеко превосходят возможности всех царей всех времен и народов, обеспечивало исключение из правил. Самая красивая женщина досталась самому достойному, по мнению Творца, мужчине. И осуществилось это вмешательство в немалой степени именно потому, что Авраам и Сара, будучи независимыми и ответственными личностями, были убеждены в справедливости

ности своих прав друг на друга и имели “твёрдую уверенность в покровительстве Божественного Провидения”.⁷ В отличие от подавляющего большинства их современников, жителей Египта и Газы, уверенных в том, что лишь царю подобает такая женщина, а не Аврааму и уж никак не им самим – игрушкам в руках царя, а не подданным Творца.

Семья – союз свободных людей. Однако если понимать равенство как полную симметрию (а не как равенство перед Законом), то свобода не только не означает равенства, но и строго говоря противоречит ему. В силу даже чисто биологических различий семья не может быть “симметричным контрактом”.⁸ В этом смысле претензии авторов к нынешней феминистической тенденции вовсе не в том, что права супругов асимметричны. А в том, что эта тенденция противоречит надёжной, апробированной морали – и несправедлива прежде всего именно поэтому. Как мы покажем в дальнейшем, феминистическая модель асимметрии неэффективна, подрывает стимулы к сотрудничеству и к эффективной работе, угрожает правам собственности и самому существованию общества. А вот семьи библейских праведников представляют примеры асимметричного брака, где ответственность каждого из супругов высока, но при этом ни один из них не стремится к равенству прав и обязанностей. Соответственно вся ответственность полностью ложится в этих библейских сюжетах на плечи патриархов – отцов семейств.⁹

⁷ см. Декларация независимости США

<http://www.archives.gov/national-archives-experience/charters/declaration.html>

⁸ Ярые феминистки-атеистки вовсе не возмущаются тем, что редкие отцы, воспитывающие после развода своих детей, практически никогда не получают алиментов от бывших супруг. Тем самым все или почти все невольно согласны с неравенством: мужчина так же должен работать в поте лица, как и женщина должна рожать в муках (вспомним проклятия, которые получили Адам и Ева).

⁹ Так в столь любимом антирелигиозной пропагандой эпизоде благословения Якова Ицхаком (когда Яков получает благословение, обманув отца), Ривка, жена Ицхака, отстаивает интересы Якова потому, что получила (в отличие от супруга) соответствующее пророчество. Пророчество о том, что только один из двух сыновей (и понятно, какой) должен унаследовать миссию мужа. Но при этом ей и в голову не приходит просто САМОЙ благословить Якова. Она понимает, что это исключительно прерогатива мужа, который представляет ВСЮ семью перед Всевышним и может призвать как благословение, так и проклятие.

Говоря о патриархально-ветхозаветной семье, мы не можем обойти молчанием вопрос о полигамии. В современном западном обществе многожёнство рассматривается как варварский пережиток, но мы позволим себе усомниться в подобном подходе. Действительно, в современном мире те общества, которые практикуют полигамию, вряд ли могут быть охарактеризованы как образцы законности и защиты прав личности. Но с другой стороны нельзя игнорировать тот факт, что среди желающих вступить в брак больше женщин, чем мужчин (по крайней мере, в Израиле).¹⁰ Таким образом, у “лишней” женщины есть только два способа выйти замуж, и в обоих случаях она будет второй женой: вместе с первой женой мужа (полигамия) или после его развода (как сейчас). В случае полигамии выбор для второй жены намного шире. В частности, она сможет стать единственной женой безответственного и ленивого человека, либо второй женой ответственного и трудолюбивого. С экономической точки зрения представляется также разумным предположить, что разрешение многоженства предотвратит часть разводов, инициированных мужем. Более детальный разбор этой проблемы, включая её морально-этическую сторону (впрочем, не кажущуюся столь уж запутанной на фоне нынешнего беспредела), выходит за рамки данной статьи. Но отметим, что в современном Израиле ряд ортодоксальных раввинов (р. Дов Штейн и другие) выступают за возвращение института полигамии.¹¹

¹⁰ Этот хорошо известный факт противоречит в некотором смысле простой интуиции, т.к. до возраста 35-40 лет общее число женщин *меньше* общего числа мужчин, и лишь затем становится больше (в связи с большей продолжительностью жизни у женщин). Мы не будем анализировать здесь это явление. Частичное объяснение приводится ниже в разделе 6.2.

¹¹ См., напр., <http://jewishhome.net> (на иврите) и <http://www.JewishPolygamy.blogspot.com> (на английском)

5. Последствия сексуальной революции

Качество семейных отношений может широко варьироваться. Это очевидно для каждого обладающего определенным жизненным опытом человека (даже если это современный ученый, знакомый с идеей равноправия естественных и извращенных форм личной жизни). Крайне затруднительно измерить это качество количественно, однако провести несколько оценок на уровне “лучше-хуже” представляется вполне реальным.

Рассмотрим для начала пример “высококачественной” семьи, которая многим сегодня кажется “редким благом”. Такая семья основана на взаимной любви супругов. Здесь также можно упомянуть готовность вкладывать силы и средства в воспитание детей.

Другой важнейшей основой является взаимное уважение супругов. Иными словами, оценка супруга как надежного партнера, готовность принимать, поддерживать или, как минимум, учитывать точку зрения партнера. Готовность нести издержки для достижения компромисса. Любовь и уважение обуславливают очень высокий уровень доверия и эффективности функционирования такой семьи.

Рассмотрим теперь семью с одной маленькой, но распространённой проблемой – большим добрачным сексуальным опытом обоих супругов. Такой опыт вызывает обоснованные подозрения сторон в том, что любой из супругов является постоянным объектом для сравнений, причем не обязательно лестных. При этом вполне разумно и допущение, что привычка супруга к смене партнера может оказаться не до конца изжитой. Подобное допущение (ожидание?) также не повышает оценки супругов в глазах друг друга. Оценки ожидаемых рисков оказываются существенно повышенными, а уровни взаимного уважения и доверия пониженными. Прочность такой семьи будет, соответственно, ниже. В частности, исследователи из университета Айова (США) показали на данных специального общенационального социологического обследования женщин когда-либо

состоявших в браке, что риск развода значимо выше у женщин с ранним “сексуальным дебютом”.¹²

В случае установления факта супружеской измены той или другой стороной, семья (и даже определенный уровень позитивного отношения) может сохраниться и в дальнейшем. Однако вряд ли можно сохранить в такой ситуации доверие и уважение друг к другу на сколько-нибудь высоком уровне. Если же изменяет жена, появляется дополнительная сложность: сомнение в отцовстве детей (особенно если генетическая проверка отцовства запрещена законом, как в современной Германии).¹³ Уровень взаимного доверия подрывается при этом катастрофически.

В случае семьи с неопределенным отцом, враждой между супругами или просто отсутствием отца, ребенок – в большинстве случаев – наследует негативный опыт. Соответственно, никакие моральные нормы и никакие модели поведения, поддерживающие доверие, такой семьей не воспроизводятся. Факт повышенного риска развала семьи, в которой один из супругов – ребенок из неполной семьи, давно известен. В последние десятилетия этот факт предлагается считать несущественным по соображениям политической корректности (ведь он подрывает аксиому об альтернативной нормальности неполной семьи). Однако даже сейчас появляются исследования, подтверждающие очевидное. Так, по данным голландских исследователей развод родителей увеличивает вероятность развода детей на 27%.¹⁴ Есть все основания не считать эти данные завышенными: ведь в Голландии сомнения в преимуществах семьи без отца мягко говоря не приветствуются господствующими в академическом сообществе левыми экстремистами. Следовательно, факт публикации выводов такого рода свидетельствует о том, что они надёжно

¹² A. Paik et al. Adolescent Sexuality and the Risk of Marital Dissolution. *J. Marriage and Family* 73 (2011) 472–485.

¹³ К. Яновский и др. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления. М.: ИЭПП, “Научные труды” № 112, 2008. ISBN 978-5-93255-246-9, стр. 45-46, 76-77. http://www.iepp.ru/files/text/working_papers/112.pdf

¹⁴ M. Kalmijn, P.M. de Graaf & A.R. Poortman. “Interactions between cultural and economic determinants of divorce in The Netherlands.” *J. Marriage and Family* 66 (2004) 75-89.

аргументированы. Опыт детских домов России также показывает, что десятки бывших подопечных спустя короткое время после вступления в брак бросают свои семьи и детей. При этом они спокойно ссылаются на опыт своих родителей, аргументируя отсутствие моральных обязательств в отношении собственных детей тем, что в отношении их самих таковые не были выполнены.¹⁵

6. Попытки решения социальных проблем государством

6.1 Немного об историческом опыте: XIX век

Быстрая урбанизация в середине-конце XIX века уже приводила к кризису семьи (ныне уже порядком подзабытому) со многими знакомыми нам атрибутами: падением нравов, ослаблением семейных связей, проблемой брошенных стариков и т.п. Тогда кризис проявлялся в семьях, слабых во всех отношениях. Настолько морально слабым, что отрыв от привычного общественного контроля (соседей, религиозной общины) приводил к быстрой и заметной деморализации: проблема бедности, по признанию тогдашних социологов, в огромной степени объяснялась пьянством, азартными играми и тратой денег на проституток.

Журналисты и социологи пропагандировали уже тогда необходимость принятия государственных мер для решения частных проблем. Идея, естественно, понравилась тем, кто впоследствии начал руководить программами социальной защиты.

Первыми шагами стало введение пенсий (коль скоро в проблемных семьях дети далеко не всегда спешили помогать пожилым родителям). И хотя в большинстве семей дети продолжали заботиться о родителях, государства Европы (сначала в Германии, потом во Франции и в Англии) начали

¹⁵ С.М.Кульянов, президент фонда “Приют детства”. Интервью М.Яновскому, 10 февраля 2007 г, не опубликовано.

реализацию программ, высокопарно именуемых современными левыми “социальной солидарностью”. То есть младшие, трудоспособные поколения, платя все больше налогов, тем самым проявляют принудительную солидарность со старшими, уже нетрудоспособными.

Милтон Фридман, крупнейший экономист XX века, писал:

*“...Подобное перераспределение происходило на протяжении всей человеческой истории: дети оказывали поддержку своим престарелым родителям.¹⁶ Действительно во многих бедных странах с высоким уровнем детской смертности... стремление обеспечить себя потомством, которое будет служить опорой в старости, является основной причиной высокого уровня рождаемости ... Моральная ответственность – это личное дело каждого, а не общественное. Дети помогали своим родителям, руководствуясь чувством любви и долга. Теперь они делают взносы, чтобы оказать поддержку чужим родителям под принуждением или из чувства страха. Прежнее добровольное перераспределение укрепляло семейные узы, нынешнее принудительное перераспределение ослабляет их”.*¹⁷

Таким образом, шаг в направлении подрыва стимулов к деторождению был сделан уже более ста лет назад.

¹⁶ Отметим, что добровольное перераспределение средств от детей к престарелым родителям характеризует цивилизованное общество. В период “золотого века” первобытной свободы родителей зачастую попросту убивали, чтобы не кормить их. У эскимосов практика оставления стариков на смерть от голода и холода при перекочёвке племени существовала до самого последнего времени. См. напр. энциклопедию “Брокгауз и Эфрон” – “Убийство стариков и детей” <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia-dictionary/103/103830.htm>

¹⁷ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. М.: Фонд “Либеральная миссия”, 2007; стр. 125. Оригинал: M. Friedman and R. Friedman. Free to Choose, 1980.

6.2 Ещё об историческом опыте: XX век

Как показывает анализ,¹⁸ в большинстве промышленно развитых стран конец 60-х – середина 70-х годов XX века стали как периодом экспансии государства в сфере семейного права, так и годами усиления негативных социально-демографических тенденций (спад рождаемости и рост доли распадающихся браков). Это совпадение заставляет задуматься о том, какова связь новых правил регулирования семейной жизни с последними волнами спада рождаемости и роста нестабильности семейных уз. Мы рассмотрим вкратце влияние на семью и деторождение трёх направлений государственной политики: защиты прав женщины при разводе, защиты женщин и детей от семейного насилия, а также пособий на детей.

6.2.1. Защита прав женщины при разводе

Как уже отмечалось, экономические факторы влияют и на семейные отношения. Поэтому, например, если при фиксированных государством финансовых обязательствах, мужчинам предлагается роль “родителя второго сорта” – вместо традиционной роли главы семьи – естественной реакцией мужчины будет, в ряде случаев, уклонение от брака. Ведь благо от наличия законной жены и детей-наследников искусственно обесценено государством (в первую очередь принудительными пенсионными программами). А *цена*, уплачиваемая при неудачной попытке создать семью, остается высокой.¹⁹ Государство сделало почти всё, чтобы любая женщина в случае развода могла оставить бывшего мужа без детей, зато с алиментами (такая “правоохранительная” практика фактически *подстрекает* жену против мужа, гарантируя ей поддержку в любом будущем конфликте). И поскольку далеко не все в наше время женятся в состоянии эйфории, всё больше женщин остаются одиночками.

¹⁸ К. Яновский и др. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе (2008), Гл. 3.

¹⁹ Вероятность развода порядка 33% в Израиле и 50-60% в других развитых странах с подобным правовым режимом

6.2.2. Защита женщин и детей от семейного насилия

Война государства как бы в защиту детей от семейного насилия, в сочетании с *подстрекательством* детей против родителей (в т.ч. уроки, на которых детей учат, в каких ситуациях и как “стучать” на родителей в полицию), создает сильные стимулы *против* деторождения. Не случайно в США наблюдается значимая корреляция между увеличением численности государственных “защитников детей” и снижением рождаемости.²⁰ При этом принцип презумпции невиновности, формально никем не отменённый, фактически игнорируется (как, впрочем, и в делах о сексуальных домогательствах и об изнасилованиях). Мотивируется это тем, что если исходить из презумпции невиновности, в таких делах реально доказать ничего нельзя. О том, что в таком случае судебно-правовой системе объективно делать нечего, предпочитают не думать – ведь женщину и ребёнка надо “защитить”, цель оправдывает средства. А любое применение родителями силы, правоохранительные органы склонны трактовать как насилие – разница между шлепком по попе и зверским избиением размывается. Дети, как это ни ужасно, объективно становятся серьёзным фактором административного риска для родителей. Ведь ребёнку иногда достаточно брякнуть приятелю (пусть даже для красного словца), что ему преподали урок – и родители окажутся в КПЗ. В борьбе с семейным насилием поощряется и взаимное доносительство. Как сказал один полицейский следователь в частном разговоре, согласно принятой в Израиле интерпретации закона, человек обязан донести в полицию или в социальную службу про любой(!) детский крик, донёсшийся из соседского окна. Слава Богу, реальная практика далека от этих кафкианских норм, но соседей всё-таки приходится опасаться.

Также необходимо отметить, что под аккомпанемент риторики о защите прав детей, фактически речь идет об их национализации (идея, впрочем, далеко не новая, предложенная ещё Платоном). К примеру, Европейский суд по правам человека

²⁰ К. Яновский и др. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе (2008), стр. 58-62

постановил, что у государства есть приоритет перед родителями в определении того, что является благом для ребенка при получении образования.²¹ Как мы уже отмечали, до полной национализации ещё далеко, но сама тенденция пугает.

6.2.3. Пособия на детей

Многочисленные попытки стимулировать рождаемость пособиями на детей в последние полвека провалились. В неполных семьях дети всё чаще просто не рождаются. Пособия и льготы матерям-одиночкам отчасти компенсируют женщине отсутствие мужской поддержки – но не настолько, чтобы рожать без мужа второго-третьего ребенка. Такое возможно, как правило, только в полной семье. Значит, только устойчивое большинство стабильных полных семей обеспечивает естественное воспроизводство населения.

Пособия породили новый “бизнес” в семьях, которые трудно отнести к лояльному законопослушному населению. Простые примеры показывают, что пособия (от ООН и от правительства Израиля, например) могут весьма эффективно увеличивать рождаемость среди таких групп беднейшего населения, которые в принципе не вкладывают сил и средств в развитие своих детей.²² В таких условиях деторождение становится выгодным бизнесом, т.к. дает возможность родителям жить, присваивая большую часть средств, предназначенных детям.

Очевидно, что в семьях, в которых родители серьезно занимаются детьми (воспитание, обучение, лечение), никакой разумный размер пособия не в состоянии компенсировать издержки родителей. А это значит, что решение рожать или не рожать связано с культурной, религиозной и ценностной мотивациями. В таких семьях пособия лишь способствовали переносу сроков запланированных рождений на более ранние

²¹ Application no. 35504/03 by Fritz Konrad and others against Germany, 11 September 2006

²² Яновский и др. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе (2008), раздел 4.2

(подобный перенос сроков замедляет темпы сокращения населения, но не меняет тенденцию).²³

6.3 Израиль: семья под угрозой

Главная черта, объединяющая Израиль со странами с “естественной” убылью населения, – экспансия полномочий социальных служб и полиции в частную жизнь под предлогом защиты детей. В этой сфере гарантии личных прав и частной жизни (да и сам принцип презумпции невиновности) зачастую грубо игнорируются государством, полагающим что “цель оправдывает средства”.

В нашей стране болезнь пока не дошла до того же уровня остроты, как в европейских странах и в России, где население по-видимому будет ещё долго таять даже в случае быстрого изменения политики с реально проводящейся на идеальную. Израиль – это одна из немногих индустриальных стран, в которой рождаемость даже среди лояльного законопослушного населения превышает смертность. Более того, в последние десять лет этот показатель даже растёт. Однако есть целый ряд признаков, предвещающих возможный перелом этой позитивной тенденции в худшую сторону: рост числа разводов, снижение доли людей, живущих в браке, “старение” на момент вступления в брак. И это самое время присмотреться к провальному опыту “передовых” в этом отношении стран, остановить сползание в пропасть и выбрать более разумный маршрут.

²³ см. напр. результаты исследования, проведённого в Австралии: Leonora Risse "Does Maternity Leave Encourage Higher Birth Rates? An Analysis of the Australian Labour Force", <http://www.business.curtin.edu.au/files/210risse.pdf>

7. Заключение: что делать?

Кризис института семьи имеет не только демографические, но и тяжёлые экономические и политические последствия. Кризис семьи ведет к размыванию важной компоненты человеческих взаимоотношений – способности людей к кооперации в рамках договоров, экономической и политической конкуренции, политических компромиссов. Он обуславливает недопоставку трудоспособного населения и, следовательно, негативно влияет на способность экономики развиваться, а общества – функционировать.

Возможность предотвратить дальнейший развал семьи со всеми сопутствующими последствиями связана с нашей способностью взять ответственность за свои семьи на себя. Для чего в частности необходимо:

- добиться запрета вмешательства государства в наши семейные дела – кроме случаев, подпадающих под классическое уголовное или гражданское право;
- перевести социальные службы в третий сектор (благотворительные неправительственные организации) и в сферу обслуживания.

При этом дети перестанут быть фактором административного риска для родителей. Изменяются стимулы у супругов в семьях как высокого, так и ограниченного достатка. Причем стимулы к сотрудничеству усилятся, а к “войне до победного” ослабеют. Лишенная возможности ограбить мужа, лишит его детей и шантажировать ими, женщина будет относиться к супругу с должным уважением. Равные права на детей обеспечат дополнительные стимулы избегать развода, поскольку не одному, а обоим супругам придется с равной вероятностью обращаться к “бывшей половине” с просьбой позволить встречу с ребенком. Такая перспектива сделает поведение супругов (в т.ч. бывших) более уважительным, а во многих случаях и вовсе предотвратит развод. А люди, действительно способные заботиться о чужих детях, будут и дальше это делать – но только тогда, когда их об этом попросят. Выиграет от этих изменений всё общество.

Остановить наступление государства на нашу частную (уже совсем интимно-частную) территорию необходимо не только и не столько по демографическим, экономическим или политическим соображениям, сколько по соображениям морали. Совершенно нетерпимо подстрекательство государством жён против мужей и детей против родителей, нетерпимо поощрение доноительства среди соседей. Это наступление государства необходимо остановить, даже если бы пришлось заплатить за это немалую цену, а не получить очевидную и значительную прибыль. Ведь под угрозой находится само существование той атмосферы, в которой только и возможна достойная цивилизованного человека жизнь.

II. Формирование ответственной личности

Феномен Лицея

На школьные годы приходится один из самых ответственных периодов в становлении человеческой личности – окончательное формирование образа "Я", то, что в дальнейшем определяет поведение человека в самых разных обстоятельствах и в конечном счете его судьбу. Чем старше становится ребенок, тем большее влияние на его формирование оказывают взаимоотношения со сверстниками и педагогами, общая психологическая атмосфера в школе. Если влияние школьного социального климата противодействует по своей векторной направленности влиянию семьи, возникает борьба за душу ребенка с разными вариантами исхода. Но каков бы ни был окончательный результат, сам процесс борьбы мучителен для ребенка. Если же школьное и семейное воспитание однонаправлены, становление личности происходит с меньшими потерями и менее кризисно, конечный же результат для самого человека и общества определяется содержанием воспитания.

Например, воспитание в типичной советской школе ребенка из семьи убежденного партийного функционера формировало вполне цельную личность, чья дальнейшая самореализация становилась трагедией для окружающих. В то же время либеральный климат в школе для выходца из такой семьи мог стать источником серьезных внутренних конфликтов, ведущих либо к душевному надлому, либо к развитию личности и освобождению ее от исходных ригидных установок. Впрочем, если влияние семьи было доминирующим, то внутренний конфликт подменялся внешним – со сверстниками и учителями, нередко с весьма серьезными последствиями для тех и других.

Какой же психологический климат в школе более всего благоприятствует развитию динамичной и гармоничной личности, ее полной самореализации? Это вопрос отнюдь не академический, и в Израиле, в связи с массовой эмиграцией советских евреев, он стоит сегодня особенно остро. Есть ли преимущества у авторитарной школы, поддерживающей строгую

дисциплину и понуждающей ребенка к обучению санкциями и угрозами, или следует делать выбор в пользу полного раскрепощения ученика, ориентации на его спонтанность и на создание максимально свободной атмосферы, практически отрицающей дисциплину? Советская модель или американо-израильская модель? Надеюсь, никто не упрекнет меня в приверженности Сталину, если в этом споре я использую его формулу, примененную по совершенно другому поводу: "Обе хуже". Потому что в споре о преимуществе той или иной системы ускользает от рассмотрения важнейший компонент, по существу отсутствующий в обеих системах.

Лет десять назад, когда свободные дискуссии о проблеме образования начались в Москве, я задумался о том, какой образ школы и климата в ней был бы для меня самого особенно привлекателен. Прежде всего я вспомнил о собственных школьных годах (но об этом чуть позже), а потом по очень свободной ассоциации – о Царскосельском Лицее, его первых двух выпусках. Как получилось, что Лицей дал так много интересных и выдающихся личностей, повлиявших на судьбу России, ее культуру и политику? Ведь никакого особого отбора будущих учеников не происходило – привезли обычных мальчиков из обычных дворянских семей разного достатка (от весьма обеспеченных, как у Корфа, до почти бедных, как у Кюхельбекера). Вступительный экзамен не был сложным и носил скорее ориентирующий характер, позволяющий педагогам выявить сильные и слабые стороны будущих учеников. Разумеется, уровень преподавания был в целом достаточно высоким, хотя и не очень ровным – но одним только подбором знающих педагогов феномен Лицея не объяснишь. Дети должны еще уметь взять то, что педагоги могут предложить им. А самое главное – обучение как таковое не определяет то развитие личности, которое позволяет полностью использовать и новые знания, и собственный интеллектуальный потенциал, и непрерывно двигаться вперед, будучи в мире с самим собой. А без такого гармоничного движения человек не может достичь тех духовных вершин, с которых только и возможно благотворное воздействие на общество.

Что же определяло успех Лицея? Я пришел к выводу, что главными факторами были интерес и естественное, ненаигранное уважение к ученикам, уважение, выдаваемое как бы авансом, ничем еще вроде бы не заслуженное и не подкрепленное их реальными достижениями. На одиннадцатилетних мальчиков смотрели с самого начала как на надежду России, с ними обращались как с личностями, и они обрели способность благодаря этому уважать себя совершенно независимо от успехов в учебе. Они научились серьезно относиться к своим и чужим интересам, увлечениям и поступкам, ибо видели такое серьезное отношение к себе воспитателей. Нет, они не превратились в маленьких старичков – было достаточно и озорства, и забавных проделок, и взаимных подтруниваний, но когда о них читаешь, очевидно, что за всеми этими мальчишескими выходками стоит признание за собой и другими права на интерес окружающих и уважение. В их шутках, порой весьма острых, не было заведомого намерения унижить, а если они все же оказывались оскорбительными – в обществе подростков это ведь неизбежно – обидчик переживал такой эффект не меньше обиженного и стремился его смягчить. Им не казалось унижительным для себя попросить прощение у другого – именно в силу высокого самоуважения. Именно благодаря чувству собственного достоинства и уверенности в том, что каждый из них интересен, даже своими слабостями, их мальчишеские выходки как правило не переходили границ, за которыми они носили бы унижительный и отталкивающий характер. Но чтобы развиваться в таком направлении, нужно было постоянно ощущать уважительный интерес к себе взрослых, интерес, ограждающий и от авторитарного диктата, и от вседозволенности, ибо за вседозволенностью и в семье, и в школе стоит всегда отсутствие подлинного интереса к ребенку, к его личности и духовному росту. Такой интерес, если он есть, проявляется всегда и во всем, в том числе в жестах, интонациях и характере обращения. Даже рутинное обращение на "ты" или на "Вы" может иметь определенное значение. Я понял это, когда моя десятилетняя дочь сделала следующее обобщение, проучившись год в Америке: "В России уважают взрослых, но не уважают детей (к взрослым обращаются на "Вы", а к детям на "ты"). В Америке уважают и

детей, и взрослых – там нет обращения на "ты". А в Израиле не уважают ни детей, ни взрослых" (нет обращения на "Вы").

Уважительный интерес формирует в ребенке и подростке такой "образ Я", который не позволяет совершать недостойные поступки, даже в критических ситуациях, а если такой поступок, в силу минутной слабости, все же совершается, то он не забывается всю жизнь и делает человека еще более чувствительным к этическим нормам.

В книге Н.Эйдельмана о Лицее я прочитал о неизвестном мне ранее, но очень показательном эпизоде. Сразу вслед за событиями на Сенатской площади, на квартиру к И.Пущину, бывшему лицеисту и активному участнику восстания, приехал другой бывший лицеист – князь Горчаков. Они никогда не были близкими друзьями – только однокашниками. Князь не сочувствовал мятежу, он делал успешную карьеру в Министерстве Иностранных Дел и очень ею дорожил. Спустя много лет, при Александре Втором, самом либеральном из русских царей, он руководил всей внешней политикой России, так что история показала, что у него были основания серьезно относиться к своей карьере. Князь знал, что участников мятежа ищут, и понимал, что если его застанут на квартире у государственного преступника, то карьере, а может быть и свободе, придет конец. И тем не менее он приехал к Пущину с предложением быстро оформить ему заграничный паспорт и помочь бежать – т.е. с вполне криминальным, для государственного чиновника, предложением. Пуштин отказался – его понимание чести не позволяло спастись одному. Но для меня даже интереснее поведение Горчакова: какое самоуважение надо было иметь, чтобы в подобной ситуации не позволить себе уклониться от попытки спасти (с риском для себя) не близкого друга и не единомышленника, а всего лишь бывшего соученика, но про которого он точно знал, что это достойный и благородный человек. Это то, что сделал Лицей, и только благодаря такому уровню самоуважения его выпускники реализовали себя на разных поприщах. Интересно, что этот эпизод, буквально напрашивающийся в учебники истории и литературы, (нам ведь много говорили о Лицее Пушкинского времени, а этот эпизод характеризует Лицей

больше многих других) – в учебники не попал и вообще почти не упоминался. Понятно, что в стране, где национальным героем был Павлик Морозов, история с аристократом князем Горчаковым подрывала все устои воспитания и дискредитировала его основные принципы.

Я не могу считать себя специалистом по атмосфере в израильской школе, но кое-что знаю из рассказов учителей, учеников и их родителей. Дай бог ошибиться, но складывается впечатление, что за фасадом столь восхваляемой "свободной атмосферы" в школе, за снисходительным отношением к раскованности, плавно переходящей в разболтанность, стоит часто дефицит серьезного и уважительного интереса к ученику как к личности. Уважительный интерес подразумевает воспитание ответственности перед собой и другими, без которой человек не в состоянии и к себе относиться с подлинным уважением. А ответственность проявляется, в частности, и в самодисциплине, и в уважении к тем, кто хочет слушать учителя, и в уважении к задачам педагога. Есть еще один феномен, формирующий, с моей точки зрения, безответственность и бьющий по самоуважению. Этот феномен – взаимное доносительство, начинающееся в школе и расцветающее во "взрослых" учреждениях. Во многих школах поощряется донос на каждый поступок товарища, повседневные мелкие конфликты между детьми решаются с привлечением учителя. Можно ли представить себе такое в Лицее? О каком духовном аристократизме можно было бы при этом говорить? Воспитанный в такой атмосфере, князь Горчаков прежде всего поставил бы в известность полицию о местонахождении государственного преступника Пуцина, опасаясь наказания за доноительство (напомним, что в соответствии с политическими симпатиями Горчакова, декабристы и впрямь были для него преступниками). Но боюсь, что воспитанный таким образом князь Горчаков не смог бы отстаивать и национальное достоинство страны будучи в ранге министра иностранных дел, ибо дефицит самоуважения определяет и недостаточное уважение к другим, и к интересам страны, в конечном итоге – примеров таких в истории, в том числе и новейшей, немало. При таком воспитании личностные

поступки, не диктуемые установками социальной среды, оказываются невозможными. Между тем подлинная независимость и способность повлиять на социальный климат определяется только возможностью совершения личностных поступков, за которые человек несет осознанную ответственность и которые невозможны без самоуважения. Привычка к доносительству и передоверию ответственности проходит через всю жизнь, и в критические периоды так воспитанное общество подвергается большой опасности.

...В 1948 г. я поступил в первый класс 110-й московской школы. Нет необходимости напоминать, какая была эпоха. Убили Михоэлса, катилась волна против низкопоклонства перед Западом и против "безродных космополитов" с такими узнаваемыми фамилиями. В учебнике истории для четвертого класса приводилась, как бы с осуждением, цитата из Александра III по поводу погромов: "А я, знаете ли, и сам рад, когда бьют евреев". Конец цитаты, правда, был опущен, как не соответствующий духу времени, а звучал он так: "Но допускать это ни в коем случае нельзя".

Все ученики были строго прикреплены к школам своего микрорайона. Я, однако, ходил в школу минут 20, и многие мои одноклассники тоже жили далеко от школы. Такого исключения из правил добился для своей школы наш директор Иван Кузьмич Новиков, человек с огромным педагогическим опытом, талантом и авторитетом, автор книги, переведенной на многие языки, российский интеллигент, сохранивший способность к личностным поступкам, нередко весьма рискованным. Совсем недавно я узнал, что во время "большого террора" 1937-1938 гг. он приказал учителям не ставить двоек детям из семей репрессированных, а в его знаменитой школе таких было немало.

Демагоги могли бы упрекнуть нашу школу в элитарности: директор набирал классы из детей интеллигентных родителей по всей Москве, с весьма ограниченной прослойкой ребят из "законного" микрорайона. Но это была тогда уникальная возможность спасти этих не очень защищенных ребят от отравленной атмосферы общества. Нам всем невероятно повезло – из-за состава учеников (а в некоторых выпусках бывало до 22

золотых и серебряных медалей) никто не мог считаться в классе лучшим, а самолюбие и общий климат в школе не позволяли отставать. Каждый чувствовал себя личностью и признавал личность в другом. Мы были по-настоящему интересны друг другу и нашим учителям, и самоуважение формировалось в этом климате, не осложненное чувством превосходства. И еще это был заповедник незапуганности. Думаю, достаточно одного примера, в реальность которого сейчас с трудом верится. В пятом классе мы настояли на исключении из пионеров одного из самых способных учеников, С., за проявление антисемитизма! Какова должна была быть атмосфера в школе, чтобы мы, дети из еврейских семей, вскоре после "дела врачей", потребовали исключения из пионеров сильного ученика и вожака и чтобы нас поддержали многие наши русские сверстники. Это было возможно только благодаря высокому самоуважению, а сформировать это чувство у школьников, и особенно у еврейских школьников 1948 г. призыва – была воистину грандиозная задача.

Но история на этом не кончилась. С. покинул школу, и я ничего не знал о нем несколько лет. Вдруг, на втором курсе, выходя из здания института, я увидел его. Он меня ждал. Я был одним из инициаторов его исключения и никаких приятных чувств от встречи не испытал. Он проводил меня до дому и всю дорогу извинялся за прошлое и объяснял, каким дураком был в детстве и как раскаивается. Признаюсь, я не очень ему поверил. Я удивился. Оттепель 1959 г. не была такой уж солнечной и безоблачной, в том числе и в еврейском вопросе, чтобы ожидать, что человек, которого мы 6 лет назад фактически изгнали из школы, вдруг разыщет меня, чтобы извиняться. Что ему надо? – думал я всю дорогу. А через несколько дней позвонил мой старый друг, учившийся в другом институте, столь же решительно требовавший исключения С., и ошеломленно рассказал о такой же беседе с ним. Никакого продолжения не последовало – С. не надо было от нас ничего. Ему надо было от себя совершить акт покаяния и очищения, чтобы иметь право на самоуважение. Он стал видным литературоведом с международным именем, и я смею надеяться, что наш решительный протест против его поведения в детстве, предпринятый в не очень благоприятствующих такому протесту социальных условиях, хотя бы частично

определил духовное развитие этого достойного человека. Но это стало возможно только благодаря климату, формировавшему наше уважение к себе. А климат этот создал наш директор и наши учителя.

Когда в школе создается такой этический климат, у некоторых возникает опасение, а не будут ли дети потом разочарованы и даже деморализованы, убедившись, что общество, в которое они вышли после школы, существует на совсем иных принципах. Не формирует ли этическое воспитание беззащитность перед антиэтическими поступками? На все эти вопросы я отвечаю решительным и ответственным – нет. Есть только одна, если не гарантия, то по крайней мере обоснованная надежда на успешное преодоление жизненных кризисов и на самореализацию в сложных условиях, надежда на стойкость перед лицом бездуховности и беспринципности. Надежда эта основана на формировании личности, уважающей себя и способной к личностным поступкам. Это не десерт – это хлеб, не орнамент, а фундамент. Только человек, принимающий и уважающий себя, способен принимать и уважать других. Только он способен вступить за обиженных во имя справедливости, даже вопреки давлению общества. Только у него чужие достижения вызывают не зависть и ненависть, а восхищение.

Есть холуйская поговорка: "С волками жить – по-волчьи выть". И есть слова Мандельштама:

*"Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей..."*

В памяти человечества остается Мандельштам, а не воюющие по-волчьи.

Преодоление “обученной беспомощности”

(Как и почему еврейская реальность не соответствует нормам психологической науки)

История еврейского народа полна чудес и парадоксов, и самым большим парадоксом и чудом является само его существование. В условиях рассеяния и враждебного окружения, упорного преследования и невозможности дать отпор, когда вся история народа как бы писалась не им, а окружавшими его другими народами, постоянно менявшими редкую и пренебрежительную милость на частый и безудержный гнев, – в этих условиях, по всем правилам психологической науки, следовало ждать развития массовой и индивидуальной обученной беспомощности.

Что представляет собой феномен обученной беспомощности? В эксперименте на животных и в исследованиях на людях обученная беспомощность вырабатывается тогда, когда субъект убеждается, что ситуация, в которой он оказался и которая ни в коей мере его не устраивает, совершенно не зависит от его поведения, от предпринимаемых им усилий эту ситуацию изменить. Например, животное бьют током, куда бы оно ни бросилось и где бы ни искало спасения. Человек же, которого по этическим соображениям в эксперименте, в отличие от жизни, бить, и особенно током, не полагается, получает невыполнимые задания одно за другим. Каждый раз, когда он не может с ними справиться, он выслушивает упрек в недостаточной старательности или удивление по поводу как бы неожиданно выявленной бестолковости и бездарности. Обучение беспомощности считается успешным, если через некоторое время животное и человек примиряются со своей судьбой, пассивно ей покоряются и не пытаются искать выхода не только из этой, действительно безнадежной ситуации, но также и из любой другой. Когда обученная беспомощность сформирована, животное неспособно найти безопасный уголок в камере, который без

труда находит другое животное, не прошедшее обучения. Человек же оказывается не в состоянии справиться с задачами, которые в других условиях решил бы играючи. В том и состоит коварство обученной беспомощности, что она обладает тенденцией к экспансии и распространяется в определенных условиях на те виды деятельности, которые не затрагивались в процессе самого "обучения". Так, человек, который сталкивается с непреодолимыми, искусственно созданными трудностями на службе и в то же время не решается ее покинуть, может через некоторое время обнаружить, что ему не удаются интимные отношения, он не в состоянии решать бытовые проблемы. Никто не может подсчитать, сколько импотентов обязаны своей импотенцией не жене, а начальнику, точно так же, как невозможно учесть, сколько потенциальных карьер рухнуло вследствие хронических личных неудач. Один из авторов концепции обученной беспомощности, профессор Пенсильванского Университета Мартин Селигман полагает, что обученная беспомощность, нарушение связи между поведением и его результатом – причина депрессии. Исследования же на животных показывают, что стойкая обученная беспомощность снижает сопротивляемость организма к различным вредным факторам, способствует развитию разнообразных заболеваний, включая онкологические, и приводит к гибели.

В свете этого подтвержденного многочисленными экспериментами феномена следует, казалось бы, что люди, попадая в объективно безвыходную ситуацию, фатально обречены на депрессию, болезнь и гибель. И если встать на эту точку зрения, то сохранение в веках еврейского народа должно считаться подлинным чудом: на протяжении последних двух тысяч лет, после падения древних царств, евреи как народ были не в состоянии влиять на свою судьбу, а нерешаемых задач на выживание им всегда подбрасывали в достатке – от Вавилона и Рима до Гитлера. Но, по счастью не только для целого народа, но и для каждого его представителя, эти условия отнюдь не фатально ведут к депрессии.

Согласно концепции Селигмана, обученная беспомощность развивается в случае, если человек полагает, что неудачи будут

преследовать его не только в этой конкретной ситуации, но и в любой другой, с которой он столкнется, не только сегодня, но и в будущем. А важнейшим условием такой установки на глобальность и стабильность неудач является уверенность человека, что во всех своих неудачах повинен он сам (его бездарность, глупость, безволие, неумение справиться с трудностями), тогда как успех, если он вдруг приходит, обусловлен случайным удачным стечением обстоятельств или чьей-то помощью. Напротив, устойчивость к обученной беспомощности обусловлена уверенностью, что неудачи случайны и связаны с неблагоприятным стечением конкретных обстоятельств, только здесь и сегодня, а успех определяется собственными качествами человека, его способностью самостоятельно решать трудные задачи. Таким образом, достаточно высокая и устойчивая самооценка, самоуважение к себе как личности – важнейший фактор противодействия обученной беспомощности.

Экспериментальные исследования выявили и другие факторы устойчивости, связанные с прошлым опытом. Если человек на протяжении длительного времени не сталкивается с проблемами, требующими от него серьезных интеллектуальных усилий и изобретательности, если он в 100% случаев и без всякого напряжения решает свои задачи – обученная беспомощность перед лицом трудностей наступает очень быстро (несмотря на положительный, на первый взгляд, предшествующий опыт). Но если человек сталкивается с действительно трудными проблемами, требующими мобилизации его интеллектуальных, моральных и физических сил, и справляется с ними в ряде случаев – его устойчивость к обученной беспомощности растет, особенно если такая тренировка происходит в детстве. Что же при этом тренируется? Согласно моим представлениям, тренируется и развивается при этом способность к поисковому поведению, поисковой активности – активности, направленной на изменение ситуации, при отсутствии стопроцентного прогноза результатов собственной деятельности, но при постоянном учете уже достигнутых результатов. Важно подчеркнуть, что именно поисковая активность как процесс, даже независимо от прагматического результата, повышает сопротивляемость организма и к болезням, и к обученной беспомощности, которая

представляет собой отказ от поиска. Понятно, почему неизменные и легкие удачи снижают устойчивость к обученной беспомощности – ведь при этом формируется 100%-й положительный прогноз, отпадает необходимость в поисковой активности, и она детренируется. Понятно также, почему постоянные поражения, преследующие с раннего детства, способствуют обученной беспомощности – при этом формируется неизменный отрицательный прогноз и обесценивается поисковая активность. Напротив, чередование побед и поражений, как это обычно происходит в жизни, формирует неопределенный прогноз и ощущение зависимости результатов от собственных усилий, что способствует тренировке поисковой активности и "иммунизирует" к обученной беспомощности. При этом важно помнить, что поисковая активность, так же как отказ от поиска (обученная беспомощность), имеет экспансивную тенденцию к распространению с одного вида деятельности на другой: заряд поисковой активности, полученный в процессе творчества, во время решения сложных интеллектуальных задач, способствует сопротивляемости в трудных житейских ситуациях или в условиях эмоциональных конфликтов, ибо неважно, что именно поддерживает "огонь в очаге", т. е. поисковую активность; важно только, чтобы он не угасал. И, напомним, уважение к себе как к личности – важнейшее условие этого, ибо поиск требует постоянной мобилизации веры в собственные силы и возможность преодоления, вопреки отсутствию однозначного прогноза.

Есть еще один очень важный аспект проблемы. Поисковая активность успешнее стимулируется задачами, не имеющими однозначного решения, а не задачами, ответ на которые полностью предопределен исходными условиями. Чем более "открыта" задача, чем ближе она к творческой и чем дальше от однозначной формальной логики, тем важнее для ее решения поисковая активность. Согласно нашей концепции, когда возможности поиска в реальной деятельности исчерпаны, когда формируются неразрешимые конфликты и "свет сходится клином", потому что один подход к проблеме однозначно исключает другой – тогда условия для активного поиска сохраняются в сновидении, где все образы многозначны и

притяжение и отталкивание могут причудливо сочетаться. Несовместимые позиции парадоксальным образом совмещаются в сновидениях, открывая новые возможности для поиска.

Рассмотрим с этих позиций условия религиозного обучения и воспитания в рамках иудаизма. Прежде всего, оно характеризуется стимуляцией интеллектуальной активности с самого раннего детства. Талмуд, изучаемый в религиозной школе, – это не свод истин в последней инстанции, не догма, а столкновение различных трактовок противоположных взглядов на одни и те же события. Лучше всего суть изучения Талмуда выражена в анекдоте-притче:

К одному ученому еврею пришел однажды нееврей и сказал, что он хочет изучать Талмуд. Еврей ответил: "Талмуд еврейские дети начинают учить с детства". "Но я тоже хочу попробовать, неужели я умею думать хуже, чем еврейские дети?" – сказал этот человек. "Хорошо. Попробуй ответить мне на несколько вопросов. Первый вопрос такой: два еврея провалились в печную трубу. Один вылез грязный, а другой чистый. Кто пойдет умываться?" – "Разумеется, грязный". – "Неправильно. Грязный посмотрит на чистого, подумает, что он такой же чистый, и мыться не пойдет. А чистый посмотрит на грязного, как в зеркало, ужаснется и побежит мыться. Теперь второй вопрос. Два еврея провалились в печную трубу, один вылез грязный, а другой чистый. Кто пойдет умываться?" – "Но я уже знаю этот вопрос: разумеется, чистый". "Неверно. Слова могут быть одинаковые, но вопросы разные. Мыться пойдет грязный. Ибо чистый взглянет на грязного и подумает: "Неужели я так грязен?", посмотрит на себя в зеркале и убедится в обратном. А грязный посмотрит на чистого, не поверит, что он так же чист после трубы, взглянет в зеркало и пойдет мыться. Теперь третий вопрос: два еврея провалились в печную трубу, один вылез грязным, а другой чистым. Кто пойдет умываться?" – "Грязный?" – "Неверно". – "Чистый?" – "Неверно". – "А что же верно?" – А здесь все неверно. Ведь не может быть, чтобы два еврея провалились в печную трубу и один вылез грязным, а другой чистым".

Этот анекдот иллюстрирует принципы воспитания и обучения в иудаизме. В противоположность не только другим религи-

ям, но и западно-ориентированному светскому обучению, у еврейских детей на протяжении столетий формировался антидогматический подход к самым сложным вопросам бытия и человеческих отношений. Перед маленьким ребенком разворачивались альтернативные объяснения фундаментальных основ, закрепленные в различных, часто противоречащих друг другу комментариях Талмуда, и ребенку предлагалось найти собственную позицию в процессе сравнения и обсуждения. Потенциально любой ученик становился как бы соавтором комментария. Он не получал в готовом виде "истину в последней инстанции" (как это сегодня, к сожалению, зачастую происходит не только в школе, но и в университетах) – он сам шел к этой истине, постепенно осознавая по дороге, что она не конечна и не единственна. То, что только сейчас на Западе начинает осознаваться как краеугольный камень творческого мышления, подспудно входило в систему ежедневного обучения в маленьких ешивах, разбросанных по сотням местечек. Подчеркивание необходимости поиска собственного, нерегламентированного пути к истине, признание неизбежности и оправданности ошибок и заблуждений на этом пути устранило страх перед ошибками и перед поиском, расковывало человека, давало ему чувство сопричастности великим мудрецам и учителям. Атмосфера "мозгового штурма" в миниатюре – вот что достигается таким обсуждением комментариев к Талмуду. Требование активного соучастия в строительстве собственной личности поднимает ребенка в собственных глазах и побуждает его к поиску. А когда он убеждается, что противоречащие друг другу трактовки не отрицают, а дополняют друг друга; что есть правда за каждым подходом; что только в арифметике дважды два всегда равно четырем, а в человеческом поведении и в отношениях между людьми одинаковые, на первый взгляд, посылки могут вести к разным результатам, – когда ребенок сталкивается со всей этой сложной диалектикой (которая в детстве, впрочем, воспринимается легче, ибо она естественна, а логическая несовместимость, напротив, искусственна), – именно тогда ребенок приобщается к многозначности, без которой нет ни творчества, ни снов, ни условий для поиска.

"Талмудизм" и парадоксальность мышления – это то, что определило величайшие открытия в этом веке в психологии и в

естественных науках: психоанализ, ориентированный на анализ того, что лежит вне сознания и принципиально противостоит сознательному анализу; бернштейновско-винеровская кибернетика, объясняющая, как недостижимая еще цель определяет движение к ней; теория стресса, обнаруживающая сходный механизм в совершенно различных явлениях; теория относительности и принцип дополнительности, не без оснований удостоенные названия "еврейской физики".

Потенциал поисковой активности и интеллектуальной энергии, высвобождаемый правильно понимаемым традиционным еврейским обучением, еще ждет своей оценки. Предстоит понять, почему еврейский стиль мышления и готовность к поиску оказали гораздо большее влияние на развитие культуры и науки в Европе и Америке в конце XIX и в XX столетии, чем, может быть, в самом Израиле. Не сказалась ли на этом некоторая тенденция к "отрыву от галутных поколений евреев" – тенденция компенсаторная, но оттого еще более мощная? А может быть, Израиль, превратившись из духовного начала, каким он был в странах рассеяния, в материальную государственную силу, что-то утратил из своего традиционного уважения к интеллекту и духу? В широких слоях общества поменялась система ценностей, и уже трудно себе представить, что удачливый коммерсант сочтет за честь выдать дочь свою за нищего, но талантливого студента, как это случалось в прошлом. Если такая тенденция в недооценке интеллекта и духа существует, она гораздо опаснее арабского окружения и неизбежно должна выхолащивать само религиозное воспитание, сводя его к догматическому. Ведь в конечном итоге все определяется системами ценностей. Вернемся однако к основной теме статьи.

Итак, несоответствие еврейской реальности нормам психологической науки, отсутствие обученной беспомощности, к развитию которой так предрасполагала вся жизнь в галуте, – может быть объяснено особенностями религиозного обучения и воспитания, формирующими стиль мышления на протяжении поколений. Не забудем и о том, что в иудаизме человек – не только "раб Божий", но и партнер и собеседник Бога в процессе собственного развития и самостановления. Конечная цель его –

не слепое следование раз и навсегда определенным догмам, а максимальное раскрытие своих возможностей, самореализация в духовной и интеллектуальной сфере и тем самым – приближение к Богу. Человек сам несет ответственность за степень своей самореализации. Такое отношение неизбежно повышает самоуважение человека к себе. Вспомним, что самоуважение – условие сохранения поисковой активности. Никакое униженное положение, навязанное обстоятельствами, не в состоянии подавить уважения к личности и глубокого самоуважения того, кто с детства воспринял себя ответственным партнером Бога. Не отсюда ли частично и та "жестоковыйность", по выражению Торы, которая заставляла предпочесть костер инквизиции отречению и возвращала народ к оружию после каждого военного поражения. Чтобы вести борьбу, которая представляется безнадежной, нужно обладать высоким самоуважением, нужно, чтобы точка отсчета деяний была внутри, а не вовне. Эта позиция отличала аристократов времен Великой Французской революции и евреев – на всём протяжении их истории. Уважение к себе как к микрокосмосу, сопоставимому с макрокосмосом, понижало еврейскую философию и входило в кровь и плоть даже тех евреев, кто не чувствовал прямой связи с религией. Известна история, напоминающая притчу. Еврейские интеллектуалы, бежавшие в 30-х годах из Германии в Палестину и вынужденные стать каменщиками на строительстве, не позволяли обращаться к себе иначе как "господин профессор". На другое обращение они просто не реагировали. Это ощущение за собой права оставаться "господином профессором", сохранение достоинства является первостепенным условием преодоления трудностей. Боюсь, что в последующих волнах алии было уже гораздо больше людей, чье самовосприятие напрямую зависело от внешних условий – а из-за этого и сами условия изменить стало значительно труднее.

Широко известно, что вскоре после революции 1917 года евреи в России заняли ключевые, непропорциональные их численности, позиции в социальной, научной и художественной жизни страны, оказавшись более конкурентоспособными, чем представители других наций. Соблазнительно объяснить это более высокой одаренностью, но есть альтернативное и более

правдоподобное объяснение. Уровень поисковой активности, обусловленный воспитанием и обучением, гибкость мышления, отшлифованная Талмудом, и традиционное уважение к Книге и образованию, сыграли свою роль. Но, как бы по системе отрицательной обратной связи, чем больших интеллектуальных успехов достигали евреи, тем дальше отходили они от религиозных первоисточников. С точки зрения развития и формирования всех вышеотмеченных факторов стрессоустойчивости – поисковой активности, многозначности мышления и самоуважения – этот отход от традиционного воспитания не был бы бедой, если бы имелся адекватный его заменитель, действующий с раннего детства. Но такого заменителя не было. Напротив, еврейские дети, как и все прочие, обучались в школе тоталитарного строя, с ее установкой на развитие однозначного мышления, на подавление поиска и на девальвацию личности. Разумеется, очаг, горевший на протяжении многих предшествовавших веков, не мог угаснуть сразу и бесследно, он тлел в семьях и подогревал протест. Обученная беспомощность труднее формировалась у евреев, чем у остальных народов. Не объясняется ли вековая ненависть тоталитарных режимов к евреям тем, что они в силу их воспитания всего устойчивей к обученной беспомощности, без которой тоталитарный режим обречен? Однако без постоянной тренировки поисковая активность угасает, и не в этом ли отчасти причина того, что в последних волнах алии так много людей, не способных противостоять обученной беспомощности? Советские евреи в массе своей нерелигиозны. Выросшие в условиях повседневного идеологического давления, они чрезвычайно чувствительны к любым попыткам такого давления. Лобовая религиозная агитация, да еще в условиях Израиля, где религия не отделена от государства, вызывает у многих психологически оправданное чувство протеста. В то же время большинство евреев интересуется особенностями еврейской психологии, проблемами стрессоустойчивости и т. д. Мне кажется, что анализ роли, которую сыграла религия в развитии еврейской психологии и мышления и в преодолении обученной беспомощности, поможет нам обратить внимание на те аспекты религиозного воспитания, которые будут интересны и привлекательны для представителей новой алии.

Давно уже было сказано, что мы сохранились как народ благодаря Книге. Настоящий анализ показывает, что мы должны благодарить Книгу даже и за физическое выживание – ибо из-за нее мы не сломались под ударами судьбы и сохранили поисковую активность, которую сегодня можем направить на создание процветающей страны.

III. Люди и политика: Израильский опыт

Территории в обмен на власть

Соглашения в Осло являются одной из загадок политической жизни нашего времени. Хотя они выражают давно известное стремление влиятельных общественно-политических сил отказаться от достижений Шестидневной войны, я не знаю ни одной попытки их авторов или сторонников объяснить их главную особенность: необратимые и крайние, то есть не оставляющие возможность маневрирования, уступки, сделанные противнику (или партнеру), еще до начала переговоров по основным вопросам.

Критики соглашения в своих диагнозах обычно колеблются от обвинения в государственной измене и преступной халатности до детски-наивных представлений о дипломатии, международных отношениях и сути ближневосточного конфликта в целом и даже помрачении рассудка. В отличие от них я считаю, что “в этом безумии есть своя система”, и ключевой формулой для понимания (может быть, не вполне сознательной) логики этих уступок должно быть: “Территории в обмен на власть”.

Мир уже не раз был свидетелем того, как вполне искренние, а некоторые не вполне искренние, борцы за мир, свободу, равенство и братство, устанавливали свою диктатуру, как средство достижения прекрасных и возвышенных целей. Потом же оказывалось, что эта диктатура является единственным результатом, к которому пришел процесс, а о первоначальных целях говорить уже некому, не с кем и негде.

Для большой и влиятельной общественной группы, которую сегодня называют левыми, власть, полученная в результате победы на выборах, не кажется достаточной. Она всегда считала естественным для себя полный контроль над всеми сторонами жизни общества, а выборы не более, чем внешней церемонией, дающей возможность повесить вывеску “демократия”, необходимую в сообществе западных государств, поскольку в среду восточно-европейских партokratий – советских сателлитов, их по различным причинам в свое время не приняли.

И сегодня они относятся к государству и стране как к своей семейной собственности, а к гражданам государства как к подданным, как к пешкам в своих политических играх. Вспомним, хотя бы, Переса, заявившего: “Мы (то есть, наша партия) послали поселенцев на территории – мы же их оттуда и уберем”. Или выражение Рабина, которое охотно повторяют и сегодня, – “недвижимое имущество”, по отношению к землям Эрец Израэль.

Ни для кого не является секретом, что человек, не выражающий достаточно левые взгляды (содержание этого понятия меняется во времени), не может сделать карьеру и занять пост, связанный с принятием решений в таких областях, как государственная прокуратура, министерство иностранных дел, многие области гуманитарных наук, особенно связанные с исследованиями актуальных общественно-политических проблем, в службе безопасности, армии, я уж не говорю о средствах массовой информации, в том числе существующих на деньги налогоплательщиков, всех, а не только левых.

Тот факт, что почти все, вышедшие в отставку высшие военные или ведущие журналисты придерживаются левых взглядов можно объяснить двумя способами. Первый: среди остальных просто нет талантливых интеллигентных людей, способных эффективно функционировать в общественно-политической сфере. Другой же состоит в том, что существует негласная, неформальная, но чрезвычайно эффективная система дискриминации, запрета на профессии по политическим причинам. Я предоставляю читателю или слушателю решить, какая из причин более верная. Очень показательна в этом смысле формула Бен-Гуриона – “власть без Херута и без коммунистов”. Здесь основатель Израильского государства и самый большой антидемократ в израильской политике четко поставил на одну доску откровенных врагов сионистской идеи, поддерживающих арабские притязания, и своих политических противников – сионистов и патриотов Израиля. Для него все они были не более, чем врагами, которые угрожают его власти.

Первые тридцать лет существования государства не было серьезного кризиса власти, то есть расхождения между правящей олигархией и демократически выбранной государственной

властью. Победа Ликуда во главе с Бегиним на выборах в 1977-ом году породила серьезную панику в рядах правящей олигархии. Но они быстро успокоились, увидев, что Бегин довольствуется декоративной властью, не собираясь менять антидемократических порядков, и готов проводить политику, согласованную со старыми элитами. Однако пребывание у власти “несвоего правительства”, независимо от объёма власти этого правительства и проводимой им политики, в принципе, неприемлемо для людей с авторитарной психологией, какими бы демократами они себя не провозглашали. Они всегда относятся к любой общественно-политической группе, претендующей на участие в управлении государством, как к банде грабителей, которая хочет отнять у них законное наследство.

Столь явные антидемократические тенденции обычно вызывают протесты как в самом обществе, так и в правозащитных кругах за рубежом. Почему же этого почти не происходит у нас? И даже само упоминание о роли олигархии в управлении важными областями общественной жизни до сих пор считается табу, нарушить которое не отваживается практически никто.

Дело в том, что люди плохо различают два понятия: формы участия в управлении обществом и государством (то есть степень демократичности общества) и степень личной свободы граждан. А у нас уровень личных свобод граждан в области передвижения, потребления, культуры, частной жизни, личных мнений и так далее, практически совпадает с тем, каким пользуются граждане свободного мира. Политическая же дискриминация существует в ограниченных, хотя и важных областях, и затрагивает лично относительно небольшое число людей. Большинство из них находит, в конце концов, альтернативное применение своим способностям, так как в отличие от тоталитарных режимов, активно преследующих инакомыслящих, олигархическое или авторитарное общество, как правило, ограничивается пассивными формами защиты от свободного мышления. Такими, как отказ в приеме на работу, кампании очернения и клеветы в прессе, юридические преследования по необоснованным обвинениям. Картина затемняется также тем, что подобную политику проводит не государство, а общественно-политические группы,

выдающие себя за поборников демократии и защитников прав человека.

Такое положение сложилось отчасти в силу исторической традиции, когда в течение веков галута современная еврейская цивилизация сформировалась в социальных рамках семьи и общины – общественных форм, весьма далеких от демократии и не очень в ней нуждающихся. Но объяснить – не значит оправдать.

В течение долгого времени этот слой видел в укреплении государства укрепление своей власти. В большом сильном и самостоятельном государстве он видел реализацию своих национальных и политических притязаний. Терпимость большей части общества, понимавшей антидемократический характер этой группы, объясняется в значительной степени тем, что до некоторого времени эта группа осуществляла ту политическую линию, которая была приемлема для еврейского национального движения, для еврейского народа в Эрец Исраэль, то есть линию построения национального общества и национального государства, пускай даже и лишённого важных элементов демократии.

Однако в последнее время растёт роль таких факторов, как демографические тенденции, рост числа религиозных избирателей (традиционно настроенных национально), большая алия из России и республик бывшего СССР (в целом не склонная поддерживать тоталитаристско-социалистические и пацифистско-космополитические силы), общее падение престижа социализма в результате падения СССР. Все это показывает, что нынешним левым с их пацифистской, космополитической идеологией, которая является ведущей для нашей олигархии начиная с периода после войны Йом-кипур, трудно рассчитывать на устойчивую поддержку Израильских избирателей. Поэтому самые “творческие” умы из их числа стали искать более надёжную модель, не доверяя выбору “незрелого” народа. Как сказал когда-то Брехт, “народ не оправдал доверия правительства, правительству надо распустить этот народ и выбрать себе новый”.

Началом этого этапа послужила ревизия списков “врагов” и “друзей”. Все новые, поднимающиеся силы в израильском обществе, представляющие угрозу власти олигархии, были опре-

делены как враги. С другой стороны, опасность со стороны прежнего врага – арабов представляется теперь как второстепенная. С ними надо поддерживать взаимодействие, насколько это возможно, пока происходит процесс постепенного (и не всегда осознанного) изменения правил игры, пока израильское общество не привыкнет к “миру” и к новым “партнерам”. Все это ради достижения настоящей цели: ликвидации общественно-политического влияния новых восходящих сил и сохранения своей гегемонии.

Вторая часть сценария состоит в том, чтобы подать внешним силам (арабам, американцам и европейцам) сигнал: “давите на нас, угрожайте нам”. Израильская публика должна понять – тот, кто против нас (олигархии), тот против всего мира. Если поставить вопрос таким образом, политико-идеологические различия теряют свою важность по сравнению с проблемой выживания.

Единственным средством для того, чтоб добиться устойчивой и постоянной власти, могло бы стать резкое увеличение зависимости страны от внешних сил, зависимости оборонной, экономической и психологической.

Может быть, теперь мы ответим на вопрос: зачем они вооружили и привели в центр страны вражескую армию? Эти крепкие ребята только кажутся вам, господа, солдатами, это просто оптический обман. На самом деле, они – предвыборные агитаторы, призванные обслуживать грядущие и все последующие выборы. Их дружеские автоматы, под стволами которых мы пойдем к избирательным урнам на выборы без выбора, с накинутой на шею удавкой американо-европейских экономических санкций за несоблюдение договорных обязательств, лучше любых слов объяснят самым непонятливым, что их ждет, если они не отдадут власть тем, кому она должна принадлежать по праву наследования и правильной идеологии. А за такие услуги надо платить – эта плата и записана в загадочных пунктах Норвежских соглашений.

Когда арабы, европейцы и американцы по-настоящему начнут диктовать побежденной, запуганной беспомощной толпе, кто должен ею руководить, только тогда она научится слушаться

настоящего хозяина. Для выполнения этой программы совершенно необходимо уничтожение еврейских поселений за “зеленой чертой” (неважно, быстро или постепенно), так как поселенческое движение является материальным и духовным ядром национального лагеря. Можно подумать, что в результате победы правых во главе с Нетаниягу на выборах 1996-го года, этот план потерпел провал. Но нет, наоборот, неспособность нового правительства проводить достаточно самостоятельную политику, несогласованную с левыми, доказывает, что архитекторы Осло были правы в выборе пути достижения своей цели. И не нужно задавать наивные вопросы: позаботились ли они хотя бы о безопасности аэропорта Бен-Гурион, не говоря уж о каких-то поселениях или водоснабжении, о главном, о своей абсолютной власти, они позаботились прекрасно.

Попытки вызвать давление внешних сил для получения и укрепления своей власти отнюдь не уникальны в мировой и еврейской истории. Достаточно упомянуть борьбу фарисеев с царем Александром Янаем (1 век до н.э.), в ходе которой они обратились к сирийскому царю Диметрию Третьему с просьбой вступить в войну на их стороне и обещая ему территориальные и политические уступки. Или обращение за помощью к Риму враждовавших между собой сыновей Александра Яная, Гиркана и Аристокбулуса, которое привело к завоеванию Иудеи римской армией во главе с Помпеем.

И вполне реально, что в конце “мирного процесса” мы увидим, что являемся частью растерянной и бесформенной массы, не заслуживающей имени народа, сдавшейся на милость выродившейся, прогнившей в моральном и интеллектуальном отношении олигархии, до конца исчерпавшей свою положительную роль в деле национального возрождения и превратившейся из его лидера в могильщика.

Их попытка заключить союз с врагами Израиля, в надежде получить из их рук абсолютную власть над государством и обществом и задушить любого, кто ставит эту власть под сомнение, превращает государство Израиль в место, где слово “демократия” звучит как горькая издевка.

В заключение я хочу еще раз подчеркнуть, что в моем настойчивом указании на олигархический характер руководства израильским обществом нет ничего нового. Но важно понять, что это – не одна из проблем, важность которой меркнет по сравнению с более горячими государственными проблемами, такими как безопасность, политические переговоры, экономическое положение и так далее, а ключевая проблема, то есть источник многих других. Я считаю, что такой подход позволит увидеть внутреннюю логику за внешним абсурдом.

27 июля 1999 г.

Ариэль Шарон – простая и скучная история

Выборы 2001 года показали, что абсолютное большинство народа Израиля стоит на позициях национального лагеря и считает невозможным продолжение так называемого “мирного процесса” – попытки договориться с бандой убийц. Ни разу на протяжении по меньшей мере последних 25 лет представитель одного лагеря не одерживал такой убедительной победы над представителем лагеря противоположного. И буквально на следующий день после такой демонстрации подлинного национального единства лидер народа, ценой страшных потерь преодолевшего свои иллюзии, сформировал правительство “национального единства”, превратившееся в насмешку над этим понятием и положившее начало самой страшной деморализации общества со времен основания Государства Израиль.

Главной причиной такой деморализации является диссонанс между репутацией премьер-министра и его нынешней повседневной неутомимой деятельностью. На протяжении всей своей прошлой карьеры Ариэль Шарон успешно боролся с террором, застраивал поселениями освобожденные в ходе оборонительной войны земли нашей исторической родины, решительным броском войск через Суэцкий канал решил исход войны “Судного Дня”, в ходе Ливанской войны изгнал из Ливана Арафата с его бандой – и благодаря этим бесспорным заслугам, а также бессонной ненависти “левых” превратился в символ правого национального движения. И вот этот национальный лидер, одержав наконец беспрецедентную победу на выборах, протягивает руку побежденному Пересу – тому самому, который сорвал ему Ливанскую кампанию и пытался представить его военным преступником; вместе с Пересом и прикрываясь необходимостью сохранить им же самим созданное правительство “национального единства” он проявляет “сдержанность” после массовых убийств евреев и дает тем самым зеленый свет последующим убийствам; обнаружив падение своего рейтинга, посылает наконец войска на территории Автономии, но не позволяет разрушить ее военную и административную структуру

и то и дело выводит войска обратно, создавая условия для хронической войны на истощение собственного государства и провоцируя чувство беспомощности у еврейского населения; и, наконец, заявляет, вопреки уставу собственной партии и единогласному решению ее Центра, о намерении превратить управляемую убийцами Автономией в независимое государство Фалестин – с резким расширением реальных возможностей для тех же самых убийц, какие бы красивые декларации при этом ни провозглашались.

Нам необходимо ответить на два вопроса – почему он так действует и почему ему это так легко удастся в стране, где большая часть населения принадлежит сегодня к национальному лагерю. Разумеется, мои ответы на эти вопросы отражают мое видение ситуации, но оно основано на моем профессиональном опыте и учитывает психологические аспекты происходящего.

Начну с главного. Я не вижу принципиальных отличий между прошлым и нынешним поведением Ариэля Шарона. Это не парадокс. Поведение человека прежде всего определяется его мотивами. Другое дело, что одни и те же мотивы в разных ситуациях могут вести к разным результатам поведения, но без учета мотивов невозможен прогноз поведения. Я утверждаю, что главным мотивом поведения Шарона на всех этапах его карьеры было достижение успеха и самоутверждение. Мотивы идеологического характера никогда не были для него определяющими, в отличие, например, от Менахема Бегина. Бегин мог ошибаться, но эти ошибки были связаны с его пониманием ситуации, мотивом же во всех случаях было не личный успех, а только успех представляемого им дела. Шарон в этом смысле является прямой противоположностью Бегина. Когда он боролся с террором, это встречало всеобщее одобрение (особенно вскоре после Шестидневной войны), было полезно обществу и способствовало успеху Шарона. Из того, что это было полезно и Израилю тоже, ни в коем случае не следует, что интерес в личном успехе не играл при этом роли, и даже решающей роли – просто не было конфликта между интересами личности и общества. Успешное форсирование Суэцкого канала оказалось спасительным для страны и создало Шарону уникальную репутацию человека, выигравшего войну – опять полное совпадение интересов. При

этом совершенно естественно общественное сознание превратило Шарона в символ патриотизма и национального достоинства, что оказалось чрезвычайно значимым для его дальнейшей карьеры при Бегине. Однако не стоит забывать, что и борьба с террором и война Судного дня происходили под эгидой правящей Рабочей партии и ни к какому столкновению интересов внутри страны вести не могли.

А потом к власти пришло правительство Бегина. Исходя из своего понимания общественной пользы и надежды на подлинный мир с Египтом, Бегин наступил себе на горло и отдал Синай. Похоже, что это решение далось ему не так просто – может быть, именно за него он расплатился потом депрессией. Но симптоматично, что ликвидировать Ямит – разрушать город и выбрасывать из него поселенцев – он поручил Шарону – тому самому человеку, который спас для страны Синай в 1973 г. И Шарон не отказался от этой, этически не очень простой задачи и успешно с ней справился – успех прежде всего.

Ливанскую войну Шарон начал министром правого правительства и поставленную правым правительством задачу – ликвидацию угрозы северным регионам со стороны банды Арафата – постарался выполнить добросовестно и успешно, как все, за что брался. Но во время Ливанской войны возникла новая, совершенно неожиданная для него ситуация. Очень серьезные силы, возглавляемые Пересом и представлявшие реальных хозяев страны – левых олигархов – постарались сорвать Ливанскую компанию и превратили Шарона в объект самых беспардонных нападков. Именно усилиями левых общенациональный герой, старавшийся изо всех сил всего лишь успешно выполнить очередную поставленную ему задачу, превратился в героя и мученика правого лагеря.

Произошло недоразумение. Талантливый и честолюбивый генерал выполнял задачу своего законного правительства и защищал северные границы страны. Он хорошо знал, как профессионал, что они действительно нуждаются в защите и что поддержка ливанских христиан действительно целесообразна. Успешная компания на севере могла очень укрепить его репутацию (опять нормальное совпадение интересов страны и личности). Во имя выигрыша генерал был готов на определенный

риск – он никогда не боялся риска, сосредоточить большие силы в одном месте на берегу канала в 1973 г. тоже было весьма рискованно, но до сих пор риск себя оправдывал.

И вдруг неожиданно для себя он оказался в эпицентре борьбы правого и левого лагеря. Считать его идеологом правого лагеря в этих условиях было так же неосновательно, как считать Наполеона убежденным республиканцем потому, что взятие им Тулона было необходимо для победы Французской Республики. Каким он был республиканцем, стало ясно довольно быстро. Я, разумеется, не сравниваю масштабы личности обоих полководцев, я говорю только о мотивах поведения.

Почему я делаю такие выводы? Потому, что, судя по многочисленным воспоминаниям, Шарон чрезвычайно болезненно отнесся к той компании, которую начали против него левые. На нападки идеологических противников так болезненно не реагируют – их воспринимают как естественную плату за верность собственным убеждениям и принципам и даже как подтверждение этой верности. За примерами далеко ходить не надо – посмотрите, как держится Моше Фейглин, которого уже чуть ли не в фашизме обвиняют. Вспомните, как держался Бегин, когда шел к власти, твердо веря в свою позицию. Но если основным убеждением является потребность в успехе, то все, что мешает эту потребность удовлетворить, действительно воспринимается как ущемление личности. Те, кто говорят, что Шарон сегодня ведет себя так нерешительно и принимает половинчатые решения именно потому, что запомнил урок Ливана, фактически солидарны с моей трактовкой. Если человек уверен, что выполняет общественно необходимую миссию, если его поддержала большая часть нации и если он знает, что его противники в лучшем случае заблуждаются, а в худшем злоумышленны – то уроки прошлого заставляют его быть еще более активным в отстаивании своей позиции, а не подлаживаться под этих противников. Но если единственной целью является личный успех и самоутверждение, то тогда урок должен пониматься именно так, как его понял Шарон – надо сделать противников союзниками, какую бы цену не заплатила за эту твою покладистость страна.

Вскоре после прихода к власти Шарон очень откровенно признал: если бы я слушал моего сына Омри, я давно был бы премьер-министром. Можно представить, что именно советовал ему Омри – партнер Гиносара, друг олигархов-монополистов, наживающихся на торговле с Автономией, Омри, записавший в Ликуд и арабов, и левых кибуцников с условием голосовать за папу, Омри, о котором Арафат сказал, что чувствует себя с ним комфортнее, чем с Пересом.

Не убеждения, а ярость левых сделали Шарона окончательным приверженцем правого лагеря: путь в противоположный лагерь был закрыт, казалось, окончательно. И вдруг возникла новая, уникальная ситуация. Нация избрала его премьером, протестуя против политики Осло. Над левым лагерем нависла не просто опасность навсегда потерять власть – над его лидерами нависла опасность суда. Очень уж дорого страна заплатила за их стремление навсегда остаться у власти, разделив ее с Арафатом (см. "Альтернатива войне и капитуляции"). И воспользовавшись своей заслуженной репутацией национального героя и не заслуженной, но очень прочной репутацией правого лидера, Шарон пошел на союз с левыми, закрыв их своей мощной фигурой от суда. Для него самого это был очень успешный шаг: левые прекратили активную пропаганду против него (до самого последнего времени о Шароне в *Гаарец* писали либо хорошо, либо ничего) и видят в нем единственного защитника, а правые не видят никакой реальной альтернативы и в состоянии растерянности без устали ищут аргументы, оправдывающие его позицию. То говорили, что Шарон в безвыходном положении, потому что на него давит Перес (как будто он не сам привел Переса в правительство и как будто именно за Переса проголосовала большая часть избирателей). То распускаются слухи, что Шарона держат за руки американцы (те самые американцы, которые неоднократно давали нам понять прямо и косвенно, что одобряют любую нашу политику по отношению к Автономии, вплоть до ликвидации последней, если только будут уверены в определенности нашей позиции).

Между тем по своему психологическому складу Шарон вообще не тот мальчик, на которого можно давить (я подробно писал об этом в статье "Всего один вопрос"), и он очень

заинтересован в этих слухах, снимающих с него всякую ответственность за политику превращения Автономии в государство Фалестин. Интересно, что эти слухи, изображающие его слабым и зависимым, даже не наносят ущерба его имиджу. И связан этот психологический феномен с тем, что Шарон производит на зрителей и слушателей непосредственное впечатление сильной, энергичной, уверенной в себе личности, лидера, который может защитить. И это непосредственное (и адекватное) впечатление в сочетании с его прежней репутацией делает его очень опасным, потому что блокирует всякое организованное сопротивление его разрушительным планам. Людям страшно признать, что вся эта личностная мощь, самоуверенность и безудержное стремление к успеху направлены не на защиту нации, а по существу в прямо противоположном направлении, и они придумывают за Шарона хитроумные планы по срыву его собственных предложений, которые он якобы втайне вынашивает.

И вдруг в один прекрасный момент левым показалось, что они уже могут обойтись без своего защитника, и начался скандал с южно-африканскими миллионерами. Арик разъярился – разве такой благодарности он ждал за спасение левых лидеров от суда? Он пошел в контратаку, ему сорвали обращение к нации, рейтинг его вновь подскочил – а как же, он ведь опять жертва левого заговора – и вся ситуация вернулась к исходной. Заметьте, при всей ярости Шарона из-за неблагодарности и очередного предательства, ни одного намека на разрыв с линией Осло и на отказ от планов создать государство для террористов с его стороны не последовало. Реальных причин для повышения рейтинга не было – были только эмоциональные, но их обычно хватает. Генерал вновь на коне и по-прежнему надеется в конце концов стать своим в лагере олигархов – куда же им без него.

Меня могут спросить – разве Шарон хочет поражения Израиля? Думаю, что не хочет – ведь полное поражение Израиля закроет те возможности неограниченной власти и бесконтрольного обогащения, ради которого архитекторы Осло привезли в Палестину Арафата. Но дело в том, что ни Шарон, ни другие левые лидеры, с которыми он сейчас практически

полностью солидарен, не верят в возможность нашего окончательного поражения. Реально они хотят сохранения статус кво, позволяющего сохранять власть и монопольную торговлю – например, ценой ликвидации поселений. Цена эта очень удобная – она окончательно подрывает позиции правого лагеря. Террор их не очень смущает, если он не угрожает их власти. Долговременные последствия всеобщей деморализации для выживания страны ими не учитываются – в этих категориях они не думают. Поэтому надеяться на их мудрость и осторожность нельзя, да и согласиться с их готовностью на “приемлемый” уровень террора ради сохранения их власти и доходов мы тоже не можем.

Поэтому надо довести понимание сложившейся ситуации до каждого и помочь людям избавиться от иллюзий. К счастью, американцы сегодня являются нашими естественными союзниками в борьбе с террором, и поэтому могут проявить нетерпимость к играм наших политиков и бизнесменов (см. статью о Гиносаре). В сущности, только такого развития событий и боится наш бравый генерал в кресле премьера.

25 января 2003 г.

Ася Энтова

Прощание с сионизмом

Сегодня исполняется 106 лет со дня Первого Сионистского конгресса, состоявшегося 29-31 августа 1897 года в Базеле.

“Видите ли, чтоб существовать сорок веков на земле, то есть во весь почти исторический период человечества, да еще в таком плотном и нерушимом единении; чтоб терять столько раз свою территорию, свою политическую независимость, законы, почти даже веру – терять и всякий раз опять соединяться, опять возрождаться в прежней идее, хоть и в другом виде, опять создавать себе и законы и почти веру – нет, такой живучий народ, такой необыкновенно сильный и энергический народ, такой беспримерный в мире народ не мог существовать без status in statu, который он сохранял всегда и везде во время самых страшных, тысячелетних рассеяний и гонений своих...

Мало того: приписывать status in statu одним лишь гонениям и чувству самосохранения – недостаточно. Да и не хватило бы упорства в самосохранении на сорок веков, надоело бы и сохранять себя такой срок. И сильнейшие цивилизации в мире не достигали и до половины сорока веков и теряли политическую силу и племенной облик.

Тут не одно самосохранение стоит главной причиной, а некая идея, движущая и влекущая, нечто такое, мировое и глубокое, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнести своего последнего слова...”

Ф.М.Достоевский. “Дневник писателя”, 1877 г.

Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 25

Человеку трудно смириться с отсутствием цели. Это не значит, что цель обязательно должна быть четко артикулирована, как на огромных советских плакатах: “Наша цель – коммунизм!” В периоды стабильности и медленных, незаметных глазу изменений цели скорее определялись сообществом, чем отдель-

ной личностью. Их наличие не ощущалось, как наличие воздуха, которым мы дышим – пока дыхание не затруднено, мы о нем и не вспоминаем.

В нашу эпоху резких перемен и социальной мобильности, когда открыты многие возможности кроме одной – стабильности, о цели приходится задумываться даже тем, кто никогда не интересовался изречением: “Что наша жизнь? Суета сует и всяческая суета”. И, если раньше с такими вопросами обращались к падре, пастору или ребе, то теперь эта область вместе с проблемами Эроса и Танатоса перешла в ведение науки психологии, получив там название логотерапии. Доктор Франкл обнаружил сходные симптомы и у благополучных американских студентов, и у выживших узников концлагерей: недостаток смысла, которым дышит душа. На обоих концах спектра: и там, где у человека есть все, и там, где нет ничего, четко прослушивалось: “Не хлебом единым живет человек, но всем, что исходит из уст Творца” (“Второзаконие”, 8:3).

У евреев как общности этот симптом проявился спустя непродолжительное время после эмансипации. Вначале эмансипированные, отошедшие от своей общины евреи пытались поставить на место традиционных целей новые – общечеловеческие в их понимании, а на самом деле принятые в определенных кругах той страны, в которой они оказались: европейско-гуманистические, колониальные, социалистические и др. Только после столкновения с юдофобией, ассимиляцией и другими проблемами для части из них встал вопрос, нерешенный до сих пор: что может сохранить существование автономных светских евреев как народа?

Как в светских терминах описать своеобразие еврейского народа, его историческую миссию, его цели и задачи? Ответом на эту проблему явился сионизм, вернее одна из ветвей сионизма – “культурный сионизм”, в отличие от “поселенческого сионизма”, озабоченного материальным устройством евреев в Палестине, и “сионизма политического”, озабоченного созданием еврейского государства и спасением евреев от преследований.

Ахад Ха-Ам в 1897 году в статье “Государство евреев и нужда евреев” писал:

“Таким образом, мы приходим к выводу, что единственно реальной основой сионизма является другая нужда — духовная... Западный еврей, покинув гетто и стремясь войти в нееврейское общество, несчастлив, поскольку его надежды на то, что его примут там с распростертыми объятиями, не оправдались. Волей-неволей он возвращается к собственному народу и пытается найти среди него ту жизнь, которой жаждет, — но тщетно. Образ жизни и горизонты еврейского общества более не удовлетворяют его. Он уже привык к большей широте в социальной и политической сфере, да и в сфере интеллектуальной работа, необходимая для еврейской национальной культуры, его не привлекает, поскольку культура эта не играла никакой роли в первоначальном его воспитании и осталась для него закрытой книгой. Оказавшись в столь затруднительном положении, он обращается к земле своих предков, воображая, как замечательно было бы восстановить там еврейское государство, такое же, как у других народов, организованное точно по образцу других государств. Тогда он смог бы жить полной жизнью среди собственного народа, находя у себя дома все, что ныне видит у других, что манит его, но не дается в руки”.

Светский сионизм давал ответ на злободневные проблемы еврейской общины — как выжить физически и духовно, как не исчезнуть, не ассимилироваться, как сохранить собственное достоинство и еврейскую общность. Преследуемые получали надежду на убежище, благополучные получали цель. И хотя большая часть европейского еврейства не смогла или не захотела этим убежищем воспользоваться, выжившие в Катастрофе получили в его лице замену акту запоздалого правосудия. Но этот сионизм решал проблемы своего столетия, на большее он и не претендовал и дальше не заглядывал. В своей речи на съезде в Хайфе в 1944 году Бен-Гурион так сформулировал “Задачи еврейской революции”:

“Мы должны взять свою судьбу в собственные руки, достичь независимости.

Первая задача — ревностно охранять независимость, внутреннюю моральную и интеллектуальную свободу ...

Вторая необходимая задача еврейской революции – единство ее движущих сил...

Третья задача – мы должны проложить путь новым репатриантам из всех стран, где еще уцелели евреи...

После этого мы сможем перейти к великой миссии человека на земле – покорению сил природы и развитию своего творческого гения”.

Все эти три цели были достигнуты. И как всякая временная, практическая идея с достижением своей высшей точки классический сионизм стал стремительно разлагаться. Чудеса, восхитившие весь мир: победа в шестидневной войне, похищение и процесс над Эйхманом, операция Энтеббе, скрывали в себе вопрос: “А что дальше?” В 70-е годы вопрос о смысле существования еврейского государства еще затушевывался постоянными проблемами обороны и приема репатриантов. “Паровоз сионизма” (сравнение Герцля) еще катился, провозглашая целью сделать Израиль богаче и привлекательнее, но в 80-е годы всем стало ясно, что своей конечной станции – независимого и сильного Еврейского государства – он достиг и дальше движется только по инерции. Нужна была новая цель, более конкретная чем покорение сил природы и развитие своего творческого гения, творческий гений можно развивать и в галуте. Миллионы израильтян, не видевших своими глазами ни антисемитизма, ни погромов, ни газовых камер, жаждали нового смысла сионизма. Для них построили музей Катастрофы в Иерусалиме и в других мировых столицах, но музей – плохая замена живой потребности. Западный гедонизм и постмодернизм не могли утолить жажду израильтянина, который проводит сперва 3 года, а после по месяцу в году на жаре или под дождем с автоматом в руках, платит огромные налоги и постоянно рискует, отпуская детей в пиццерию или дискотеку. (Отметим, что “американская идея” так же сильно тускнеет во времена экономических кризисов и военных неудач).

Насущный вопрос теперь заключался не в выживании, а в том, что делать с доставшейся чудом еврейской землей, с еврейской историей, не музейной, а живой, в Хевроне и Бейт-Лехеме, Бейт-Эле и Алон-Море. Что делать с Храмовой горой,

зияющей отсутствием Храма? Что делать с арабами, угрожающими не только простым, но и демографическим взрывом? На этот вопрос классический светский сионизм ответа не знал.

Светский сионизм вырос на фоне общеевропейских колониальных настроений конца 19 – начала 20 века: веры в прогресс, в универсальные ценности и в просветительскую миссию белого человека. Яков Кляцкин, редактор газеты Всемирной Сионистской организации “Ди Вельт”, писал: “Мы обнаруживаем, что национальное возрождение среди западного еврейства питалось рядом не национальных, а универсально-человеческих элементов...; оно было воспитано не столько иудаизмом, сколько цивилизацией вообще”. Поселения евреев в Палестине так и назывались: колонии, колонизация. Из того факта, что сионизм несёт с собой развитие технологий, повышение уровня жизни и европейскую культуру, сионисты делали вывод о том, что арабы радостно воспользуются этими преимуществами, отдав, как американские индейцы, землю за яркие европейско-еврейские побрякушки. Не так важно, что Герцль предлагал буржуазную культуру: “Мы заботились бы о распространении культуры среди невежественных народов Азии” (“Еврейское государство”), а Бер Борохов – пролетарскую:

“Чем шире будет становиться еврейская иммиграция в Палестину и чем более обширные круги феллахского населения будут входить в сферу еврейского экономического и культурного влияния, тем важнейшее значение будет приобретать борьба еврейского пролетариата в союзе с другими угнетёнными элементами...” (Программа партии “Поалей Цион”, 1906 г.)

Арабы не хотели ни того, ни другого, они просто не были согласны на приезд евреев.

Столкнувшись с сопротивлением арабов, сионизм сделал акцент на праве жертвы применить силу:

“Отсудить участок у народа-латифундиста (то есть, у арабов) для того, чтобы дать очаг народу скитальцу, есть акт справедливости. Если народ-латифундист этого не хочет – что вполне естественно, – то его надо заставить. Правда, проводимая в жизнь силой, не перестаёт быть святой правдой.

В этом заключается единственная объективно возможная для нас арабская политика.”

З. Жаботинский. “Этика железной стены” 1923 г.

Но после создания сильного государства эта логика ревизионистов, которую позднее взял на вооружение социалист Бен-Гурион, уже не работала. Идеи гуманизма и просвещения в Европе сменились идеями мультикультурализма и плюрализма. В длинную очередь за правами жертвы встали гомосексуалисты и негры, женщины и инвалиды, бывшие жители колоний и отсталых стран. Не последними в этой очереди стояли и арабы Палестины, в то время как евреи стали обладать развитым государством с сильной армией, оснащенной современным оружием, и на роль жертвы уже никак не годились.

И здесь наступило время другой силы – религиозного сионизма, который всегда осознавал глобальную цель и без союза с которым светский сионизм не достиг бы таких успехов. Именно религиозные евреи хранили память о Сионе и Иерусалиме и всегда стремились сюда, именно их мы должны благодарить за то, что оказались здесь, а не в Уганде, которую ровно 100 лет назад англичане предлагали Герцлю для создания еврейского очага. Бен-Гурион эту зависимость хорошо понимал. Хотя он не любил идти на уступки и с ревизионистами расправился быстро и жестко, но упоминание о “твердыне Израиля” включил в Декларацию Независимости Израиля и согласился на так называемое соглашение о “статус-кво”, закрепляющее влияние религиозных евреев в важных, но совершенно не политических вопросах.¹ Наступило время, когда религиозно и национально настроенные люди должны были добиться переноса общественного внимания с вопроса “Как?” на вопрос “Что?”. Вместо стоявших все это время практических вопросов “Как нам

¹ “Твердыня Израиля”: одно из употребляющихся в Торе имен Всевышнего. Религиозные евреи отказывались подписать Декларацию независимости, если в ней не будет никак упомянут Всевышний, и Бен-Гурион нашел этот компромисс. Одновременно он передал в ведение религиозных евреев все институты социального состояния гражданина (свадьба, рождение, похороны регистрируются и проводятся согласно вероисповеданию) и обязал государственные учреждения соблюдать еврейские праздники, кашрут и шаббат.

построить Израиль? Как его защитить и как собрать в нем евреев?”, пора было задаться вопросами: “Что такое Еврейское государство?” Чего мы от него ждем и каковы его цели и задачи? Какова историческая миссия еврейского народа и как ответить на вопрос, волновавший еще Достоевского (см. эпиграф)?

Если бы последователи движения Мизрахи смогли объединить свои усилия со светскими последователями движения “культурного сионизма” Ахад ха-Ама и Мартина Бубера, то их достижения не ограничивались бы только поселенческим движением и созданием “ешивот-эсдер”.² Тогда бы в школах и университетах, в Кнессете и в Сохнуте, на радио и по телевидению обсуждались бы не только частные проблемы, вроде: отступать или не отступать из Иудеи и Самарии и вводить или не вводить государственные субботные автобусы. Эти частные вопросы должны решаться исходя из главной цели Еврейского государства – осуществления неповторимого призвания еврейского народа. Именно об этом призвании спорили “отказники” на московских и киевских кухнях в самые беспросветные годы брежневского “застоя”. Именно об этом говорили еще до создания государства рав Кук и Мартин Бубер:

“Пророки знали и предсказывали, что, несмотря на все маневрирование и компромиссы, Израиль обречен на гибель, если он желает существовать только как политическое образование.

Израиль может выжить ... если будет упрямо держаться за свое неповторимое призвание, если сумеет перевести на язык действительности Божественные слова, произнесенные в час заключения Завета. Когда пророки говорят, что у Израиля нет иной опоры, кроме Бога, они не имеют в виду неземное, нечто “религиозное” в том смысле, как понимается это слово во всем мире; они имеют в виду осуществление истинно общественной жизни, которую Израиль обязался вести, заключив Завет с Богом, жизни, которую он был призван воплотить в историю так, как только ему одному доступно. Пророки призывают народ, представляющий собою первую реальную попытку создания “общины”, вступить в мировую

² Учебные заведения, в которых изучение Торы совмещается со службой в израильской армии.

историю как прототип такой попытки. Задача Израиля — побудить народы преобразовать их внутреннюю структуру и отношения друг с другом. Поддерживая такие отношения с народами и участвуя в развитии человечества, Израиль может добиться прочного существования, подлинной безопасности”.

Мартин Бубер, “Еврей в мире”, 1934 год.

Именно эта тема и должна была бы стать главным предметом общественной дискуссии после решения страной первых насущных проблем существования. Именно вокруг нее могли бы консолидироваться лучшие представители различных идеологических, “этнических” и религиозных кругов, как ранее все они сплотились вокруг идеи практического сионизма. Но в университетах сидели теоретики, последователи Ахад ха-Ама и Бубера, которые так и замерли в той точке, когда их учителя говорили о двунациональном государстве. То ли ученики были бездарные, то ли учителя плохо их учили, но они не услышали от них “что”, а только “как”: как стараться на равных вести диалог с представителями других вероисповеданий, как пытаться уважать чужие верования, как понравиться международной общественности. Для Бубера это “как” не играло решающей роли в его последовательно-сионистской философии. Его ученики превратили это “как” в цель и стали пятиться обратно, не заметив, что “как” Бубера остались далеко в прошлом, еще до создания государства. Также и политики, последователи Бен-Гуриона, удерживали власть уже не ради построения и обороны государства, а только ради самой власти, и ради нее они были готовы заключить союз с арабами против евреев.

Не встретив поддержки со стороны светских евреев, религиозный сионизм не смог сделать свои цели общенародными, не создал современную сионистскую идеологию, понятную всем, не объединил все национальные силы для решения новых задач. Он ограничился практическими достижениями, вроде поселенческого движения Амана. Амана стала достойным последователем прежнего светского “поселенческого сионизма”, но она не была дополнена ни новым “культурным сионизмом”, ни новым “сионизмом политическим”. Последователи рава

Кука, духовного лидера и заметной политической фигуры своего времени, буквально обожествовали светское израильское государство со всеми его недостатками. Они даже не пытались на равных участвовать в его политической жизни, а варились в собственном соку, удовлетворились своей узкой ролью поселенческого лобби и “надзирателей за кашрутом”. Но соблюдать кашрут и шаббат можно и в галуте, да и в Израиле их успешнее защищают религиозные антисионисты, у которых меньше сантиментов к государству Израиль.

Оставшиеся без духовного руководства светские евреи попытались опять применить тот же трюк, что однажды им удался с сионизмом – перенять чужую идею, абсолютизировать ее и воспользоваться ею для утоления жаждущей цели души. Но в большинстве случаев еврейской истории этот трюк приводил либо к духовной, либо к физической гибели, либо к тому и другому одновременно. Евреи превратили средство – мирное существование – в цель: “О цель – ты мир!”

Божок вырос, питаясь кровью “жертв мира” и финансовыми вливаниями всех, кому самостоятельность еврейского государства не давала спокойно спать. Даже разумное большинство, настроенное против этой безумной идеи, отступило, как в случае с “Альталеной”³, увидев кровь братоубийства. А дальше, чем более набирал скорость паровоз, несущийся в обратном направлении, тем менее оставалось возможности свернуть. По мере приближения к бывшей цели с обратной стороны вновь становились актуальными решенные уже в прошлом вопросы обороны и безопасности, еврейского единства и еврейского большинства в Палестине. Оставалась одна забота – не проскочить на полном ходу бывшую станцию назначения – Еврейское государство.

Так Израиль в ситуации кризиса обнаружил знакомый психологам синдром: синдром достигнутой цели. Сосредоточив все жизненные силы на частной цели – карьере, накоплении денег

³ “Альталена” – название нагруженного оружием корабля, принадлежащего еврейскому движению ЭЦЕЛЬ. При подходе к Тель-Авиву он был обстрелян армией и потоплен по приказу Бен-Гуриона, желавшего подчинить эти силы ЦАХАЛу. Бегин, командовавший ЭЦЕЛем, на братоубийство не ответил, и дело не дошло до гражданской войны.

или решении важной научной проблемы, по ее достижении человек, если не может обрести вновь перспективу, то впадает в депрессию и нередко умирает от болезни или даже кончает жизнь самоубийством.

Таким “самострелом” и был для израильского общества возврат от сионистской доктрины: “евреи сами должны отвечать за собственную безопасность” к договору с террористами, от завоевания и заселения Эрец-Израэль к передаче ее арабам, от единства всех евреев ради создания государства к сраиванию светских евреев с религиозными, а ашкеназов с сефардами.

За 10 лет, прошедших с момента заключения договора Осло, уже и правые, и левые осознали всю неосуществимость автономного существования арабов в Иудее, Самарии и Газе ни в виде автономии под началом “раиса”, ни в качестве Палестинского государства. Даже левым из левых стало ясно, что от моря до Иордана может существовать только одна страна. Сегодня левые экстремисты снова подняли на щит мечту некоторых сионистов начала прошлого века о двунациональном еврейско-арабском государстве, как будто прошедший век не доказал им: государство может существовать только или как арабское, или как еврейское. Сегодня Еврейское государство еще существует, но оно на грани выживания. Евреи не видят цели и смысла в этой затяжной войне на истощение, которую сами же спровоцировали, передав террористам власть и оружие, землю и воду, и поэтому не могут ее выиграть. Сегодня у нас есть армия, вооруженная самой современной техникой, но нет силы духа, необходимой, чтобы победить и выжить. Либо мы обретем эту силу, ответив на вопрос: для чего, либо будем вновь поставлены перед проблемой физического выживания. Еврейский народ выживет, но какой ценой? Это зависит от нас и только от нас.

29 августа 2003 г.

IV. Исторические параллели

Инна Добрускина

Израиль глазами репатрианта из СССР

Нет ничего нового под солнцем.

*Бывает нечто, о чем говорят: "Смотри, вот это новое";
но это было уже в веках, бывших прежде нас.*

Кохелет, 1, 9-10

Мое первое впечатление от Израиля, в первые дни, дни первого знакомства и эйфории – это впечатление сюрреалистической смеси Америки и СССР – на фоне иврита и левантйской заторможенности. По мере более обстоятельного знакомства со страной и ее историей это впечатление только усиливается. К нему добавляется не менее странное ощущение, что с течением времени здесь ничего принципиально не меняется, несмотря на смену внешнего облика, что все, что происходит сейчас, уже когда-то было. Что три главные направления: СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ, КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ – определились очень давно и развивались почти независимо друг от друга по крайней мере последние сто лет.

История современного сионизма – это не только история героического заселения и героических войн за Эрец Исраэль. Это многолетняя и страшная борьба за еврейские души, борьба иудаизма с ассимиляцией, национализма и интернационализма, борьба религиозных и атеистов, борьба индивидуализма и коллективизма, капитализма и социализма, демократии и тоталитаризма, правды и демагогии.

Противостояние началось на первых сионистских конгрессах, когда из всемирного еврейского религиозного движения выделились в "демократическую фракцию" секулярные сионисты. Взяв себе это название, они экспроприировали термин "демократический" для личного пользования. До сих пор левая пресса считает само собой разумеющимся, что секулярный сионизм – по определению демократичен, а религиозный – антидемократичен, что весьма спорно.

Окончательное распределение ролей было сделано Бен-Гурионом в период Второй Алии, когда он с товарищами после трехдневных дебатов (1906 г.) пришли к соглашению о том, каким должно быть наше государство. Они таки создали государство в соответствии со своим видением мира, и это государство до сих пор живет по их правилам. Правила эти начали претворяться в жизнь с периода Третьей Алии.

Социализм

Вся страна была разделена на Партию (социалистическую) и ее врагов. Партия создала многочисленные еврейские сельскохозяйственные поселения в Эрец Израэль, воплотила в жизнь мечту о коммуне, организовав в 1909 г. первый киббуц, прообраз колхозов, создала профсоюз – Гистадрут. Самостоятельная свободная работа на земле без капиталистов и без применения арабского труда ("кибуш авода") и еврейская самозащита без наемных арабов ("кибуш шмира") – главные лозунги Второй и Третьей Алии.

Но самым главным достижением было разделение Партии на Внутреннюю и Внешнюю (ср. роман Джорджа Оруэлла "1984"). Внутреннюю партию составляли отцы-основатели из Второй Алии. Говорят, что в руководящую верхушку из Третьей Алии удалось пробиться только Арлозорову. Стаж пребывания в стране имеет в Израиле самостоятельную ценность (как в армии): чем раньше ты приехал, тем ты лучше. КАМА ЗМАН АТА БА АРЕЦ? Кстати, из 40 тысяч олим Второй Алии перепись 1922 г. нашла в Эрец Израэль только 2,519 человек.

Внешнюю Партию составляли энтузиасты, приехавшие в страну после Первой мировой войны. Это были халуцим, настоящие герои, строившие дороги, создававшие киббуцы и мошавы, осушавшие Изреельскую долину ("Ха-Эмек"), ставившие за одну ночь Стену и Башню вокруг новых поселений, встречавшие нелегальную алию, голодавшие, умиравшие от малярии, сражавшиеся во всех войнах. Это был цвет нации, рабочая сила, человеческая пыль. В это же время Внутренняя Партия занималась государственной безопасностью, вела фракционную борьбу,

борьбу с религиозным засильем, уничтожала внутренних врагов. Ср. историю большевистской партии в СССР: "Краткий курс истории ВКП(б)".

Классовым врагом на первом этапе был старый ишув – религиозные антисиионисты (забегая вперед, обратим внимание, что на современном этапе врагом номер один Партии являются религиозные сионисты). С ними успешно расправилась Хагана, УБИВ в 1924 г. их руководителя Яакова де-Хаана.

На следующем этапе враг принял облик ревизионистов. Партия обличала их, называя фашистами и расистами, а лично Жаботинского лично Бен-Гурион окрестил Владимиром Гитлеровичем. ООН применила к сионизму термин "расизм" только в 1975 г., а египетские газеты изобразили Нетаниягу в образе Гитлера в 1996 г.

Решительный удар врагу был нанесен, когда по подозрению в убийстве Арлозорова были арестованы три ревизиониста. Они были оправданы, но пропаганда сработала: на выборах в Сохнут (= Кнессет) победила Партия. Ревизионистский враг был парализован на 44 года. Разнузданную кампанию травли правых образца 1933 года Партия повторила после убийства Рабина в 1995: безответственное обвинение всего правого лагеря в убийстве, необоснованные аресты правых активистов. Но кампания 1995-го не имела успеха. Методы 1933-го не сработали. Что-то все же меняется на Святой Земле?

В сороковые годы ревизионисты начали вооруженную борьбу с англичанами. Партия помогала англичанам справиться с еврейскими террористами. С ноября 1944 по апрель 1945 г. по ее приказу Хагана выловила и выдала англичанам около 1000 евреев – членов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ (операция "Сезон"). Они были пытаны, посажены в тюрьмы и отправлены в концлагерь в Кению, члены их семей были объявлены врагами народа. Слова "ЭЦЕЛЬ", "ЛЕХИ", "ревизионист", "правый" стали клеймом. Люди до сих пор боятся быть правыми.

Несмотря на это враг наглел. Во время Войны за Независимость он привез целую "Альгелену" оружия для ЦАХАЛа – июнь 1948 г. Партия не поверила, что оружие предназначается для войны с арабами и что большая часть будет передана Хаганае (разве сама Партия дала бы оружие классовому врагу?). Партия

предпочла потопить все оружие и заодно убить 19 евреев еврейскими же руками. Жертвы мирного процесса? В том же 1948 году был расформирован Пальмах, который почему-то представлял для Партии угрозу слева.

После войны Партия разоблачала подпольные правозащитные организации (процессы 1954 г., 1985 г.) и оппозиционную левую прессу (процесс 1965 г.), поставила вне закона партию КАХ и сделала легальной деятельность компартии, которая была вне закона при англичанах. Израильская пресса и телевидение работают как органы Партии. Без суда и следствия они объявляют арестованных врагов Партии преступниками и настраивают против них общественное мнение. Объявление арестованных преступниками до суда является грубым нарушением основ правосудия: в цивилизованных странах обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока суд не доказал его преступления. Этот закон называется "презумпция невиновности".

Советская юриспруденция в лице Вышинского этот закон отменила. Председатель Высшего Суда Справедливости Меир Шамгар тоже не считается с этим законом. В 1994 г. он открыл заседание комиссии по расследованию убийства в Хевроне словами: "УБИЙЦА Барух Гольдштейн...". ДО начала расследования.

В 1995 была изобретена новая формула обвинения правых и только правых – подстрекательство к насилию. Дважды была показана по телевизору пьеса, поставленная Авишаем Равивом и выданная за реальную присягу реальной подпольной организации; потом было скромное опровержение, но дело было сделано. Какой-то человек (может быть, тоже на заказ?) перед телекамерой осквернял могилу Баруха Гольдштейна. Никто не потребовал от левых журналистов провести "Хешбон нефеш"¹. "Хешбон нефеш" требуется только от правых. По-видимому, только у них есть "нефеш", душа, с которой строго спрашивается. Самые честные и наивные из них действительно пришли в отчаяние и стали спрашивать себя: "Может быть, мои слова были истолкованы не так, может быть, я говорил нечетко, может быть, я

¹ Отчёт перед собственной совестью

виноват?" Психологи Партии – это профессионалы. Они знают, на какие струны нажимать...

Капитализм

В целях развития еврейского сельского хозяйства еще до Первой Алии были созданы еврейские поселения Петах Тиква и Рош Пина. Введением капитализма в Израиле в период Первой Алии успешно занимался барон Ротшильд. На его деньги были основаны десятки поселений и создано сельскохозяйственное производство. Он также поддерживал еврейскую самооборону. (Еврейская самооборона "Ха-Шомер" была распущена Бен-Гурионом в 1919 г.). В конце XIX века благодаря деятельности Барона и беспартийных энтузиастов в Эрец Исраэль уже существовали еврейские поселения Зихрон Яаков, Хадера, Ришон Ле Цион, Нес Циона, Реховот, Акрон, Гедера.

Вторая Алия выступила против капиталистической эксплуатации на предприятиях Барона, создала первый киббуц и еврейскую самооборону ("Кибуш Авода" и "Кибуш Шмира"). Капитализм отступил. Барон Ротшильд изъясил свои инвестиции, испугавшись социализма. Он еще раньше говорил Хаиму Вейцману: "Вы слишком спешите. Вы начинаете строить дом с крыши".

Новое наступление капитализма связано с Четвертой Алией. В конце Третьей Алии имели место голод и беспорядки, вызванные безработицей: в стране не было денег, чтобы обеспечить новых олим работой. Это заставило англичан в 1923 г. ввести ИМУЩЕСТВЕННУЮ КВОТУ для эмигрантов. Для нищих "халуцим" путь в страну был закрыт; стали приезжать польские буржи, которые открывали мастерские и небольшие фабрики, занялись торговлей, банковским делом и развитием городов. Рутенберг приступил к электрификации всей страны.

Во время Пятой Алии, параллельно с заселением территорий новыми халуцим, богатые евреи из Германии привезли оборудование для промышленных предприятий. Произошла индустриализация страны, промышленная революция, результаты которой были продемонстрированы на Всемирной Выставке. Киоски польских буржей сменились роскошными кафе буржей из Герма-

нии и Австрии. Изменилась мода, изменился внешний вид городов. В начале 80-х страна приобрела облик процветающей западной страны с современными городами, дорогами, магазинами, с обилием машин на дорогах и товаров в магазинах – после того, как правые пришли к власти и поддержали буржей и приватизацию.

Национализм

Партия ортодоксальных сионистов Мизрахи, предшественница партии МАФДАЛ, существует с 1902 г. Они с самого начала строили сельскохозяйственные поселения, сами защищали их, как и левые первопроходцы, решали педагогические проблемы. Несколько киббуцев были созданы религиозными евреями. Сейчас религиозные поселенцы являются главной силой сионизма.

Еще до начала современного сионизма религиозные евреи съезжались в Палестину из разных стран. Они селились в Иерусалиме, Цфате, Тверии, где учились в ешивах, изучали Тору и ждали Машиаха. Именно эти люди являются хранителями еврейской веры, еврейской традиции, еврейской истории. С их точки зрения, независимое еврейское государство может быть создано только божественной силой, а не руками людей. Секулярное государство, теряющее связь с еврейской историей и с еврейской "особостью", желающее быть "как все", для них неприемлемо. Так же, как еврейское государство вне Сиона (не в Палестине).

Старый ишув не поддерживал создание секулярного государства и предпочитал существовать в рамках Хашимитского королевства. Его сопротивление было сломлено в результате убийства руководителя ишува Яакова де-Хаана в 1924 г. В 1929 г. старый ишув в Хевроне отказался от помощи Хаганы (памятуя убийство Хаана?) и был вырезан арабами. В 30-е годы руководство "Агудат Исраэль" переехало в Эрец Исраэль, а во время Катастрофы признало необходимость создания государства. Противниками государства остаются только представители "НетуреЙ Карга".

Другая группа антисионистов состояла из сторонников прогресса, борцов за равноправие евреев в диаспоре и ассимиляцию: евреи не должны покидать те страны, которым они принадлежат физически и духовно, они должны участвовать в интернациональной борьбе за всеобщее, в том числе собственное равноправие.

Третья группа антисионистов просто боялась тех трудностей, которые неизбежны при освоении Палестины в борьбе с природой и враждебным окружением. Она предвидела, что освоение страны будет происходить на еврейской крови и слезах.

Так или иначе, государство Израиль, построенное в борьбе со всем миром, с антисемитами, с еврейскими антисионистами, в борьбе разных направлений сионизма между собой, на еврейской крови и слезах, существует. Существует в постоянной угрозе уничтожения, однозначно записанной в Палестинской Хартии. Партию лихорадит: она то проводит официальную программу заселения территорий, то пытается изгнать поселенцев с территорий и создать там Палестинское государство.

Религиозные сионисты сохранили идею "Эрец Исраэль шлема"². В отличие от нерелигиозных "халуцим" прошлого, которых послала Партия, они имеют независимую от Партии идеологию. Они сохраняют ДОСТОИНСТВО И ЧЕСТНОСТЬ, которых так не хватает руководителям Партии. Они дают детям еврейское воспитание, несмотря на попытки Партии заменить его изучением "мирного процесса". Партия продолжает борьбу с национальным лагерем. Продолжается кампания в прессе против правых и особенно против поселенцев. На Новоязе она называется борьбой с религиозным засильем. В глазах Партии религиозные СИОНИСТЫ заняли место религиозных АНТИ-СИОНИСТОВ старого ишува в качестве врага номер один. Религиозные сионисты продолжают общенациональное дело, от которого отсеклась Партия, в борьбе за которое Партия в 1924 г. впервые нарушила заповедь "Не убивай". Четыре года Партия пыталась положить конец сионистской активности. Неважно, что теперь эти мальчики в вязаных кипах и девочки в длинных юбках – цвет нации, хранители земли и традиций, как неважно было в

² Неделимая Земля Израила

1948 году, что стране позарез нужно было оружие. Для удержания власти Партия предпочла тогда утопить оружие вместе с евреями.

Двоемыслие

Четыре года продолжалась в стране вакханалия лжи, бесстыдства и безнаказанности. Она сопровождалась бесцеремонным искажением понятий и интенсивным промыванием мозгов. Получив власть демократическим путем, Партия постепенно отказалась от всех своих предвыборных обязательств, уверяя, что это и есть демократия. За время пребывания у власти Партия довела до совершенства демагогию и методы давления, включая взятки министерскими постами и личными машинами. Этим Партия открыто поощряла предательство, ложь и смену убеждений ради выгоды.

Интересно, что для того, чтобы прийти к власти, Партия использовала сионистские и национальные лозунги, отлично понимая, чего хочет народ Израиля. "Я не знаю, чего хочет народ Израиля, но я знаю, что ему нужно", – так говорит Шимон Перес. Партия полагает, что израильскому народу нужна ложь. Ложь о том, кто виновен в развале экономики, ложь о действиях Арафата. Может ли здравомыслящий человек поверить в то, что прекрасная экономика была разрушена за два месяца правления Ликуда? На кого рассчитано такое заявление или сообщение Партии о том, что Палестинская Хартия изменена? Ведь это так легко проверить! Какими качествами надо обладать, чтобы лгать публично, зная, что тебя тут же схватят за руку?

Прежде всего, надо абсолютно не уважать того, кому ты все это говоришь. Но и этого мало. Надо обладать искусством ДВОЕМЫСЛИЯ. *"Двоемыслие – это способность придерживаться двух взаимоисключающих мнений и верить в оба. Сознательный член Партии знает, в каком направлении ему необходимо изменить свою память, а следовательно, знает и то, что он жонглирует действительностью, но то же самое двоемыслие помогает ему смириться с этим. Процесс должен протекать сознательно, иначе он не будет достаточно точным; но, вместе с тем, он должен быть и бессознательным,*

чтобы не оставить после себя чувства фальши, а значит, и чувства вины. Двоемыслие – альфа и омега Ангсоца, потому что главное для Партии – это так использовать сознательный обман, чтобы, благодаря неизменности цели, остаться незапятнанной. Говорить преднамеренную ложь и искренне верить в нее; забывать все то, что стало неприемлемым, и снова извлекать забытое из небытия, когда это становится необходимым; отрицать объективную действительность и тут же принимать ее в расчет – вот что такое двоемыслие... Если вам дано править и вы хотите оставаться у власти, вы должны уметь отвлекаться от действительности. Тайна власти состоит в сочетании веры в собственную непогрешимость с умением учиться на опыте прежних ошибок" (Оруэлл, "1984").

Новояз

Представителей Израсоца, Совсоца, Амерсоца, Ангсоца (Оруэлл, "1984") можно определить по применению ими Новояза. Нам он хорошо знаком по СССР. Новояз – это прежде всего сознательное искажение понятий и применение стереотипов, не имеющих никакого смысла. "Война – это мир. Свобода – это рабство. Невежество – это сила". Эти три главных лозунга Партии в Океании Оруэлла успешно применяются в нашей действительности. Арабы взрывают еврейские автобусы, палестинская полиция стреляет в еврейских солдат – нас уверяют, что это мир. Воистину: война – это мир. "Экстремисты хотят убить мирный процесс". "Мы не позволим убить мирный процесс". "Можно убить человека, но нельзя убить идею". "Ради мирного процесса допустимы любые жертвы". "Мы будем продолжать борьбу за мир". (Мы это уже слышали ТАМ).

Если вы высказываете собственное мнение, несогласное с мнением Партии, то вы находитесь в плену враждебной идеологии. Вы несвободны. За неосуждение убийства Рабина увольняют с работы, за словесное одобрение – арестовывают. Нам предписывают не только как вести себя, но как думать, кого любить, а кого

нет. А если мне не понравился Рабин с первого взгляда в телевизоре? Об этом нельзя говорить свободно. Свобода – это рабство.

Невежество народа – это сила Партии. Народу не надо знать историю, ни современную, ни танахическую. Никаких аналогий. У нас в стране все происходит в первый раз, все непредсказуемо, все вызывает изумление. В 1995 г. в первый раз еврей убил еврея. Никогда не было такого в еврейской истории. Что с нами такое случилось вдруг? Почему? Все было так хорошо, весь народ шел за Партией. Откуда взялся этот неожиданный экстремист? Что привело к этому? Что было раньше? Раньше ничего не было. Истории не было. Есть главный враг Партии – правые. Все правые подстрекатели и убийцы. Вот Арафат – это партнер Партии, друг (у Арафата прошлого тоже не было). *Геверет*³ Рабин принимает Арафата с его соболезнованиями у себя дома и отворачивается от Нетаниягу. Да и от всего Израиля разом – после выборов она начинает складывать чемоданы: "Моего мужа убили дважды".

"Цель НОВОЯЗА – не только выразить мировоззрение и мышление приверженцев Ангсоца (Совсоца, Израсоца, Амерсоца), но сделать все другие способы мышления невозможными. Предполагалось, что, когда НОВОЯЗ установится навечно, а СТАРОЯЗ будет забыт, еретическая мысль, т.е. мысль, несовместимая с принципами Ангсоца, станет буквально невыразимой, настолько, насколько мысль зависит от слова. Словарь его был составлен так, чтобы дать точное и часто тонкое обозначение всякому смыслу, который член Партии мог правильно выразить и в то же время исключить все другие смыслы и даже саму возможность их косвенного проникновения. Это достигалось отчасти изобретением новых слов, но в основном ликвидацией нежелательных слов и отсечением от слов неортодоксальных смыслов и, по возможности, вообще вторичных смыслов" (Оруэлл, "1984").

Приведем примеры из нашей жизни. У слова "правый" остался только один четко отрицательный смысл: идеологический враг Партии, а следовательно, всего народа. Смысл этого слова уже почти включает понятие "правый

³ Госпожа (иврит)

экстремист", т.е. потенциальный убийца. В данном случае слово, подлежащее ликвидации – экстремист, т.к. оно должно быть включено в понятие "правый". Поэтому, когда израильтянин определяет собеседника как правого, он перестает слушать его доводы, заранее зная, что они ошибочны.

Другой пример, в котором имеет место произвольное, новоязовское, неправомерное отождествление вождя и народа: "ЭЦЕЛЬ является заклятым врагом еврейского народа, он всегда был против меня" (Бен-Гурион, интервью парижской газете "Франс Суар").

Когда пресса требует от Нетаниягу "четкие ответы на поставленные вопросы", надо помнить, что это НОВОЯЗ, и он требует перевода. Нетаниягу четко ответил на вопросы, но ответы не устраивают вопрошающих. Четкость на НОВОЯЗЕ именуется жесткостью, а "четкий" ответ на НОВОЯЗЕ – это тот, которого от него ждут левые, т.е. "четкий" ответ предполагает смену позиции.

Более сложный пример. Партия в целом осуждает советский строй, поэтому нежелательны параллели, которые показывают сходство Израсоца с Совсоцем. Аналогии, естественно, возникают у советских евреев, приехавших в Израиль. Израильтяне освоили две формулы, позволяющие им игнорировать все наши сравнения:

1. "Асур леашвот" (нельзя сравнивать), хотя на вопрос "почему?" вы вряд ли получите вразумительный ответ;

2. "Русские" не умеют думать: все, что им кажется похожим на советское, они автоматически считают плохим и в Израиле.

Поэтому, когда "русский" пытается показать общность явлений там и тут, это сразу вызывает раздражение и отключение. На эту удочку попался даже Бени Алон в интервью, которое он дал недавно Софье Рон для газеты "Вести". Он не захотел обсуждать в "русской" газете связь Авишайя Равива с ШАБАКом, "потому что репатрианты из России очень любят все анализировать и во всем находить тайный смысл". Однако, как он сказал в том же интервью, за три месяца до убийства Рабина он ничего не понял также из предупреждений Ицхака Шамира о возможных провокациях. Не понял именно потому, что не считает нужным анализировать и находить в явлениях тайный смысл.

Руководители Аводы и Мереца говорят на НОВОЯЗЕ. Добраться до смысла их речей и статей очень трудно: необходим перевод на нормальный язык. Вся левая израильская пресса работает на НОВОЯЗЕ. Цель – убедить нас, что вообще ничего не изменилось, что несмотря на выборы Перес по-прежнему правит бал, что по-прежнему правым быть стыдно и опасно, что хороший израильтянин – это левый или центрист, который предпочитает мирный процесс иудаизму и ездит по субботам по улице Бар Илан.

Клинтон профессионально использует НОВОЯЗ, потому что в этом случае перестает быть очевидным, что он ничего не добился ни на Ближнем Востоке, ни в Югославии, ни в Ирландии. Подменяя понятия с помощью НОВОЯЗА, он полностью игнорирует тот факт, что в мае у нас были выборы, что народ проголосовал против политики Рабина и Переса. Пресса называет "провалом мирного процесса" требование Израиля соблюдать подписанные договоренности. Это НОВОЯЗ.

Больше всего НОВОЯЗ подходит арабским лидерам. Не только Арафат, но и Мубарак, Асад, Хусейн очень естественно используют терминологию НОВОЯЗА, не стараясь даже ее чуть-чуть индивидуализировать. Если включаешь радио не с начала передачи и слышишь упреки Израилю в срыве мирного процесса, не всегда сразу понятно, говорит ли это Перес, Клинтон, Арафат или Мубарак.

Новое и старое

"Прошел год, и ничего не изменилось", – сказал внук Рабина. Что он имел в виду? Народ, проголосовавший против "Партии" полгода назад, не изменил своего мнения? Это да, это так. Народ очухался от мощного наскока Партии и огульных ее обвинений, провел "хешбон нефеш" и понял, что ему не по пути с Партией. Изменилось что-то в нашем государстве.

Однако роли, определенные Бен-Гурионом в начале века, продолжают исправно выполняться. Внешняя Партия продолжает строить и укреплять государство, служить в армии, обживать "второй Израиль", гибнуть в терактах во имя светлого

будущего вместе с *буржами и досами*. Внутренняя Партия прилагает все усилия, чтобы помешать этому союзу, потому что единение народа мешает ее бесконтрольному влиянию.

Пресса по-прежнему продолжает обслуживать ту Партию. "Возникает такое впечатление, что левая пресса взяла на себя функцию управления страной, а законно избранное правительство – в условиях подполья – упорно пытается спасти нашу страну от самоуничтожения" (формулировка Евгении Кравчик).

Находящимся вне Партии буржам и досам была уготована роль врагов или, в лучшем случае, роль оппозиции. Клеймо, поставленное Бен-Гурионом на "правых", пугает до сих пор. В "хорошем обществе" по-прежнему неприлично быть правым: лично меня больше не принимают в "хорошем" израильском доме из-за того, что я не люблю Рабина. За кофе среди университетских преподавателей говорить хорошо о Биби Нетаниягу – по-прежнему дурной тон.

Сами правые привыкли быть изгоями и постоянно извиняться. Прежде чем высказать свое мнение, правый оправдывается: "Я, конечно, осуждаю Игалья Амира..." или "Я, конечно, высоко ценю товарища Рабина..." Ликуд не посмел ничего ответить на огульные обвинения всего правого лагеря в убийстве Рабина. Ликуд принимает правила игры в демократию, навязанные левыми: голосование в Кнессете больше похоже на спортивные соревнования.

Так что же во всем этом новое, а что хорошо забытое старое? Появилось ли что-нибудь именно в 90-х годах или все уже было в предыдущих поколениях? Расколоть общество, изолировать инакомыслящих всегда было важнейшей задачей Партии. Расколото ли наше общество сейчас больше, чем когда-нибудь раньше? Или это нам только кажется, потому что мы плохо знаем свою историю?

Послушайте голос Партии из ноября 1944 г., когда Бен-Гурион заявил о четырех главных действиях для искоренения террора, еврейского террора – после убийства лорда Мойна в Каире:

УВОЛЬНЕНИЕ С МЕСТА РАБОТЫ

Каждый, кто связан с этими преступными бандами, каждый, кто оказывает преступникам поддержку, а не только тот, кто размахивает револьвером или бросает бомбы, любой, кто распространяет преступную литературу или расклеивает их экстремистские прокламации, должен быть уволен с места работы, будь то из учреждения, фабрики, завода или апельсиновой плантации, и вычеркнут из списков биржи труда. То же самое относится к учащимся средних или технических школ...

Если юноша или девушка распространяют преступную литературу среди молодежи ишува, то вышеупомянутая литература должна быть изъята из обращения и сожжена в назидание всем, и те юноши и девушки, которые распространяли ее, должны быть исключены из школ...

НЕ УКРЫВАТЬ ПРЕСТУПНИКОВ

Полное игнорирование преступников. Ни один сознательный член ишува не должен укрывать их от возмездия. Я знаю, что это идет вразрез с одним из самых благородных и похвальных человеческих инстинктов и особенно еврейских инстинктов, но если мы не хотим проявить жестокости к еврейскому народу, сражающемуся за право на жизнь, мы не должны допускать в свое сердце ложную жалость. Запрещается укрывать преступников, угрожающих будущему благосостоянию нашего народа...

НЕ ПОДДАВАТЬСЯ УГРОЗАМ

Наглость преступников достигла такой степени, что рядовые члены ишува, не поощряющие действий преступных банд террористов и не разделяющие их преступных идей, умоляют центральное руководство ишува не предпринимать против них никаких действий, иначе ишув окажется в состоянии гражданской войны...

СОТРУДНИЧЕСТВО С АНГЛИЧАНАМИ

Так как британские власти и полиция заинтересованы в подавлении терроризма, то мы будем непременно сотрудничать с ними. Будет глупо, вернее это было бы самоубийством, если мы откажемся от протянутой нам руки и не будем сотрудничать с британскими властями в тех областях, где у нас имеются с ними общие интересы. Без активного сотрудничества с властями и без их помощи мы не преуспеем в благородной цели искоренения с палестинской земли этой чумы..."

Нет ли чего-то до боли знакомого в этом альянсе Партии с англичанами против еврейских экстремистов? Не напоминает ли он любовь Переса и шалом-ахшавников к арабам и их ненависть к поселенцам? И постоянный рефрен Арафата о совместной деятельности экстремистов-арабов и экстремистов-евреев?

Также невозможно определить, по поводу какого убийства, в каком году прозвучал этот плач, если мы заменим точками все имена и прочие внешние признаки времени:

"Как всегда бывает у свежевырытой могилы, в которой покоится ... жертва, появляется желание облечься в траур, тем более, что час этот – час скорби для всего еврейского народа.

Хочется забыть хотя бы на миг ту атмосферу ненависти и лжи, которой последние годы дышало сионистское движение. Хотелось бы хоть семь дней траура провести в чистой человеческой скорби. Однако даже это не выпало на нашу долю... В поистине звериной атмосфере развивается наше еврейское существование.

Над свежевырытой могилкой, в первое же мгновение после постигшего нас несчастья тошнотворная политическая спекуляция начала вышивать свои узоры только что пролитой кровью. Люди, желающие удостоиться титула "народных вождей", воспитатели масс, не захотели позволить себе даже одного часа личной скорби. С первой же минуты они затеяли над могилкой политическую свистопляску. Они думают только

о том, как "использовать" случившееся в своих ничтожных коммерческих предвыборных интересах. Каждый знает, что это и только это кроется за их словами, что их скорбь в тысячу раз меньше их спекулятивных интересов. Это написано на их лицах, на всем их поведении, это заметно всем, об этом говорят на каждом углу...

Нет, мы не удостоились и часа человеческой скорби – ни мы, ни они. У них скорбь растворилась в жажде политических спекуляций, у нас – в чувстве безгливости при виде картины этого зоологического падения.

Они во всем подражают поступкам и действиям, которые были свойственны погромщикам в подобной ситуации. Погромщик не желает дожидаться решения суда. Ему достаточно того, что полиция схватила "кого надо" – само собой, еврея. Он не хочет знать, что подозрение полиции еще далеко не является доказательством вины. Ему неведом древний священный закон человеческого правосудия, что обвиняемый не считается виновным до тех пор, пока суд не доказал его преступления. Нет, у них нет времени, они должны "использовать" подходящий момент, они мгновенно становятся – они, рыцари прогресса! – восторженными поклонниками полиции, они верят только ей...

И еще одному они научились у гойских подстрекателей погромов: обращать подозрение, павшее на одного еврея, против всего общества... Даже, если он – преступник, ты не имеешь права возводить на этом основании обвинение против целой общины. Ведь это та же самая вредоносная разъедающая система мотивировок, от которой мы больше всего страдали, мы, евреи, столь многие из нас... Они забыли это, они хотят похоронить не только человека, схваченного полицией, они хотят "использовать" это с целью утопить целый стан людей, живущих и борющихся во имя чистых возвышенных идеалов..."⁴

⁴ Зеэв Жаботинский, "Убийство Арлозорова", ди Вельт, 21.6.1933 (на идиш). Цитируется по: Моше Бела, "Мир Жаботинского", Иерусалим: Бейтар 1992, стр. 321

Владение прошлым

"Тот, кто владеет прошлым, владеет будущим: тот, кто владеет настоящим, владеет прошлым" (Оруэлл, "1984").

"Человек будущего – это тот, у кого окажется самая долгая память" (Ницше).

Зная прошлое, зная, что в настоящем моменте нет ничего уникального, зная, что такие ситуации еврейский ишув в Эрец Израэль преодолевал уже многократно – и мы все еще существуем, нам легче поверить, что мы справимся и на этот раз, что мы будем существовать и дальше.

Однако чтобы выжить, надо учиться на ошибках прошлого и не повторять их. Для этого надо хорошо знать историю, знать историческую правду, не позволять мифам владеть нашими умами. Знать ПРАВДУ, помнить ПРАВДУ. Не позволять тем, кто владеет нашим настоящим, искажать наше прошлое. Не позволить им отнять у нас наше прошлое.

Тот, кто владеет прошлым, владеет будущим.

Человек будущего – это тот, у кого окажется самая долгая память.

Октябрь 1996 г.

Михаэль Бронштейн

Заманиваем арабов и ждем морозов

Размышления по поводу событий 1812 года

Уже с год на моей этажерке завелась старая книга “Нашествие Наполеона на Россию” многим известного Е.В.Тарле. До этого я уже прочел книгу “Наполеон” того же автора и помню её почти что наизусть, но и эту книгу прочёл с огромным интересом и нашёл в ней много нового. После прочтения мое представление о событиях 1812-го года во многом изменилось. Я был буквально поражен сложностью тогдашней ситуации – столь, казалось бы, хорошо известной.

Мне показалось, что анализ Тарле событий 1812 г. может быть полезен и нам, в Израиле 2003 года. Дело в том, что я все еще верю, что знание – сила. И понимание – мощь. Все говорят о загадке еврейского бытия и относят ее на счет чудес. Чудеса чудесами, но тысячи лет мы думали и поэтому понимали лучше, чем прочие. Поэтому в конце концов и побеждали. Перестав думать – мы погибнем, и *договор Осло* тому предупреждение.

1. Исходные данные к 1812 году

Во-первых: будет война. Это ясно всем – и мы не будем здесь доказывать почему. Всегда бывают дурачки, которым не ясно очевидное. Но царь Александр – явно не дурачок.

Во-вторых: Наполеон – военный гений. Нет возможности победить его на поле брани обычным (конвенциональным) оружием. Метод грубой превосходящей силы не работает: в условиях начала XIX века нет реальной возможности эффективно командовать армией численностью существенно более 100 тысяч человек. У Наполеона они есть. Задействовать против него больше – физически невозможно.

Что делать в такой ситуации?

Можно сдаваться.

А можно думать.

Время на размышления есть: на этот раз Наполеон не спешит начать войну внезапно. Он уверен в своих силах и в своей победе. Думать конечно сложнее, чем идти в атаку. Не подумавши, Его Императорское Величество Александр I уже ходил в атаку в 1805 году под Аустерлицем – кончилось это печально, и теперь он несколько более расположен к тому, чтобы подумать.

Что же придумали тогда российские “военные теоретики”? Они придумали, что Россия должна использовать оружие, которое у нее есть – пространство. Не следует идти в западню, подготовленную Бонапартом, нужно уклоняться от генерального сражения, при непосредственном столкновении Наполеон обязательно победит. Чтобы проводить свою линию, нужна твердость на уровне самого высшего управления. Тут у России есть преимущество – самодержавная форма правления. Александр это хорошо понял и вполне внятно изложил французскому послу на прощальной встрече в 1811 году: *“Наполеон нас, конечно, побьет, но МЫ (царское “Я”) войны не прекратим и пространства наши, зима наша, бедность страны нашей побьют Наполеона”*.

Наполеон в твердость Александра не поверил, хотя его нельзя обвинять в отсутствии политического чутья. Зачем Наполеон собственно пошел войной на Россию, а не дал России на себя напасть? Тогда он разгромил бы русскую армию, разгромил бы их, как миленьких (см. выше исходные спецификации). Все дело в том, что Наполеону было необходимо заблокировать Англию! Нельсон сжег в Трафальгаре надежду на французский десант на Альбион – значит, осталось только блокада. Пока Россия “свободна” – нет блокады. Россия заняла ту самую позицию, о которой позднее мечтал Мольтке-старший: оборонительная тактически, наступательная стратегически. Стратегия обязывает атаковать ее, тактика сообщает ей дополнительную силу. Но нелегко все же усмотреть в русском отступлении лета 1812 стратегическую угрозу. Скрытая слабость Наполеона в том, что он *обязан* наступать: он уже предсказуем, вычисляем и следовательно побеждаем в потенции. Нелегко же ее реализовать!

Испания к этому времени являлась страшным примером для остальной Европы. Испания не покорила Наполеону ценой

полного разорения, ценой бесчеловечной жестокости с обеих сторон. Поистине страшная опция, не легко решиться на такое. Поэтому Наполеон не очень верит *намекам* Александра на повторение испанского сопротивления. В общем Наполеон прав, но политическая ситуация – это динамическая, вечно меняющаяся система. Она мало предсказуема. Пройдет два года и вечно-покорная Пруссия покажет образцы упорства, добровольчества и героизма. Кто бы мог подумать, что какой-то там профессор Фихте будет менять историю. Но он ее изменил, сумев пробудить демократический дух в германском народе. И уж совсем не ясно ни Наполеону, ни Александру, что же произойдет в России. Оба они играют втемную.

2. Дипломатический дебют

Прямым военным действиям предшествуют дипломатические акции. Они были направлены не на разрешение конфликта (неразрешимого по своей природе), но на поиск союзников или обеспечения нейтралитета других стран. Этим, среди прочих причин, достигалась цель психологического воздействия на врага. Ситуация у Наполеона и Александра принципиально разная. Наполеону никого уговаривать не нужно – достаточно только поугатать. Так он получил дополнительные войска – от Пруссии и от Австрии. Не следует пренебрегать качеством этих армий: они не хуже, чем русская. В это время все армии были приблизительно равны по силе: одна сильнее в одном, другая – в другом. В общем, все уравнивается, за исключением абсолютного НАПОЛЕОНОВСКОГО ГЕНИЯ.

2.1 Союзники Наполеона

У Наполеона есть и настоящие союзники: несколько немецких государств (самое важное из которых Бавария) и Дания. Остальные союзники пока еще полусамостоятельны и втихую они ведут свою собственную политику. Чуть затмится солнце Наполеоновских побед, и они из союзников превратятся в противников. Положение Пруссии несколько двусмысленное, а с

Австрией все ясно – Меттерних нашел каналы сообщить, что австрийский корпус не будет очень уж сражаться, и так оно в действительности и произошло.

2.2 Союзники России

Прямо перед началом наполеоновского вторжения, Россия вела вполне удачную войну с Турцией, и Кутузов заключил весьма выгодный мир. Для России это было огромным благом, потому что в то время договоры еще соблюдались, и Россия, развязав себе руки на юго-западе, высвободила весьма важную южную армию. Но почему Турция не использовала столь выгодную для нее ситуацию и не выторговала себе более выгодных условий? Тарле предположил, что Наполеон не к собственной выгоде обманул Турцию: затягивая начало войны, он якобы “переиграл”, и турецкое правительство опасалось русско-французского союза, для Турции смертельно опасного. Действительно ли было столь наивно правительство Константинополя? Неужели британские советники не могли ничего подсказать? Или может быть Турция не хотела победы Наполеона? Вспомним, что Наполеон имел ярко выраженные “восточные интересы” даже помимо египетского похода, окончившегося осадой Акко. Иллирийские провинции (Хорватско-словенская Адриатика) служили форпостом не только против Австрии, но и против Турции. Планируя победу над Россией, Наполеон уже думал об Индии. Может быть Великая Порта была все же умнее, чем предположил за нее Тарле? Во всяком случае, даже по его объяснению выходит, что Наполеон “запутался” в стратегической игре, которая становилась все сложнее и сложнее. С некоторого момента он по необходимости начинал кое-где играть против самого себя.

Намного более интересна и судьбоносна оказалась позиция Швеции. Незадолго до наших событий вымерла династия шведских королей и шведская аристократия избрала себе нового кронпринца, чтобы он владел страной и породил новую династию (ныне существующую). Был избран наполеоновский маршал Бернадотт. Тарле рассказывает нам историю довольно странную: шведская аристократия хотела, видите ли, угодить Наполеону

этим избранием, не зная, что оба они – император и маршал – давно уже друг друга терпеть не могли. И действительно, новый кронпринц занял позицию дружественного нейтралитета по отношению к России, которая, отметим, только что отняла у Швеции Финляндию. Конфиденциальным образом, России была даже обещана военная помощь, в случае если придется защищать Петербург, а в дальнейшем Бернадотт повел шведов на прямую войну против Наполеона. Можно ли считать это просчетом шведских аристократов? Действительно ли они ничего не знали об этом конфликте, о котором – заметим! – было известно Тарле, т.е. что-то было известно и современникам? Не правильнее ли будет сказать, что шведы провели весьма тонкую игру, поставив Наполеона в положение почти безвыходное – скорее всего, он не мог публично признаться, что у него есть принципиальные разногласия с собственным маршалом. Таким образом, Швеция заняла потенциально анти-наполеоновскую позицию, не разрывая с Наполеоном официально.

2.3 Дипломатический анализ

В чем же был конфликт маршала Бернадотта с императором Наполеоном? Тарле обходит этот вопрос многозначительным молчанием. Я полагаю, что Бернадотт мог считать, что Наполеон стал вреден собственной стране.

У Франции уже был исторический пример – король-солнце, Луи XIV. Этот король воевал против почти всей Европы и в конце концов проиграл свою войну. Но проигрыш не был ударом по Франции, она даже приобрела кое-какие территории (Эльзас). Теперь положение было несколько иным. Наполеон сделал ненавистной Францию в глазах всей Европы, за редчайшими и совершенно не важными исключениями (та же Дания, например). Империя держалась силой – и только силой. Точнее говоря – гением Наполеона. Но Наполеон – смертен, и маршал не мог не задумываться о том, что произойдет после его смерти. Вся ненависть Европы тогда может обратиться на Францию, и Франции придется заплатить страшную цену за сверх-энергию и сверх-гениальность своего императора. **Сложилась весьма**

странная ситуация: гений Наполеона и его абсолютная власть дали Франции абсолютную гегемонию сейчас, и абсолютную угрозу в ближайшем будущем. Будь Наполеон всего лишь полководцем у “умеренного короля”, он не совершил бы столь достославных дел – но победы его (более ограниченные) были бы долговечнее и могли бы принести пользу отечеству. Но победы Наполеона – самодержца и гения – были **блестящи и бесполезны** для нации.

*Объяснение этого феномена. Суворов был на положении военного гения при умеренном короле и весьма от этого страдал лично. Россия же от этого немало выиграла. Бисмарк очень хорошо почувствовал ситуацию и сделал многозначительное замечание: “умеренностью можно многого добиться”. Бисмарк попытался **не** аннексировать Эльзас-Лотарингию (области, в то время безусловно немецкие), но ввести там систему совместного с Францией правления. Если бы кайзер принял его идеи – история мира могла бы быть принципиально иной. Прямо в наполеоновские времена был живой пример такой же политической умеренности: всего за 8 лет до описываемых событий Англия осталась один на один против Наполеона. А почему это произошло? Потому, что многие европейские страны (Россия и Дания в том числе) испугались, что разгром Наполеона слишком возвеличит Англию – и они выступили против Англии. Великий адмирал Горацио Нельсон обстрелял тогда Копенгаген (ракетами!) после чего хотел идти в Ревель (Таллинн) уничтожить русский флот. Приди он туда – возможно между Россией и Англией пролегла бы **слишком** большая пропасть, но Нельсон был остановлен приказом правительства – и вот теперь Россия и Англия стали союзникам, и не вспоминают о том намерении Нельсона.*

Почему вообще создается такая ситуация? Здесь есть некоторое структурное противоречие. Хороший полководец должен смело дерзать – и после дерзкой победы инерция поведет его драться туда, куда не следует по политическим соображениям. Например Петр Первый, обнаглев после Полтавы, полез на турок в Молдавии, был окружен и капиту-

лировал (факт, редко упоминаемый в России и в российском политическом сознании отсутствующий).

Итак: Наполеон еще диктовал свою волю, но уже очертилось будущее – всеобщая война против него. Эту войну поневоле будут вести “числом, а не умением” (потому что умения у Наполеона больше). Это создало новую “формулу компенсации”: число против гения. Пока что перевес еще был на стороне Наполеона. Ему предстояло ослабеть – и это свершилось в 1812 году в России. Наполеон потерял часть своих, он ослаб, и в 1813-1814 годах наступило равновесие.

3. Военный дебют

Как я мы уже упоминали, подготовка к войне не была тайной. Наполеон готовился долго и тщательно и притом – на самой окраине своей империи, следовательно без надежды утаить свои приготовления. Прежде всего, прочтем внимательно, что сказал Александр, прощаясь с французским послом Коленкуром в мае 1811 года.

“Если император Наполеон начнет войну, то возможно, и даже вероятно, что он нас побьет, но это ему не даст мира. Испанцы часто бывали разбиты, но от этого они не побеждены, не покорены, а ведь от Парижа до нас дальше, чем до них, и у них нет ни нашего климата, ни наших средств. Мы не скомпрометируем своего положения, у нас в тылу есть пространство, и мы сохраним свою организованную армию. Имея все это, никогда нельзя быть принужденным заключить мир, какое бы поражение мы ни испытали. Но можно принудить победителя к миру... Императору нужны такие же быстрые победы, как быстра его мысль; он от нас их не добьется. Я воспользуюсь его уроками. Это уроки мастера. Мы предоставим нашему климату, нашей зиме вести за нас войну... Чудеса происходят только там, где находится сам император, но он не может находиться повсюду. Кроме того, он по необходимости будет спешить возвратиться в свое государство... Я скорее удалюсь на Камчатку, чем уступлю

провинции или подпину в моей завоеванной столице мир, который был бы только перемирием”.

Так помнит встречу Коленкур. Можно ли его памяти полностью доверять? Тарле говорит об этом не очень внятно. “Речь Александра” взята из мемуаров, написанных немало лет спустя, и, возможно, она изменена ретроспективно. Похоже, что Коленкур дает ретроспективное понимание внутренней логики прошлых событий. Но что-то подобное, безусловно, было сказано. Александр готовил себя к особому виду войны и имел свои причины сообщить об этом Коленкуру, и через него – несомненно – и Наполеону. Зачем? Мне кажется, что он рассчитывал в какой-то мере его напугать. И кое-чего он этим добился.

Наполеон запомнил его угрозу, но предпочел считать, что Александр блефует и не захочет сдать Москву без генерального боя. А в генеральном бою он потеряет армию, и ему придется сдаться. Так рассуждал Наполеон, и так он сказал в Витебске: “Если нужно я пройду до Москвы в поисках этого сражения, и я выиграю это сражение”. Мюрат, один из лучших его маршалов, имел иные предчувствия. Он на коленях умолял Наполеона остановиться: “Москва нас погубит!” Игра Наполеона стала игрой ва-банк: если Александр не запросит мира после потери Москвы, дальнейшая кампания станет невозможной физически и психологически. А империя Наполеона уже становится неуправляемой из-за удаления императора (а всё держится на его гении!) от европейского центра событий. Но выбора уже не было.

4. Стратегия Наполеона

Наполеон явно хотел запугать Александра числом, введя в Россию чуть более 600,000 человек, масса неуправляемая при средствах управления XIX века. Союзники стояли на флангах. Их поддерживала и их верность обеспечивала *тень* центрального наступления. Федераты (вестфальцы, саксонцы, поляки и пр.) шли вместе с центральной армией и, заметим, дрались не хуже французов. Тарле в этом вопросе грешит – он все норовит намекнуть, будто только русские и французы были героями – но

подробности, им же приводимые, этот тезис опровергают (впрочем, не исключено, что подробности приведены специально для внимательного читателя).

Управление кампанией было обеспечено превосходно: обозы, запасы продовольствия (полевые кухни еще не были изобретены), походные госпитали. Все было готово к рывку вперед – не имея внезапности, Наполеон явно рассчитывал на скорость. Скорость была ему важна для двух целей: вызвать шок у русского руководства и разбить русскую армию, не дав ей отойти в обширные пространства. Как мы видим, “опция Александра” была принята во внимания, но рывка не произошло. Великий Наполеон ошибся в расчете.

Двигаясь рывком вперед, армия неизбежно отрывается от обозов. В то время значительный авангард, двигаясь по узкой дороге, неизбежно оставлял обоз позади себя. Чтобы обеспечить питание солдат обоз должен двигаться не далее чем в 20 км от первого солдата авангарда. Со временем дивизия растягивается, а телеги обоза постепенно портятся, кроме того, запас на передних фурах тоже иссякает и они должны обновить его из второго эшелона. Грубая прикидка показывает, что обеспечение начнет безнадежно отставать через 7-10 дней. При быстром марше, который длится только 7-10 дней, можно рассчитывать на экстремальное усилие и на переносной запас сухарей (Ульмский маневр 1808 г.).

Конфискация по окрестностям дороги не решает проблемы при наличии большой массы войск. Предположим, что дивизия живет реквизициями с полосы в 4 км вокруг дороги, на что уходит ежедневно 2 часа поиска и конфискации. Тогда следующая в колонне дивизия должна будет производить реквизиции в полосе 4-8 км, затрачивая 4 часа. Третья дивизия будет тратить уже 6 часов, т.е. необходимо оторвется от первой. Итого, первая дивизия (авангард) сделает остановку и опустошит все окрестности, при этом она отдохнет, а подошедшая третья дивизия – нет. Поэтому при следующем броске, разрыв усилится. Все это было известно Наполеону и весьма неплохо объясняет его остановку в Вильно и Витебске. На что же рассчитывал гений? Очевидно на то, что при первом, самое большее при втором

броске он уничтожит русскую армию в сражении. Но русские не предоставили ему этого удовольствия, отступая без боя.

5. Русская армия отступает

*Мы долго молча отступали,
Досадно было. Боя ждали...*

М.Ю. Лермонтов “Бородино”

Обратимся теперь к русской армии. Памятуя неслучайные слова Александра, мы были в праве ожидать приготовлений к кампании длительной и необычной. Ничего такого не имело места. Армия была расколота на две единицы, и командующие открыто ненавидели друг друга. Плана войны не имелось, а первые действия противоречили стратегическим планам. Самое удивительное, что ни царь, ни кто-либо другой, включая самого Кутузова, не могли организовать самого элементарного снабжения армии: русская армия буквально голодала, и даже генералы ложились спать не евши, если только не было у них денег в карманах.

Мы уже сказали, что армий было две: главная или северная под началом Барклая, и южная – под началом Багратиона. Наполеон ударил точно между ними и тем поставил обе перед угрозой полного поражения. Барклай был умен и, похоже, имел стратегический план отступления – но при нем был царь. Об этом – чуть позже. Багратион был храбр и смел, “слуга царю, отец солдатам”, любимец Суворова – но не умен. Он принадлежал к известной школе “рубак”, признаком ее является беззаветная вера в солдатский энтузиазм: солдат-энтузиаст непременно победит. В своих солдат Багратион верил, они его любили – он рвался в бой. И наверняка был бы уничтожен гением Наполеона и его не менее профессиональными солдатами. На счастье России неравенство в силах было столь разительным, что Багратион получал строгие приказы отступать – он ругался, обвинял Барклая в измене, намекал на нерусское его происхождение (ливонский немец) – но все же отступал. И отступление свое произвел искусно, спасши армию в ситуации почти безвыходной.

Надо заметить: Евгений Богарне и генерал Жюно, которым поручено было отрезать Багратиона, были не на высоте положения. Им явно не хватало энергии – быть может потому, что у них “сердце не лежало” к этой кампании? Это тоже фактор, который следует принимать во внимание. В Наполеоне энергия бурлила, быть может он просто не понимал предчувствий и ощущения своих генералов и маршалов?

Итак, Багратион ушел, спасши армию и горюя, что не позволили ему устроить сражение и уложить армию костьми. Что происходило с северной армией? Царь решил дать бой. Почему он захотел отступить от своих стратегических разработок? Быть может потому, что пример Испании был поистине страшен. Всякий нормальный царь постарается спасти свою страну от излишнего разорения. Вопрос о точке “перелома” наполеоновского наступления отнюдь не прост – жаль отдавать лишнее, опасно принимать бой слишком рано.

И снова России повезло – царя удалось отговорить, царь вообще оставил армию и уехал в Петербург, откуда упорно “не сдавался”. Судя по всему, он еще немало делал на ниве дипломатической, готовя уже будущие кампании. Оставшись один, без царя, Барклай продолжал отступать, а Багратион продолжал писать на него доносы. Русские арьергарды сражались отчаянно, кое-где добиваясь тактических побед. У Смоленска впервые запахло настоящим сражением. Напомним: Барклай знал, что он – не гений, в отличие от Наполеона. Кроме того, у него было меньше войска; кроме того, он еще и преувеличил численность наполеоновской армии. Четыре дня Барклай дергал армию туда-сюда, и в конце концов отошел без боя.

После этого Барклай был смещен в Царево-Займище и заменен на Кутузова, Михайлу Илларионовича, тоже любимца Суворова. Но Кутузова Суворов любил иначе, чем Багратиона. О Кутузове Суворов говорил: “Умен-умен. Хитер-хитер. Никто его не перехитрит”. Отъезжая в действующую армию, Кутузов имел разговор с любимым племянником. Племянник спросил его: “Скажи-ка, дядя! Неужели ты всерьез думаешь разбить Наполеона?” Дядя Кутузов доказал, что он много умнее лермонтовского дяди-ворчуна. “Нет – ответил он – разбить не

надеюсь. А перехитрить надеюсь”. Ниже мы увидим, в чем состояли главные трудности Кутузова в этом предприятии.

6. Царь и Кутузов

*Царь Александр Первый настал ему взамен.
И нем слабы были нервы, но он был джентльмен.
Когда на нас в азарте стотысячную рать
Надвинул Бонапарте, он начал отступать*

*А.К. Толстой, “История государства Российского от
Гостомысла до Тимашева”*

Стоит обсудить сам выбор нового главнокомандующего. Общеизвестно, что престарелый генерал и царь взаимно друг друга презирали и терпеть не могли. Имея твердые антимонархические установки мышления и выучив, что Кутузов спас Россию, мы автоматически отдаем ему свои симпатии и склонны относиться к Александру в лучшем случае снисходительно. Приведенный выше эпиграф – тому пример. Но отступление, как мы уже говорили, было результатом расчета, а не слабых нервов.

За что же царь так не любил Кутузова? Тарле дает более чем странный намек. Царь, видите ли, не любил “придворные замашки” генерала. Не очень понятно! А за что Кутузов не любил царя? Легко предположить, что любительское командование в аустерлицкую кампанию 1805 года вполне могло быть тому причиной. Напомним: в ту кампанию Наполеон занял Вену, но союзники войну не прекратили. Русско-австрийская армия была численно больше Наполеоновской, но он сумел завлечь ее в тактическую ловушку и разгромил при Аустерлице. Формально армией командовал Кутузов, фактически император Александр решил блеснуть своим талантом, которого у него не имелось. Похоже, что Кутузов – единственный из всех, кто разгадал намерение Наполеона или по крайней мере опасался ловушки. Он кое-как пытался отговорить Александра от опрометчивого наступления. Когда 7 лет спустя царь колебался, кого ему

назначить вместо Барклая, ему напомнили об этом: “А ведь он Ваше Величество отговаривал!” “Однако слабо отговаривал”, – едко заметил царь. Похоже, что произошло здесь следующее. По придворному коду поведения полагалось “не очень отговаривать Его Величество”, по военному же – рубить правду-матку, и пусть карьера летит к черту! От Кутузова-солдата царь ожидал именно военного, а не придворного поведения. Не удивлюсь если окажется, что именно этой “придворности” и не прощал Александр Кутузову, но проверить своего предположения не могу. Факт остается фактом – Кутузов был поставлен спасти Россию. Выхода у царя не было – Кутузова хотели “все”. Но вряд ли все понимали почему, и чего от него можно ждать на самом деле.

Барклаю не верили, как не верили всем почти иностранцам, немцам же в особенности. Багратион клеветал на Барклая, писал на него многочисленные доносы, армия хотела от Барклая, чтобы он повел ее в бой. Что из боя выйдет – об этом мало думали. Спустя много лет Пушкин воздаст ему должное: “и замысел, задуманный глубоко...” – но это уже посмертно. Барклай был оставлен командовать половиной армии, другой половиной командовал все тот же Багратион и считался “вторым главнокомандующим” – абсурд с военной точки зрения. К сожалению, Тарле не пишет, как Кутузов и Багратион срабатывались – и писал ли Багратион доносы на Кутузова. Ведь вызывающее доносы отступление продолжалось. Теперь, правда, считалось, что Барклай уже столько напортил, что и сам Кутузов не может исправить положение немедленно. Отступать стало психологически легче – и так дошагали до Бородина. У этой деревни (вблизи нынешней станции метро) все игры кончились, и Кутузов, при своей русской фамилии, должен был дать бой. Без боя сдавать Москву было психологически (политически) невозможно.

7. Бородино

*Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!
М.Ю.Лермонтов*

Тарле сказал открытым текстом: Кутузов считал это сражение совершенно излишним, но необходимым – т.е. необходимым злом. Возможно по психологическим соображениям, возможно по “придворным”, но он дал генеральный бой, видимо заранее зная, что вслед за тем сдаст Москву. Уже отступая после Бородина, он дал Милорадовичу (командующему арьергардом) приказ: “Устроить под стенами Москвы видимость сражения” (Милорадович вскипел от злости, получив этот приказ; он назвал его макиавеллевским – и несомненно имел на то основания – и сражения не дал ¹).

В день Бородинского сражения, говорят, Наполеон был не на высоте своего гения – у него был насморк. Тарле снова дает престраннейший намек: Наполеон боялся быть слишком дерзким. Почему? Потому, что он дал уже достаточно сражений и ему нужно было не просто “победить” в очередном, но именно уничтожить русскую армию. Москва сама по себе еще не дает победы. Конечно, можно было надеяться, что получив Москву, он получит от Александра и мир. Вспомним, что уже в 1805 сидя в Вене, Наполеон мира не получил, пока не уничтожил коалиционную армию при Аустерлице (Александр через Коленкура ему об этом напомнил). Память у Наполеона была неплохая, Кутузова он уважал, а главное – русские уже доказали, что они в состоянии отступать и отступать. Под Аустерлицем он Кутузова (или Александра) уже обманул – совратил на неразумное наступление и разбил. Удастся ли повторить тот же самый трюк? Полное

¹ Напротив, лично встретился с Мюратом (командующим авангардом) и договорился о своего роде перемирии: русские тихо уходят, а французы тихо входят по Арбату в Москву. Милорадович удачно блефанул – поугал Мюрата народным сопротивлением, а народ в это время покидал Москву в массовом порядке.

поражение можно нанести только тому, кто сам лезет в ловушку. Но Наполеона бояться – следовательно, в ловушку не полезут, при первой же опасности могут просто отойти. При этом потеряют 10-20 тысяч, но не всю армию. Произошла странная вещь – блеск былых побед принес Наполеону неоднозначный эффект. Уже одно имя Наполеона внушало страх – это было полезно ему тактически, но стало вредно стратегически. Наполеон оказался в тушике.

А Кутузов? Клаузевиц, наблюдая Кутузова лично при Бородинской битве, запомнил только общее поведение (так как по-русски он ничего не понимал): вялые реакции Кутузова на чужие предложения. Кутузов реагировал однозначно (почему-то по-французски): так и делайте! (Faites cela). Впрочем, ничего из ряда вон выходящего ему не было предложено. Мне кажется, что Кутузов давал “видимость сражения”, а значит, его приказ Милорадовичу не был вполне макиавеллевским. Был некий рейд конницы Уварова. Этот рейд “на ура” преподносится русской историографией, включая и Тарле, но видимо это был не более чем проходной эпизод грандиозного сражения. Похоже, что этим рейдом русская инициатива и исчерпалась. Основной ход боя разворачивался в другом месте и по плану Наполеона. Русские оборонялись упорно и героически – я другого и не утверждаю. Но инициативы как правило не проявляли.

На правом фланге стоял Барклай, здесь французы добились чисто местного успеха, потери были примерно равны. На левом крыле стоял Багратион (“второй главнокомандующий”). Здесь были наспех сооружены искусственные фортификации: так называемые Семеновские (они же: багратионовы) флеши. Сюда обрушил Наполеон свой главный удар. Взломав фланг, он мог рассчитывать на тактическое окружение армии, даже если она захочет отходить. Русские дрались героически – флеши переходили из рук в руки, фланг не был сломлен. Тогда Наполеон предпринял маневр артиллерией. Против непокорных флешей были сосредоточены 400 орудий, на что русские ответили маневром на 300 орудий. Итого – перевес в 100 пушек на стороне французов. Общий расчет к началу сражения: 590 у французов, 640 – у русских (качество русских пушек лучше). Вернемся к цифрам: 400 из 590 (70%) у французов против 300 из 640 (45%) у

русских, то есть французское командование явно лучше. (Странная подробность: русские зарядные ящики взрывались чаще из-за того, что у них хуже конструкция.) Огонь французской артиллерии буквально смёл русских со флешей. Багратион, поняв замысел французов, повел, как главнокомандующий, свои войска в решительный и всеобщий контрудар. Контрудар был Французами отбит. А Багратион был смертельно ранен, весть об этом сломила дух его войск, и они отступили. Флеша остались за французами.

Но в центре позиции стояла батарея Раевского. Поскольку она называлась еще: “курганная” – я полагаю, что стояла она на каком-то холме. Теперь ее обстреливали уже и с фронта и с занятых флешей (т.е. слева), ибо Наполеон не замедлил перенести сюда свои пушки (а также и севера, с позиций, отбитых у Барклая). Нет никаких указаний, на соответствующий контрманевр русской артиллерии. После жестокого боя батарея была взята саксонской кавалерией, атаковавшей с тыла. Тем временем уже наступил вечер, но русские не были сломлены. Завершающего удара кавалерией не вышло – русская пехота не бежала.

Битва закончилась без решающего результата, что не помешало обеим сторонам заявить о своей победе. С русской точки зрения успех был несомненен – он состоял в том, что Наполеон *не уничтожил* русскую армию и не сломил ее боевой дух. Но он несомненно обеспечил себе Москву.

8. Анализ Бородинского сражения

Сведения о потерях самые разные – статистика тогда была поставлена плохо. Общепринятые цифры: 20 тысяч у французов, 58 тысяч у русских – при более ли менее равных начальных данных (по 110 тысяч). Общий ход сражения предполагал более или менее равные боевые потери, и скорее всего так оно и было. Но были и дополнительные потери.

Тогда было принято расставлять войска заранее “по диспозиции”, и после этого начинался бой. Причина этого в том, что примитивность средств связи и получения данных ограничивала настоящий маневр на поле боя. Русскую диспозицию соста-

вил полковник Толь, армия должна была стоять плотными порядками, стоявшие на виду у французской артиллерии на расстоянии поражения. Солдаты стояли и ждали, пока их поведут “в дело”, погибая при этом сотнями. Нечто подобное было при Прейсиш-Эйлау, но там потери были равны! Предположим, что Толь не слишком талантлив и что ему, немцу, русского солдата было не жаль. Но это не объясняет поведения Кутузова, утвердившего диспозицию. Единственный возможный ответ тривиален: Кутузов вполне зауряден как тактик.

Историческое отступление: пройдет всего 3 года и при Ватерлоо обнаружится удивительный тактический ход Веллингтона – он свои войска ставил на обратном склоне холма, чтобы избежать ненужных потерь. Так что в этом вопросе англичане обошли французов (Наполеона). Веллингтон предложил свою разработку Блюхеру (пруссаку), но тот гордо ответил: “мои солдаты любят видеть врага”. Кутузов этой разработки не узнал, он умер в январе 1813 году.

Парадоксальное предположение: до известного предела Кутузову русские потери были выгодны. Потеряй он те же 20 тысяч что и французы, его бы вынудили дать новый бой, т.е. снова рисковать – а у него ведь уже был готов стратегический план. И Наполеон уже залез в ловушку – он непременно войдет в Москву. И она его погубит, как и предсказал Мюрат. Кутузов гениально отошел на юг и перехитрил Наполеона, как и предполагал.

Наполеон заранее просчитал свои будущие потери и не ошибся. Его сверхзадача была: потерять до 20 тысяч, не введя в дело “железный резерв” – гвардию и кавалерийскую элиту. При этом условии он вступит в Москву, сохранив силу – элитное ядро армии. Вокруг нее соберутся другие части. Имея ядро – они будут драться хорошо. Так оно и произошло. Но только русскую армию уничтожить не удалось и она не рассыпалась. Солдаты вяло злились на Кутузова за сдачу Москвы, но армия сохранилась. К уцелевшей половине русской армии присоединились другие части. Наполеон в Москве так же получил подкрепление, но это уже не имело для него никакого значения. Стратегия Наполеона

предполагала, что русские в ответ на занятие им Москвы должны либо просить мира на коленях, либо броситься в бой и быть разбитыми. Ни того, ни другого не произошло.

9. Тарутинский манёвр

После Бородинского сражения Кутузов провёл совещание, которое вошло в Историю как военный совет в Филях. Реально никакого военного совета на этой встрече не было: Кутузов всё решил заранее и все уже согласились, что главнокомандующий берёт на себя ответственность за сдачу Москвы. Кутузов отвёл армию на юг, на Тарутино, закрывая Наполеону отход из Москвы по южной – ещё не разорённой – дороге. Манёвр оказался гениальным, хотя смысл его далеко не сразу всем стал ясен.

Теперь Наполеон посылал самые щедрые предложения мира – никакого ответа из Петербурга от Александра. Кутузов стоял без движения в Тарутино. Тем временем надвигалась зима. Наполеон провел свой блицкриг летом и ранней осенью. Зима была угрозой стратегической, а не тактической. Пока еще Наполеон может управлять своей империей из Москвы, но обстановка усложняется. Веллингтон уже бьет французов в Испании. Там идет нормальная война на равных – без чудес. Чудеса бывают только там, где есть император. А император находится в России в грядущих стратегических сугробах. У Наполеона было два варианта. Первый – идти на Петербург, но при этом он имеет на хвосте Кутузова, а впереди – Бернадотта. Второй вариант – броситься на Кутузова, но ведь он, каналья, снова уйдет, максимум устроив видимость сражения. Наполеон оказался в патовой ситуации.

Ситуация разрешилась, когда русские атаковали Мюрата, стоявшего против Тарутино в общем бездействии. Французы отошли после первой атаки, затем контратаковали. Кутузов не считал нужным помочь главными силами и “дело” вышло в общем-то пустяковым. Потери: 2500 у Мюрата, 1100 у русских (не забывайте – мы не в Израиле, а в России, там такими потерями никого не удивишь). Но это было воспринято, как переломная точка. Наполеон не мог позволить русским перехватить иници-

ативу. Он ударил на Малоярославец – в общем направлении на юг – и занял город. Русские контратаковали, последовал упорный бой – Малоярославец остался за французами. Главными силами Кутузов в бой не пошел, и для Наполеона это было самое плохое. Кутузова просто невозможно вызвать на бой – следовательно, невозможно и уничтожить. Если русские готовы разорить свою страну, они выигрывают войну. Надо уметь вовремя отступать, и Наполеон отступил.

План его был прост и правилен. Отступить в Смоленск. От Москвы до Смоленска критический интервал – местность разорена. В Смоленске накоплены запасы – туда нужно идти, сохранив элитное ядро армии. Идти надо параллельно уже разоренной дороге. Именно это наполеоновской армии и не удалось. Наполеон хотел идти в Смоленск по южной дороге, но из-за тарутинского маневра Кутузова или по другой причине, пошел по северной, уже разоренной им же самим и отступающими русским. Можно предположить, что определенный голод и немалые потери были им просчитаны заранее в качестве неизбежного зла. Но потери возросли, скажем, на 20% – эта разница была решающей: “от великого до смешного один шаг”.

Решающий этап – путь в Смоленск. От Смоленска все просто – есть склады и есть более дружелюбное население. О том, чтобы разделить войну на 2-3 года, Наполеон уже думал и раньше. Тогда он сможет оставить хороший гарнизон в Литве (т.е. Белоруссии), а пока он соберет новую армию и на будущий год, скажем, возьмет Петербург! Но эти 20%-ные потери резко изменили равновесие.

10. Партизаны

Партизаны – это русский конек, чудо-оружие. В 1812 году партизаны делились на крестьян, партизан-военных и казаков, притом что общие военные функции были у всех примерно одинаковы. Военные партизаны начали действовать за 5 дней до Бородина. Денис Давыдов просил отрядить гусар и легкую пехоту. Кутузов позволил смешную цифру: 600 человек (позднее это

число возросло). Французы не случайно подчеркивают присутствие казаков. В то время уже было принято деление кавалерии на тяжелую и легкую. Казаков следует отнести к дополнительному сверхлегкому типу, что-то вроде монгольской конницы. Удивительно: в регулярной армии лошади падают тысячами от бескормицы (у Кутузова тоже), а казаки ездят себе как ни в чем ни бывало. Объяснения этому феномену мы не знаем. Говорят, что казацкие лошади умели доставать подножный корм даже из-под снега. А возможно, казаки успешно занимались экспроприацией фуража. Так или иначе, факт остаётся фактом. Если бы Александр действительно заранее готовился к такой войне, то казаков было бы вдвое больше, и легкой пехоты (егерей) тоже. Крестьяне и партизаны действовали только в чисто русских областях (то есть, до Смоленска), а казаки воевали везде. Это был самый страшный этап отступления французов. Есть глухие намеки на то, что Наполеон пытался снестись с казаками, чтобы попробовать “отложить” их от России. Идея нетривиальная, а для Александра и для Кутузова действительно угрожающая.

До Смоленска отступление проходило более ли менее по плану, который мы набросали. Значительное число частей развалилось, но мертвых было сравнительно не много, было много ослабевших. В Смоленске падение дисциплины перешло критическую черту, склады были разграблены, организованное снабжение прекратилось. Трудно объяснить критический перелом одной только солдатской анархией в Смоленске. Не дает объяснения и то, что казаки отбили 700 быков. Говорят, что евреи Литвы, якобы по заданию царской агентуры, перекупили французские припасы. Если это действительно имело место, то этот ход (поистине гениальный, хотя и не вполне рыцарский со стороны царской агентуры) многое объясняет.

За Смоленском начались холода, за Березиной отступление превратилось в марш смерти. Но Наполеон уже оставил армию. Он спас все, что можно было еще спасти, гениальным маневром у Березины и помчался в Париж – собирать новую армию ввиду неизбежной кампании 1813 года. Но она уже находится вне рамок нашего рассказа.

Российская война, как и война в Испании, была жестока до бесчеловечности. Но следует уточнить, что от границы до

Смоленска Наполеон шел не по России, а по “Литве”. Его армия, конечно, питалась грабя местный народ, но это не вызывало массового протеста. Свидетельства говорят однозначно: “литовские” солдаты дезертировали из русской армии в значительных количествах. Вместе с тем они пытались восставать против своих помещиков. От Смоленска и дальше начинались “исконно русские” земли – и тут уже шли сплошные пожары, грабежи и партизаны. Литва была как бы объектом освобождения, следовательно, предполагалась некоторая взаимная симпатия между местными жителями и французской армией. Вот за Смоленском армия уже начала всерьез голодать (особенно в смысле фуража). Тарле приводит интереснейшее воспоминание, как французы добрым словом достали запасы у русских крестьян, но это было не типично.

Историческое отступление: оригинальная система снабжения герцога Мальборо. Спускаясь вниз по Рейну, сей английский генерал поступал так: налагал на города контрибуцию и употреблял онаю на продовольствия закупку в селениях окрестных. Т.е. грабил города в пользу крестьян. Города контрибуция давали “охотно”. Почему? Мне кажется, для того, чтобы не перейти грань прямого грабежа и “беспредела”, как принято ныне выражаться в России.

Вернемся к Тарле, который все пытается найти разницу между Барклаем и Кутузовым и объяснить, в чем Кутузов проницательнее. Он пишет, что Барклай полагался на губительность расстояний самих по себе (растянутость коммуникаций, как объективный фактор). А вот Кутузов – тот прямо верил, что русский крестьянин свою землю превратит в пустыню и тем самым супостата погубит. Зададимся вопросом: а не помогал ли Кутузов ситуации достигнуть беспредела? Мы ведь знаем, что Сталин в Великой Отечественной Войне стремился именно к этому (а вермахт старался беспредела избежать). Не дойди народ до озверения – не было бы и “пустыни, крестьянином устроенной”. Но с другой стороны, будь ситуация более спокойной – Кутузову было бы легче избежать ненужного сражения в Бородино. То есть у всякой стратегии есть свои преимущества и свои недостатки. То, что губельно для Наполеона, несет угрозу и

для Кутузова тоже. Но Кутузов сумел выпутаться из этой ситуации. Как сказал о нем Клаузевиц, “Кутузов знал русских и умел с ними обращаться”.

11. Русская армия наступает

Итог: отступая Наполеон потерял порядка 90% отступавшей армии. С тех пор все спорят: снег ли тому виной или русский героизм? Ситуация, созданная упорством Александра и гениальным тарутинским маневром Кутузова, безусловно предписала французской армии голодное отступление, а партизаны и снег только довершили дело. Для Кутузова было важно, чтобы Наполеон подольше сидел в Москве (подольше посидит – ближе к зиме отступит). Следовательно, “кусать Мюрата” в такой ситуации было не только малоосмысленно, но и прямо вредно. С другой стороны, если уж нападать, то желательно наносить большой урон, чего Кутузов делать не позволял.

Но и наступая, Кутузов потерял **две трети** своей армии. К границе Пруссии он привел истощенные и обесиленные войска, неспособные к немедленному продолжению военных действий. Он не сумел обеспечить снабжения едой и теплой одеждой – и это не слишком хорошая характеристика для гениального спасителя России. В сущности Кутузову следовало бы превратить всю свою армию в “летучий отряд” (которые были известны уже в петровские времена). Составить ее из казаков, уверенно крутившихся на своих “монгольских” лошадаках, и егерей. Пусть она будет втрое меньше числом, но зато подвижная и дерзкая. По-видимому, эта революция в военном деле была выше его способностей. Кутузов остался в неудачных рамках строго регулярной армии и упустил Наполеона.

Упустил не случайно, а совершенно сознательно – по плану. Именно так! Кутузов запланировал построить Наполеону “золотой мост”, и он этот план выполнил железной рукой, вопреки желанию своих генералов и вопреки воле царя. Пассивность Кутузова сначала удивляла, а потом, когда она стала совершенно явной, бесила. Ее пытались сначала объяснить старческой апатией, затем трусостью. Есть разные виды трусости. Кутузов

был Наполеоном бит и гений Наполеона мог побить его снова. Тем временем, и без всяких боев Наполеон все равно отступит. Такая стратегия обещала увенчать Кутузова славой на века (как оно и произошло), так зачем же рисковать? Это одно из возможных объяснений точки зрения Кутузова, но есть и другие.

Наполеон без сомнения оставит Россию, но что будет дальше? Вспомним снова слова Александра в изложении Коленкура: “Мир, который будет не более, чем перемирием”. Такова уж природа Наполеона, он обязательно будет снова воевать. Возможно, уже не *против* России, но *вместе* с ней? Вернее, Россия заодно с Наполеоном будет воевать против всего мира и прежде всего против Англии? Похоже, что это и была та сверхзадача Кутузова, и не только его одного. Зачем воевать русской кровью за английские интересы? Не лучше ли использовать фортуна и поделить мир с Наполеоном? Тарле вроде бы согласен с такой трактовкой и немало прохаживается насчет коварного Альбиона, который за золотые фунты нанимает чужие армии... Для союзника Англии (книга вышла в 1943) это просто некорректно, да и не верно исторически. Англия воевала много и упорно. Вспомним, хотя бы 1940-1941 года, когда она стояла одна против фашистской Германии. Или 1815 год, Ватерлоо. Или 1806-1813, Испанию. Похоже, что Тарле использует стандартные байки про Англию, похожие на байки про Пруссию, только вредящие правильному пониманию ситуации.

Имел ли Кутузов право гнуть свою линию вразрез с царской государственной стратегией? Вспомним аргумент Бернадотта: что будет после того, как Наполеон умрет? Александр вряд ли думал, что после Наполеона наступит полный мир. Но он мог желать “нормальной ситуации”, т.е. нормальных конфликтов и нормальных войн, исключаящих Наполеоновский сверх-гений. Похоже, что эта не столь уж тривиальная мысль пришла в голову всей Европе на основе горького Наполеоновского опыта. Кутузов же рассуждал по-другому. У меня создалось впечатление, что военная элита екатерининской поры создала свою узкую кастовую атмосферу, в которых кутузовская стратегия имеет свой смысл, но она не перестает от этого быть разрушительной.

В заключение темы. Чичагов получил от царя прямой приказ отрезать Наполеона у Березины. Тарле написал: трудно винить

Чичагова за то, что он не решился на прямой бой с Наполеоном. Тарле не прав, Чичагов явно был готов дерзнуть, но при большом перевесе сил. В самый решающий момент Кутузов простоял 5 дней в 120 км от решающего места. Ему даже не надо было стрелять из пушек – только создать давление приближением. Но он стоял как вкопанный. Мало того, он прямо вводил Чичагова в заблуждение ложными сообщениями (несущими неверные даты, т.е. сознательный обман). Пока Чичагов не понял, что с ним ведут двойную, если не тройную, игру. Как бы вы, читатель, поступили в такой ситуации?

Если задача Кутузова заключалась в том, чтобы в дальнейшем идти *вместе* с Наполеоном, то понятно его желание удерживаться от сражения. Но если же стояла историческая задача добить Наполеона, то для минимизации жертв требовалась немедленная атака и налаженное снабжение.

Я полагаю, не было полной уверенности, что при Березине можно захватить Наполеона лично, но можно было бы попытаться уполовинить его гвардию, захватить двух-трех маршалов. Таким образом он был бы критически ослаблен. Так считали генералы Кутузова, но сам Кутузов был пассивен. Героем остался он в памяти народной. У Александра же, считается, “были слабы нервы”. Бог ей судья, памяти народной.

12. Подведение итогов: стратегический анализ результатов войны

Благодаря гению Наполеона, европейский мир на короткий промежуток времени стал однополярным, т.е. на пространстве Европы была только одна "сверхдержава". Это не абсолютно уникальная ситуация. Может быть и сейчас именно такую ситуацию создает в мире всемогущая Америка, или правильнее сказать – намного более сильная, чем остальные. В силу тех или иных исторических обстоятельств мир время от времени становится однополярным. Например, Римская империя, или Чингиз-Хан. Я намеренно взял два столь разных примера.

Рим – это история уникального администрирования и, прежде всего, административной интуиции. Так, например,

Римская империя мирно разделилась на Запад и Восток (Рим и Константинополь), потому что большой конгломерат стал слишком большим. Здесь видна та самая “умеренность”, о которой мечтал Бисмарк.

Наполеон же больше похож на Чингиз-хана или на Александра Македонского. Тут явно речь идет о личной энергии и гениальности. Такое явление заведомо временное, опирающееся на волю одного человека. Вокруг таких людей нет административной пирамиды, есть только небольшая “близкая группа” (если и этой группы нет, то и сверх-гений далеко не уйдет, а значит, мы его не зафиксируем как исторический феномен). У Македонского это десять “друзей”, между которыми он разделил свое государство. У Чингиза был Сабутай-богатур и Джуде (а Бату-хан воевать уже не хотел), у Наполеона – его маршалы.

Пример одного маршала нам крайне важен для стратегического анализа. Это Мюрат – волею Наполеона, король Неаполитанский. В 1814 году он предал Наполеона, и ему был оставлен его трон (в 1815 году он ринулся в омут “100 дней” и был безжалостно разбит в самом начале похода). Почему и за какие заслуги ему сохранили трон? Потому что победила умеренная концепция Александра I: прежде всего убрать “экстра-ситуацию” Наполеона и перевести мир на рельсы “нормальных” конфликтов. За это полагается платить умеренностью, то есть именно тем, чего не хотел (по нашей трактовке) Кутузов. Всем, кто покинет Наполеона сейчас, простится все, включая прошлое верное союзничество: Мюрат, Бавария и пр. Даже Польша (и “Литва”) не получили “мести”: Польша даже получила своего рода самостоятельность (отдельную армию). Заметим, что первой эту “систему” создала Англия: отбирая колонии у стран, присоединившихся к Наполеону, она заранее обещала их вернуть после победы (и, в основном, так оно и было).

Такова была “сверхзадача” союзников. И воздадим должное Александру I, по крайней мере, вчитаемся серьезно (без баек) в слова Шарнхорста – современника описываемых событий и умного человека (хотя и немца): “Если бы не превосходный дух русской нации, если бы не ее ненависть против чужого угнетения,

если бы не благородное упорство ее возвышенного властителя, то цивилизованный мир погиб бы, подпав под деспотизм неистового тирана”.

Итак, Наполеон был гений, военный и административный. Но обладал ли он четкой национальной стратегией? Что такое вообще “национальная стратегия”? У каждой большой национально-политической единицы есть исторический страх: борьба на два фронта. Россия решила эту проблему, отодвинув восточную границу на расстояния “сверхдалекие” (и заплатила за это поражением в войне с Японией в 1905-м году). Франция решила ее, посадив на испанский трон родственную династию. С этого времени тыл у Франции стал спокойным – в общем дружественная династия, нация не имеющая материковых амбиций). Теперь перед Францией стояли две альтернативы: океанская и материковая. Здесь надо понять особенность “атлантического мышления”. “Океанская держава” расходует свой национальный ресурс на властвование в океанах. Таким образом “океанской нации” уже не остается ресурса на серьезную материковую экспансию. Отсюда и слабость Голландии, и характерные особенности английской армии, которые Англия научилась компенсировать. В этом смысле, государства “атлантические” и “материковые” говорят на разных языках.

Во Франции общепринятое сознание замкнулось на материке, т.е. на Германии. Западная Германия была, как и Польша, слаба и хаотична – ее следовало поделить между соседями, т.е. Францией, Австрией (главные игроки), и Пруссией (игрок второстепенный но крайне энергичный, впавший, впрочем, во временную усталость). Второй и похожий конфликт – в Северной Италии и снова против Австрии. Не случайно Австрия будет на много лет главным противником Франции.

Следует осознать, что исторически Франция вполне серьезно теснила Британию в Индии, да и в Америке, колонизируемой параллельно. Критическая точка противостояния Англии и Франции была пройдена лет за тридцать до Революции одновременным поражением Франции и в Индии, и в Европе (против Пруссии Фридриха). Помощь американскому восстанию была реваншем Франции ненавистной Англии. Но для Англии потеря

американских колоний не была трагедией ни административно, ни исторически (на самом деле эта потеря была даже благом, наподобие разделения Римской Империи). Французам же мстительное вмешательство в американские дела стоило им столь дорого, что привело к революции: Англия, быть может единственная из всех европейских монархий, испытывала симпатию к нарождавшейся демократии (волею взбесившейся интеллигенции превратившейся в гильотинократию и в наполеонкратию).

Симпатия продолжалась до тех пор, пока Франция не вышла к бельгийскому побережью, которой является плацдармом для десанта в Англию. Бельгия была слаба и в политическом, и военном смысле. Для “материкового” мышления – это реальный объект экспансии, нередко вынужденной по принципу: не оттяпаешь ты, оттяпает сосед. Для мышления “океанского” – это идеальная ситуация и пусть она такой и остается: сильное государство на бельгийском побережье опасно для Англии угрозой десанта, слабая Бельгия Англии не мешает. Такой ситуация была в начале XIX века, такой повторилась спустя 100 лет: в 1914 Англия медлила всерьез выступить против Германии, пока та не овладела бельгийским побережьем. Тут все колебания кончились, и коварство Альбиона здесь не при чем.

Наполеон так и остался в рамках “материкового” мышления. Два факта подчеркивают мою мысль.

1) В 1802-1803 годах Наполеон продал за символическую сумму Луизиану – тогда ещё французскую колонию – США. Во-первых, колонизаторство его не интересовало. Во-вторых, что более важно, он сделал США своим союзником в расчёте, по-видимому, использовать американский флот, достаточно успешно воюющий с английским. Как компенсация отсутствия собственной “океанской” стратегии.

2) Испания была одним из первых государств, которые начали воевать с Французской Революцией (для русских патриотов специально: не имея порядочной армии, Испания субсидировала русскую для участия в Первой коалиции). Похоже, что причина была династическая. Но затем на всеобщее удивление мы находим Испанию на стороне Франции против Англии – кто-нибудь отметил, что Нельсон жег при Трафальгаре

испано-французский флот? И так, речь шла об общности национально-политических целей (против Англии), но все же Испания оставалась (возможно, полусамостоятельным) государством. Но результат Трафальгарского сражения означал для Франции невозможность вторжения в Англию, вследствие этого она сделала ставку на континентальную блокаду Англии. Французская блокада обходилась контрабандой через порты Испании, и с целью обеспечения блокады Франция попыталась ликвидировать независимость Испании. Здесь была перейдена грань – и Испания снова становится врагом Франции, мы вдруг обнаруживаем горящую ненависть испанского народа к французу, то есть внезапное и явное изменение национальных настроений. “Материковая” политика, требующая континентальной блокады Англии, дорого обошлась Наполеону.

Наполеон конечно был гений, но он остался в рамках предписанного ему политического мышления – “материкового”. Петр Первый, например, смог изменить что-то в русской ментальности (при этом население России уменьшилось на 12% за его царствование), а Наполеон – похоже, не смог. Наполеон реализовал “континентальный вариант” до его естественного и бессмысленного конца. Завоевывая Россию, он уже думал об Индии, причём именно о сухопутном походе туда. Для этого ему было нужно иметь Александра своим союзником (на радость Кутузову) и забыть про испанский тыл, где уже действовал Веллингтон. Наполеон думал в рамках соревнования с Александром Македонским. Как Александр Македонский обеспечил себе тыл, уйдя на Восток – я не знаю, но у Наполеона тыл обеспечен не был. Он попал в стратегический тупик: сухопутные коммуникации были слишком несовершенны для связи на таких расстояниях. Морские – да, будучи уже в XIX веке способны решать задачи связи и транспорта на тысячи километров, но они в руках у Англии – владычицы морей. Поэтому вся политика Наполеона была историческим тупиком, даже выиграл он 1812 и даже переиграл Кутузов своего царя.

13. Заключение

Что нам до всех этих историй? Позвольте поделиться одним воспоминанием из далекого уже 1967 г. (155 лет после описанных событий). Ходил после Шестидневной Войны в еврейских кругах следующий анекдот: звонит Брежнев русскому военному советнику при армии Насера, дескать, что у вас там произошло? “Все в порядке” – отвечает по телефону военный советник в чине генерала, – “Врага уже удалось заманить на Синай, теперь ждем, чтобы начались морозы” – дружный смех присутствующих обеспечен.

В 1973 г. (7 лет спустя) анекдот стал уже не так смешон: в Войне Судного Дня израильскую армию удалось застать врасплох, и случилось нечто вроде Бородина: сражение, которое каждая сторона считала своей победой. А после прихода к власти правительства Рабина и начала процесса Осло (тогда ещё без этого названия) в 1992 г. (ещё через 19 лет) вряд ли у кого-нибудь есть сомнения, кто же на самом деле победил в 1973 г. Итак, мы потерпели поражение – признаем это спокойно и подумаем, как быть дальше. Для нас главный урок 1812 г. состоит в том, что нет абсолютных поражений, но, следовательно, нет и абсолютных побед. В 1967 г. эта истина была важна арабам, и они ее усвоили. Теперь наша очередь!

Александр I и Кутузов научили не играть в игру, где преимущество у противника. Играй не в его игру, а в свою. Только тогда у тебя есть шансы победить. Какова же наша игра? Мы можем убить в боях столько и столько тысяч арабов – это им не очень важно. Мы можем уничтожить их пушки, танки и самолеты – купят новые. Но у них нет иной земли – и у нас тоже. Наша игра должна быть – заселение освобождённых территорий, и именно как постоянное решение, а не как временный залог. В тот момент, когда Израиль в лице своего леволиберального правительства решил не заселять освобожденное (захваченное) – поражение 1973 г. было предрешено, равно как и кровь, и взрывы после Осло. Но еще не поздно. Только надо выйти из рамок привычных леволиберальных решений.

История никогда не повторяется в точности, но уроки её крайне полезны и по сути дела без них – нельзя. Рассматривая

“дела давно минувших дней”, мы умнеем. Не исключено, что это единственный способ набираться исторического опыта. История, рассказанная мной, интересна, как мне кажется, и как историческая правда, и как отражение её в народной памяти и в историографии. Знание – сила. Возможно, это главная наша сила. Но знать надо правду, а не литературные байки. И надо учиться различать между ними, что отнюдь не всегда просто.

1 сентября 2003 г.